

Л. Ф. Лесгафтъ

Школьные

типы

Посмертное сокращенное изданіе

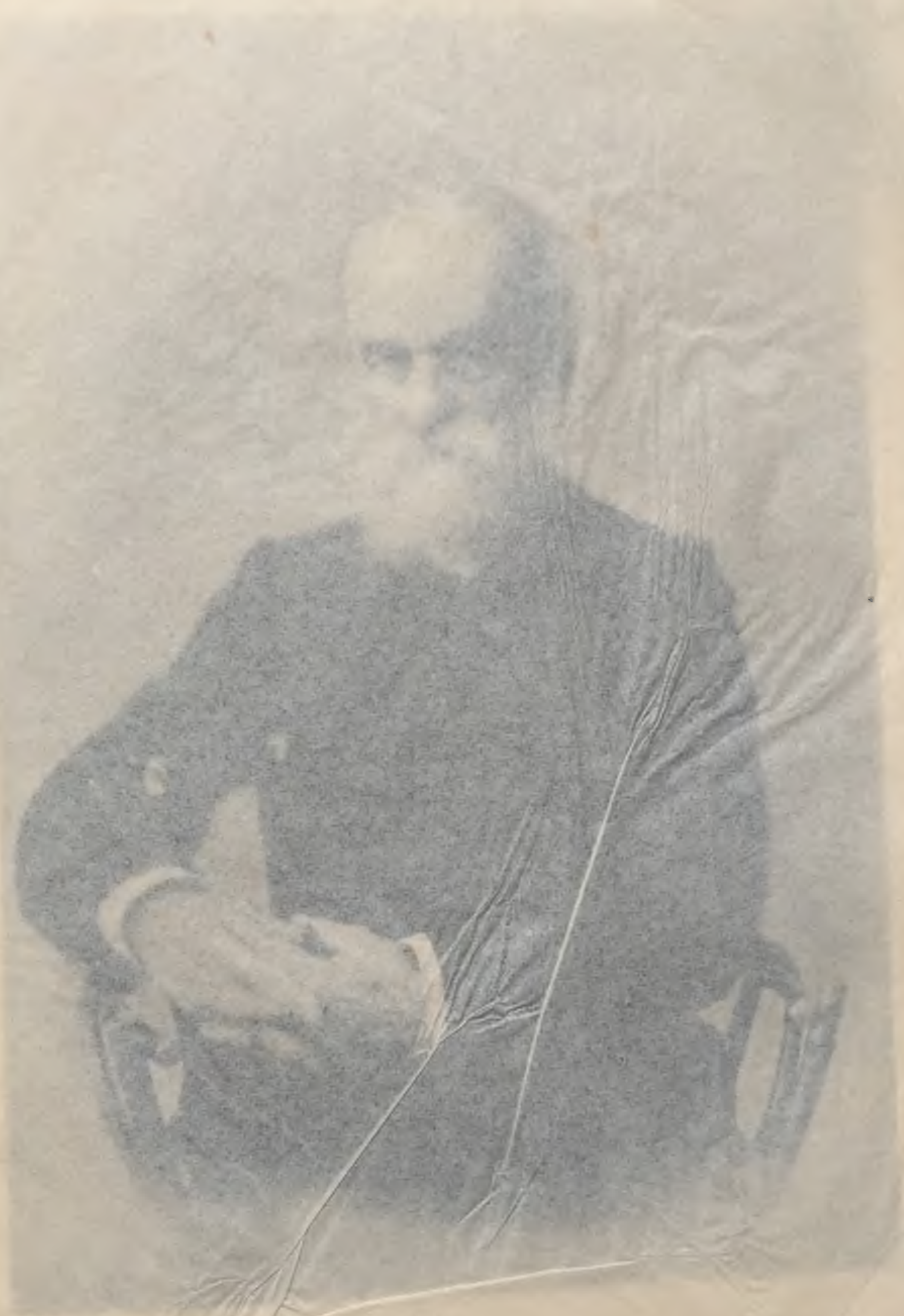

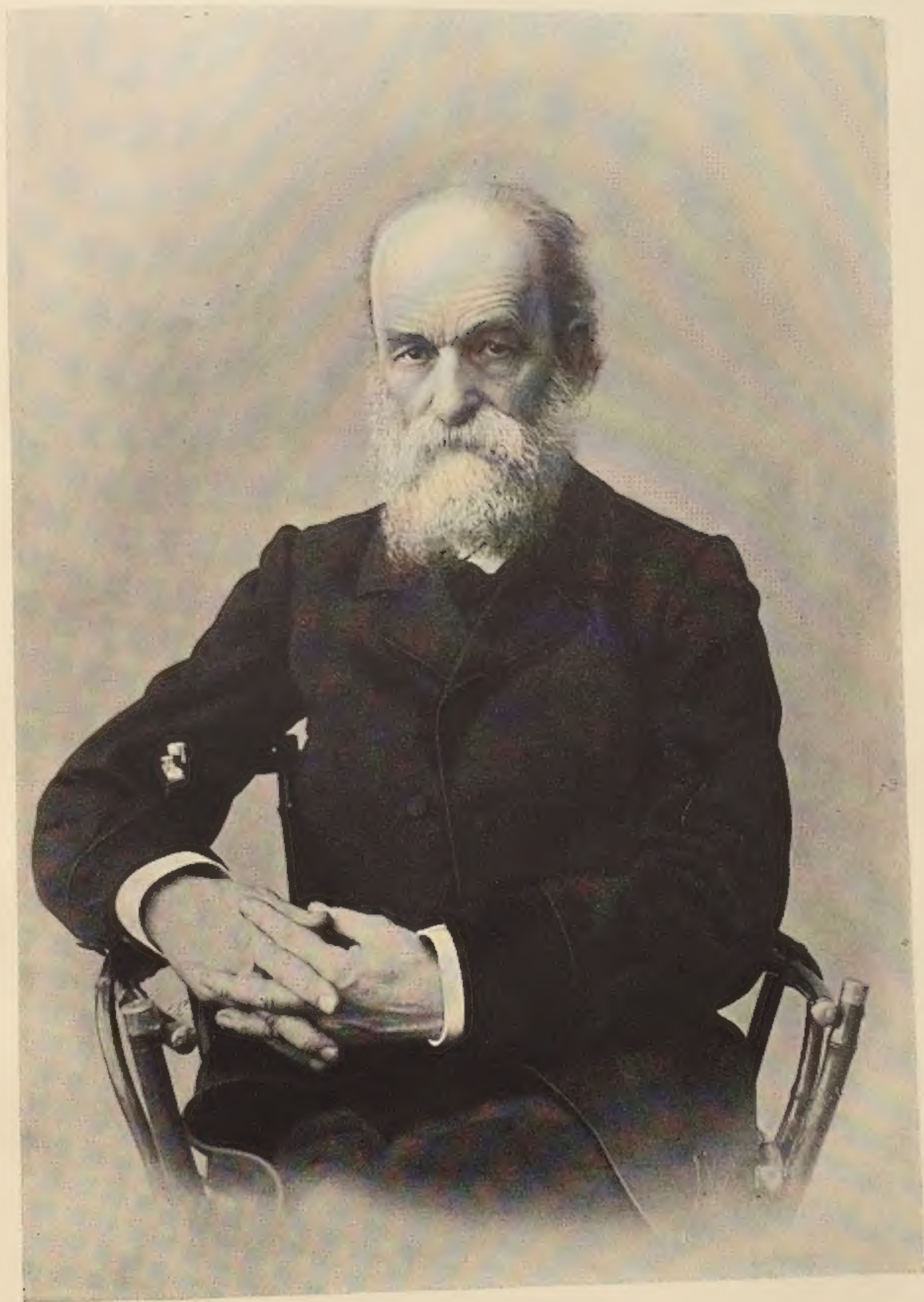

Adelberg

McClurg

П. Ф. Л.

КОЛЬ

ПОСМЕРТНОЕ

П. Ф. Лесгафтъ

ШКОЛЬНЫЕ ТИПЫ

ПОСМЕРТНОЕ СОКРАЩЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910 г.

П. О. Восточн.

ШКОЛЬНЫЕ ТИПЫ

ПОСМЕРТНОЕ ПОКЛОНЕНИЕ

„Т-во Художественной Печати“, Ивановская, 14.

Предис
Введе
Темпе
Школь
Лиц
Чес
До
Ма
З
У

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	
Введеніе	1
Темпераментъ	11
Школьные типы.	
Лицемерный типъ	22
Честолюбивый типъ	39
Добродушный типъ	63
Мягко-забитый типъ	89
Злостно-забитый типъ	108
Угнетенный типъ	136

Мы
наго
П. Ф.
слѣду
цович
послѣ
кото
восп
сожа
рабо
тру
бок
пот
тел
сах
тані
сове
тері
пон
раз
тор
П.
огр
пре

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль выпустить сокращенное изданіе „Семейнаго воспитанія ребенка“ явилась еще при жизни П. Ф. Лесгафта. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Какъ то Петръ Францовичъ получилъ письмо отъ одного рабочаго; послѣдній писалъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое произвело на него чтеніе „Семейнаго воспитанія ребенка“. Авторъ письма высказывалъ сожалѣніе о томъ, что книга эта мало доступна рабочему люду, какъ по цѣнѣ, такъ отчасти и по трудности изложенія. Далѣе въ письмѣ съ глубокой горечью говорилось о тѣхъ безпросвѣтныхъ потемкахъ, въ какихъ находятся рабочіе относительно воспитанія своихъ дѣтей, о томъ, что при самомъ ~~горячемъ~~ желаніи дать разумное воспитаніе своему ребенку, рабочій чувствуетъ себя совершенно безсильнымъ; помимо недостатка матеріальныхъ средствъ ему не достаетъ еще и пониманія и знанія того, что нужно ребенку, а разумныхъ указаній ему не откуда получить. Авторъ письма высказываетъ увѣренность, что книга П. Ф. Лесгафта могла бы въ этомъ смыслѣ оказать огромную услугу рабочимъ, если бы она могла проникнуть въ ихъ среду.

VIII

Письмо это произвело сильное впечатлѣніе на П. Ф., и пишущей эти строки пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней наблюдать его въ глубокой задумчивости надъ этимъ письмомъ.

Тогда то явилась мысль о сокращеніи „Семейнаго воспитанія ребенка“, которое дало бы возможность удешевить книгу и сдѣлать изложеніе ея болѣе доступнымъ. Мысль эта казалась вполне осуществимой въ силу нѣкоторыхъ особенностей изложенія „Семейнаго воспитанія ребенка“.

Книга состоитъ изъ двухъ частей, которыя рѣзко отличаются другъ отъ друга по изложенію. Первая часть—„Школьные типы“ представляетъ совершенно самостоятельный, законченный трудъ. По методу изложенія эта первая часть настолько отличается отъ второй, что самъ П. Ф. Лесгафть отмѣчаетъ это въ своемъ предисловіи ко второй части. Онъ говоритъ: „При выясненіи нормальнаго типа необходимо измѣнить методъ изложенія, котораго приходилось держаться при описаніи „Школьныхъ типовъ“. Тамъ было уже нѣчто готовое, такъ или иначе сложившееся, такъ что приходилось только выяснять, по возможности, причины замѣченныхъ явленій и приводить ихъ въ связь между собой. Нормальный же типъ не представляется въ видѣ реального объекта для наблюденія; пока онъ можетъ быть созданъ только въ идеалѣ“.

„Школьные типы“ написаны такимъ простымъ, яснымъ, образнымъ языкомъ, что едва ли чтеніе ихъ можетъ затруднить кого-нибудь. Трудна для пониманія мало подготовленнаго читателя именно вторая часть книги—„Основные проявленія ребенка“.

Кромѣ того „Школьные типы“ появились первоначально въ печати какъ самостоятельный трудъ; поэтому можно надѣяться, что сокращеніе „Семейнаго воспитанія ребенка“ не нарушитъ цѣльности впечатлѣнія, даваемого этой въ высшей степени цѣнной книгой, если сокращеніе будетъ падать *главнымъ образомъ* на вторую часть. Казалось только чрезвычайно важнымъ присоединить къ „Школьнымъ типамъ“ 1-ю главу изъ 2-й части, именно *темпераментъ*.

П. Ф. отнесся съ полнымъ сочувствіемъ, какъ къ мысли о сокращеніи книги, такъ и къ самому плану, и выразилъ готовность редактировать книгу.

Работа была сдѣлана при его жизни и передана ему для просмотра.

Къ крайнему сожалѣнію П. Ф. Лесгафтъ отредактировалъ только часть ея, именно, *темпераментъ*.

Не смотря на это тяжелое обстоятельство все же рѣшено издать эту книгу. Отвѣтственность же за тѣ незначительныя сокращенія, которыя сдѣланы въ „Школьныхъ типахъ“, пишущая эти строки беретъ на себя.

~~Все вниманіе при составленіи этой книги было~~
 обращено на то, чтобы сокращеніями не нарушить духа книги, основной ея мысли, чтобы по возможности сохранить безъ всякихъ измѣненій ея яркій, образный языкъ и не допускать никакихъ передѣлокъ. Исключеніе составляетъ только глава о темпераментѣ, которая, какъ уже сказано, проредактирована П. Ф., а потому и вошла въ это изданіе въ передѣланномъ видѣ.

Вышеуказанныя соображенія побудили сохра-

нить въ этомъ изданіи и тѣ теоретическія объясненія, которыя могутъ показаться нѣсколько трудными мало подготовленному читателю. Строго научныя, и въ то же время въ высшей степени простыя, они составляютъ такую цѣнную часть книги, что нельзя было рѣшиться выпустить ихъ ради легкости чтенія.

Художественные образы сами по себѣ дадутъ очень много читателю; но если онъ вдумчиво разберется въ теоретическомъ обоснованіи, на которомъ построенъ этотъ антропологическій этюдъ, то онъ получитъ несравненно больше.

„Цѣль даннаго сочиненія, говоритъ П. Ф. Лесгафтъ въ своемъ предисловіи, — выяснить связь, существующую между условіями семейной жизни ребенка и его проявленіями, а также выяснить условія, въ зависимости отъ которыхъ устанавливаются темпераментъ, типъ и характеръ человѣка. Обыкновенно приписываютъ самому ребенку всѣ замѣчаемыя у него неблагопріятныя явленія, говорятъ даже иногда о врожденной его злостности, не думая и не подозревая, что качества ребенка являются отраженіемъ качествъ окружающихъ его лицъ. Врожденными у ребенка можно считать только явленія, связанные съ его темпераментомъ, т. е. только степень силы и быстроты его мышленій и дѣйствій. Затѣмъ онъ переживаетъ имитаціонный періодъ, во время котораго у него складываются его рѣчь, всѣ главныя его привычки и обычаи, вообще, всѣ типичныя его проявленія“.

Далѣе онъ говоритъ: „При изученіи человѣка и условій его образованія всего глубже складывается убѣжденіе, насколько сильно вліяютъ не

XI

слова, а дѣйствія близкихъ лицъ на развивающагося ребенка, и насколько любовь къ труду, работа и правдивость воспитателя содѣйствуютъ нравственному развитію ребенка. Собранный въ этой книгѣ матеріалъ долженъ привести къ такимъ именно выводамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ показать, какое значеніе должна имѣть умная, толковая, правдивая, любящая мать. Степень совершенствованія общества всего вѣрнѣе опредѣляется степенью сознательнаго участія въ заботахъ о дѣтяхъ и ихъ благѣ, а это достигается только образованіемъ и связаннымъ съ нимъ нравственнымъ развитіемъ женщины. Если эта книга хотя нѣсколько будетъ содѣйствовать уменьшенію произвола при обращеніи съ ребенкомъ и укажетъ на крайнюю необходимость признавать его личность при его воспитаніи, то цѣль ея будетъ вполне достигнута“.

Изданіе этой книги взялъ на себя Совѣтъ С.-Петербургской Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта; весь доходъ съ него предоставленъ въ пользу средняго учебнаго заведенія въ память П. Ф. Лесгафта, ходатайство объ открытіи котораго уже возбуждено „Обществомъ для устройства средняго учебнаго заведенія въ С.-Петербургѣ“.

С. Познеръ.

23-го іюня 1910 г

ВВЕДЕНИЕ.

Самое существенное требованіе, какое необходимо предъявить воспитателю и учителю, берущему на себя обязанность руководить ребенкомъ, вступающимъ въ школу, это, чтобы онъ понималъ ребенка, его психическія отправления, а равно и его индивидуальныя свойства, такъ какъ, не зная условій психическаго развитія ребенка, воспитатель можетъ ежеминутно стать втупикъ передъ проявленіемъ той или другой черты нрава воспитанника, не сумѣетъ найти основной причины даннаго поступка и упуститъ изъ виду тѣсную связь индивидуальных особенностей ребенка съ его до-школьною обстановкою и семейною дисциплиною.

Не менѣе необходимо для cadaго воспитателя отдавать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ требованіяхъ, которыя ставятъ ребенку въ стѣнахъ школы, и строго слѣдить за тѣмъ вліяніемъ, какое оказываетъ на ребенка школьный порядокъ. Сплошь и рядомъ приходится наблюдать, что какъ родители въ семьѣ, такъ и воспитатели въ школѣ воздѣйствуютъ на ребенка, совершенно не отдавая себѣ отчета, почему именно слѣдуетъ примѣнять къ нему тѣ или другія воспитательныя мѣры, а вѣдь подобное *безсознательное* руководство лич-

ностью ребенка никогда не проходит безъ серьезныхъ послѣдствій и отзывается иногда на всей его послѣдующей жизни.

Большинство воспитателей, въ случаѣ неудачи своихъ педагогическихъ мѣропріятій, охотно сваливаетъ все на пресловутую „наслѣдственность“, на „прирожденную“ испорченность дѣтской *натуры*, или же, въ утѣшеніе себѣ и другимъ, ссылается на какія-то неуловимыя вліянія, которыхъ будто бы нельзя ни предусмотрѣть, ни избѣжать.

Привыкнувъ въ обыденной жизни къ очень поспѣшнымъ заключеніямъ, когда приходится указывать причину того или другого поступка взрослого человѣка, обыкновенно ограничиваются только обвиненіями и порицаніями также и тогда, когда спрашиваютъ: гдѣ искать причины дурныхъ привычекъ или безнравственныхъ поступковъ ребенка, едва достигшаго школьнаго возраста?

Однако, эти обвиненія и порицанія ровно ничего не уясняютъ, а только доказываютъ, что педагогъ не желаетъ взять на себя трудъ выяснитъ тѣ психическіе мотивы, которые составляютъ подкладку каждаго человѣческаго поступка. Вслѣдствіе недостатка вниманія, а главное вслѣдствіе незнанія, обыкновенно спѣшатъ допустить существованіе *врожденныхъ* дурныхъ наклонностей, краснорѣчиво толкуютъ о „неисправимо-испорченныхъ“ дѣтяхъ, точно эта испорченность явилась сама по себѣ, и за нее отвѣтственъ самъ ребенокъ! Вліяніе руководства взрослыхъ какъ-то всегда остается въ тѣни: вѣрить не хотятъ, что „испорченность“ ребенка школьнаго или дошкольнаго возраста есть результатъ системы вос-

питанія, за которую расплачивается все-таки одинъ воспитанникъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ не прирожденная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а педагогическія ошибки готовятъ ребенку горькую будущность, оставляя на его личныхъ проявленіяхъ и привычкахъ неизгладимые слѣды нравственной порчи и умственного безсилія.

Кому не извѣстно, что все дѣло воспитанія (и въ семьѣ, и въ школѣ) зачастую сводится къ тому, что ребенка нужно „учить“, при чемъ подъ словомъ „учить“ нерѣдко подразумѣваютъ: „взыскать“, „наказать“, „пригрозить“ и т. п. Да иначе и быть не можетъ, пока будутъ поступать совершенно слѣпо, по рутинѣ, не отдавая себѣ отчета въ каждомъ шагѣ; если не „познать себя“, не приучиться связывать причину со слѣдствіемъ, то рутинные педагогическіе приемы принудительнаго характера попрежнему будутъ царить въ стѣнахъ школы, какъ и въ семейномъ быту.

Въ настоящемъ этюдѣ представлены главные типы дѣтей, которые приходится наблюдать при появленіи дѣтей въ школѣ, и, по возможности, выяснена связь, существующая между наблюдаемыми типичными проявленіями и условіями, при которыхъ дѣти развиваются въ семьѣ. Но, прежде чѣмъ приступить къ описанію и выясненію этихъ типовъ, необходимо установить значеніе нѣкоторыхъ употребляемыхъ здѣсь выраженій, чтобы придать имъ, по возможности, точный и опредѣленный смыслъ.

Самый простой актъ, вызываемый раздраженіемъ какой-либо части чувствительной поверх-

ности тѣла, будетъ отраженный (рефлекторный), при чемъ подъ словомъ „чувствительность“ слѣдуетъ разумѣть способность воспринимать раздраженія, дѣйствующія на какую-нибудь часть живого организма. Актъ этотъ состоитъ изъ раздраженія чувствительной поверхности (кожа, всѣ ткани и органы тѣла), передачи этого раздраженія по проводнику, идущему отъ этой поверхности, а именно отъ той части, на которую непосредственно подѣйствовало раздраженіе, къ мѣсту, гдѣ этотъ проводникъ оканчивается (сѣрое вещество задней части спинного мозга, наружной части верхней поверхности продолговатаго мозга, мозжечка, узловъ основанія головного мозга и узловъ симпатической системы). Мѣсто это будетъ представлять центральный конецъ проводника. Распространяясь дальше по выходящимъ отсюда проводникамъ до ближайшихъ центровъ (сѣрое вещество передней части спинного мозга, внутренней части верхней поверхности продолговатаго мозга и тѣхъ же мозговыхъ центровъ, какъ и въ первомъ случаѣ), раздраженіе переходитъ отсюда на дальнѣйшіе проводники, достигаетъ до мышечнаго тѣла и вызываетъ въ немъ сокращеніе, заканчивая такимъ образомъ этотъ простѣйшій психическій актъ. Такой актъ по существу своему будетъ нецѣлесообразный, т. е. эффектъ раздраженія будетъ представлять собой рядъ движеній, не достигающихъ опредѣленной цѣли, и только степень движенія будетъ зависѣть отъ степени раздраженія. Если дѣйствующее на чувствительную поверхность возбужденіе или раздраженіе доходитъ до центровъ сознательной дѣятельности и

при повтореніи становится привычнымъ, то только такое опытно-рефлекторное дѣйствіе и будетъ цѣлесообразнымъ. Такія дѣйствія наблюдаются у человека въ видѣ, такъ называемыхъ, инстинктивныхъ дѣйствій. Все только что сказанное вполне подтверждается при совершенно объективномъ наблюденіи надъ новорожденнымъ ребенкомъ, но теперь не будемъ останавливаться надъ доказательствами этого положенія; послѣ, при изученіи новорожденного, прослѣдимъ шагъ за шагомъ за всѣми замѣчаемыми у него явленіями и тогда убѣдимся въ вѣрности сказаннаго. Необходимо еще замѣтить, что всѣ проводники и упомянутые выше центры совершенно индифферентны къ передаваемому раздраженію, и если они обыкновенно проводятъ раздраженіе *только* въ одну сторону, то это зависитъ отъ тѣхъ частей, которыми они начинаются и оканчиваются. Первые части, т. е. начала проводниковъ, способны только воспринимать раздраженія, а окончанія проводниковъ могутъ только передать это раздраженіе тѣмъ органамъ, въ которыхъ они оканчиваются; такими органами, повидимому, бываютъ однѣ только мышцы. Если весь этотъ актъ объективной передачи раздраженія вызываетъ безцѣльные (отраженные) дѣйствія, то онъ остается безсознательнымъ и субъективно не воспринимается; если же движенія, вызываемыя имъ, цѣлесообразны, то они составляютъ повтореніе бывшихъ въ сознаніи и субъективно воспринятыхъ раздраженій. Отдѣльными моментами этого акта будутъ, слѣдовательно, раздраженіе, которое доходитъ до центра объективнаго воспріятія, затѣмъ передача раздра-

женія центрамъ объективной дѣятельности и, наконецъ, проявленіе его въ видѣ движенія, дѣйствія.

Но раздраженіе можетъ при постепенномъ и послѣдовательномъ дѣйствіи передаваться по проводникамъ дальше, къ периферіи большихъ полушарій мозга, къ сознательнымъ или субъективнымъ центрамъ, являясь здѣсь въ видѣ ощущенія или чувствованія (удовольствія или страданія), и выразится уже желаніемъ или хотѣніемъ. Въ этомъ сознательномъ актѣ опять же необходимо раньше всего периферическое раздраженіе (кожа, всѣ ткани и органы тѣла), передача даннаго получаемаго раздраженія центрамъ объективнаго воспріятія (сѣрое вещество спинного мозга, продолговатаго мозга, мозжечка и узловъ основанія головного мозга), откуда раздраженіе передается центрамъ субъективнаго воспріятія, проявляясь здѣсь въ видѣ ощущенія или чувствованія. Послѣднія составляютъ, слѣдовательно, послѣдствіе или результатъ передачи раздраженія сознательнымъ центрамъ (корковый слой головного мозга). Вліяніе разновременныхъ или различныхъ по степени и качеству раздраженій вызываетъ въ центрѣ субъективнаго воспріятія сравненіе, порождающее мысль или сужденіе. Далѣе, раздраженіе, передаваясь центрамъ субъективной дѣятельности (психо-моторнымъ центрамъ), явится здѣсь въ видѣ желанія или хотѣнія, которое обнаружится движеніемъ. Необходимо опять же помнить, что раздраженія обыкновенно передаются по всѣмъ указаннымъ проводникамъ только въ одномъ направленіи и ни въ какомъ случаѣ не обратно. Проводникъ, идущій отъ узла и оканчивающійся въ мышцѣ,

передавая сюда раздраженіе, можетъ вызвать этимъ только мышечное сокращеніе. Проводники же, идущіе отъ поверхности большихъ полушарій мозга къ узламъ и отъ послѣднихъ къ мышцамъ, получаютъ свое раздраженіе отъ этой поверхности, отъ существующихъ здѣсь органовъ сознательнаго дѣйствія (психо-моторныхъ органовъ), съ которыми и связаны мышечныя ощущенія.

Въ сознательныхъ центрахъ необходимо отличать центръ разсудка отъ центра разума. *Разсудокъ* есть, по Канту, способность сужденія, т. е. способность сравнивать отношенія различныхъ представленій, наглядно или непосредственно воспринятыхъ; результатомъ этого сравненія будутъ: знаніе субъективно усвоенныхъ представленій и опытность, которыя, слѣдовательно, вырабатываются дѣятельностью разсудка. Знаніе и опытъ могутъ вызвать въ центрѣ субъективной дѣятельности (психо-моторномъ) желаніе или хотѣніе, но дѣятельность эта будетъ во всѣхъ отношеніяхъ подражательная, а не самостоятельная, творческая, такъ какъ она ничего не прибавляетъ къ характеру тѣхъ образовъ и представленій, которые служатъ ей матеріаломъ, а, руководясь сравненіемъ, дѣлаетъ изъ нихъ только выборъ, соотвѣтствующій той или другой цѣли. Органомъ или сѣдалищемъ *разсудка* можетъ быть признана область поверхности большихъ полушарій мозга, извѣстная подъ названіемъ *органа нагляднаго воспріятія*. *Разумъ* есть способность выводить заключенія изъ посылокъ или ясныхъ представленій, данныхъ разсудкомъ, т. е. способность устанавливать основныя различія и сход-

ства этих посылок или мыслей, лежащих въ основаніи послѣднихъ. Это уже будетъ не знаніе, а пониманіе на основаніи анализа и синтеза получаемыхъ посылокъ. Дѣятельность разума проявляется исключительно отвлеченнымъ мышленіемъ. Эта способность, видимо, развивается при медленномъ и настойчивомъ, постепенномъ и послѣдовательномъ разборѣ усвоенныхъ знаній и мыслей. Дѣятельностью разума изъ частныхъ посылокъ создаются общія идеи и истины, и, наоборотъ, послѣднія разлагаются на элементы или представленія, служащія имъ основаніемъ. Такимъ образомъ, разумомъ провѣряются идеи и выводятся *истины*, т. е. ясно сознанная идеи, строго соотвѣтствующія характеру образовъ, легшихъ въ основаніе при возникновеніи ихъ. Только разумомъ вызывается волевая дѣятельность, самостоятельная, творческая, указывающая на видоизмѣненія въ проявленіи усвоенныхъ идей и истинъ. Органомъ или сѣдалищемъ *разума* могутъ быть признаны области поверхности большихъ полушарій мозга, лежащія спереди, подъ и позади области, занимаемой органомъ разсудка. Стѣнки Сильвіевой борозды, а въ особенности извилина Брока служатъ, повидимому, органомъ, имѣющимъ отношеніе къ рѣчи. Разумомъ человекъ отличается отъ животныхъ, у которыхъ можно наблюдать развѣ только разсудочныя проявленія. Дѣятельность разума развивается только при извѣстныхъ условіяхъ: человекъ можетъ прожить всю свою жизнь, не развивъ у себя этой способности.

Подобно тому, какъ раздраженіе дѣйствуетъ на внѣшнюю чувствительную поверхность, на отдѣль-

ныя части органовъ движенія, вообще на всѣ органы животной жизни, оно дѣйствуетъ и на органы растительной жизни (пищеваренія, дыханія, выдѣленія и воспроизведенія). Здѣсь встрѣчается только больше препятствій, которыя приходится преодолѣть, чтобы передать раздраженіе отъ органовъ растительной жизни сознательнымъ центрамъ, гдѣ оно также будетъ выражаться чувствованіемъ и можетъ возрасти до страсти, если эти чувствованія не будутъ задерживаться отправлениями разума. Страсть есть назойливое или укоренившееся желаніе. Важность этихъ ощущеній видна изъ нижеслѣдующаго разбора.

Признаки жизнедѣятельности ткани состоятъ въ питаніи, движеніи и чувствительности. Первое явленіе, въ свою очередь, состоитъ изъ постоянной траты и накопленія матеріала и усиливается при раздраженіи и дѣятельности ткани или органа. Усиленная дѣятельность ткани, суммируясь, производитъ раздраженіе, которое, дойдя до сознательныхъ центровъ, проявляется здѣсь въ видѣ чувствованія, и именно, въ видѣ *удовольствія* или *страданія*. Чувствованіе, слѣдовательно, есть такое состояніе сознанія, которое вытекаетъ изъ субъективной оцѣнки ощущеній.

Эти чувствованія соотвѣтственно дѣленію, приводимому Гротомъ, могутъ быть положительныя и отрицательныя.

Положительное удовольствіе сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе между тратою матеріала и предшествовавшимъ ей накопленіемъ его. Оно выражается наслажденіемъ — чувствованіемъ, сопровождающимъ усиленную работу.

Отрицательное удовольствіе сопровождается всякое накопленіе вещества соотвѣтственно предшествовавшей ему тратѣ. Оно выражается отдыхомъ, возстановленіемъ.

Положительное страданіе сопровождается всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ предшествовавшимъ ему накопленіемъ. Оно выражается усталостью, истощеніемъ и даже изнуреніемъ.

Отрицательное страданіе сопровождается всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою. Оно вызывается лишеніемъ привычнаго раздражителя и выражается потребностью дѣятельности.

Относительно вліянія внѣшнихъ впечатлѣній можно сказать: „всякое возбужденіе или раздраженіе непремѣнно переходитъ или непосредственно въ мышечное сокращеніе, или въ умственную работу“. Въ послѣднюю оно переходитъ только въ томъ случаѣ, если предыдущею послѣдовательною и постепенною дѣятельностью были устранены препятствія на пути къ сознательнымъ центрамъ или, какъ обыкновенно говорятъ, если уже проложены пути къ этимъ центрамъ.

Темпераментъ.

Не только по наружности отличаемъ мы одного человѣка отъ другого, но еще и по какимъ-то особенностямъ въ проявленіяхъ, присущимъ каждому человѣку. Особенности эти зависятъ съ одной стороны отъ привычекъ и нравственныхъ качествъ человѣка, а съ другой стороны отъ какихъ-то прирожденныхъ свойствъ. Нерѣдко приходится наблюдать людей, которыхъ мы одинаково цѣнимъ по ихъ нравственнымъ качествамъ и все же находимъ, что они представляютъ полную противоположность другъ другу. Одинъ тихъ и медлителенъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, неразговорчивъ, упоренъ въ трудѣ; другой, напротивъ, боекъ, подвиженъ, шумливъ, говорливъ, хватается за всякое дѣло. Различіе между такими людьми сразу бросается въ глаза и зависитъ не отъ ихъ нравственныхъ качествъ, а отъ какихъ-то прирожденныхъ особенностей. Вотъ эти-то особенности въ проявленіяхъ людей были подмѣчены еще древними и называются темпераментомъ человѣка.

И такъ, темпераментъ есть степень *силы и быстроты* дѣйствій и чувствованій, проявляемыхъ каждымъ человѣкомъ; онъ проявляется уже у новорожденнаго. При посѣщеніи большихъ воспита-

тельныхъ домовъ легко замѣтить, что новорожденные различаются между собою не столько чертами лица, какъ силой и быстротой своихъ жизненныхъ проявленій. Одинъ подвижнѣе, голосъ его сильнѣе, на всякое раздраженіе онъ сильнѣе отвѣчаетъ, свое неудовольствіе выражаетъ довольно рѣзкими движеніями; другой, напротивъ того, вялый, медленно двигается, голосъ слабый, медленно и слабо отвѣчаетъ на раздраженіе.

Принимая во вниманіе указанныя различія въ проявленіяхъ, зависящія отъ степени ихъ *силы и быстроты*, различаютъ четыре темперамента: 1) *сангвиническій*, 2) *меланхолическій*, 3) *холерическій*, 4) *флегматическій*.

Сангвиническій темпераментъ выражается быстрыми и слабыми чувствованіями: человекъ быстро на все набрасывается и также легко обо всемъ забываетъ и все бросаетъ; онъ сговорчивъ, всему сочувствуетъ, легко сближается и дружится, но у него все такъ же скоро исчезаетъ и расторгается; постоянства и настойчивости мало, все измѣнчиво и легко забывается.

Меланхолическій темпераментъ проявляется медленными и сильными дѣйствіями; человекъ съ такимъ темпераментомъ отличается какъ разъ противоположными качествами; онъ медленно на все рѣшается, вездѣ усматриваетъ препятствія и отыскиваетъ постоянно причины къ опасеніямъ. Онъ не сговорчивъ и сильно придерживается своихъ привычекъ и разъ принятыхъ обычаевъ, но все это дѣлается не изъ нравственныхъ побужденій или на основаніи размышленій, а подъ вліяніемъ сильно развитыхъ чувствованій. Человекъ мелан-

холическаго темперамента медленно дружится, но разъ у него исчезли всѣ подозрѣнія, онъ глубоко и сильно привязывается. Медленность въ развитіи чувствованій препятствуетъ у лицъ этого темперамента всякимъ рѣзкимъ проявленіямъ, а также проявленіямъ радости.

Холерическій темпераментъ проявляется быстрыми и сильными дѣйствіями. Быстро развивающіяся чувствованія сопровождаются рѣзкими и порывистыми дѣйствіями, усиливающимися отъ всякаго сопротивленія. Ребенокъ холерическаго темперамента дѣйствуетъ быстро и рѣшительно, но онъ неохотно производитъ болѣе однообразныя дѣйствія. Вообще и чувствованія такого лица быстры и сильны, но не продолжительны. Холерическій темпераментъ часто смѣшиваютъ съ честолюбивымъ типомъ, но это невѣрно. Холерическій темпераментъ предрасполагаетъ къ сильнымъ чувствованіямъ и къ страстнымъ проявленіямъ, а у лицъ честолюбиваго типа уже развито опредѣленное чувствованіе первенства, которое можетъ проявляться въ различной степени и съ различной силой, такъ что честолюбцемъ можетъ быть даже и лицо флегматическаго темперамента.

Флегматическій темпераментъ выражается медленными и слабыми дѣйствіями и чувствованіями. Вялость (флегму) не должно смѣшивать съ лѣнью: первое явленіе зависитъ отъ слабой возбуждаемости, а послѣднее есть пониженіе дѣятельности вслѣдствіе притупленія впечатлительности. При флегматическомъ темпераментѣ дѣятельность проявляется медленно, такъ сказать малыми приемами, но можетъ продолжаться очень долго, чувст-
 вова-

нія развиваются медленно и слабо, но зато такъ же медленно и исчезаютъ и поэтому всегда отличаются своимъ постоянствомъ или, вѣрнѣе сказать, тягучестью.

Постараемся выяснить и установить связь между тотчасъ описанными явленіями темперамента и растительными проявленіями тѣла и его постройкой. Прежде темпераментъ связывали главнымъ образомъ съ составомъ и движеніемъ крови, но все же эту связь проводили недостаточно послѣдовательно.

Наблюденія надъ куриными зародышами и многочисленныя опыты, произведенныя надъ ними, показали, какъ рѣзко можетъ видоизмѣняться жизнедѣятельность зародыша подъ вліяніемъ видоизмѣненныхъ условій. Измѣняя температуру, доступъ воздуха, механическія условія, изслѣдователямъ удавалось искусственно получать всевозможныя формы уродливостей и даже карликовыя образованія. Отсюда понятно, что условія, при которыхъ развивается зародышъ, имѣютъ огромное вліяніе на проявленія взрослаго организма. Въ природѣ подобныя опыты наблюдаются въ широкихъ размѣрахъ. Каждый изъ насъ хорошо знаетъ, на сколько рѣзко отличаются между собою типъ *южанина* (итальянца, испанца) отъ типа *сѣверянина* (финна). Рѣзкія различія въ климатическихъ условіяхъ (тепло, солнечный свѣтъ) порождаютъ соотвѣтственныя различія въ силѣ и быстротѣ проявленій организмовъ, развивающихся при данныхъ условіяхъ.

Чрезвычайно поучительныя опыты произведены надъ щенками, съ цѣлью показать вліяніе пищи

на ростъ и на всѣ жизненныя проявленія животныхъ.

Щенкамъ одного помета давалась однимъ исключительно молочная пища, другимъ — мясная, а третьимъ — растительная (хлѣбъ, сахаръ, бобы, горохъ и т. д.). До 12-го дня они всѣ питались молокомъ матери, всѣ они находились при одинаковыхъ условіяхъ относительно жилища, свѣта и воздуха; для питанія растительною пищею выбирались наиболѣе развитые. Опыты продолжались 77 дней. Были получены слѣдующіе результаты:

ПИЩА.	До опыта.		Послѣ опыта.	
	Вѣсъ (въ грам- махъ).	Ростъ (въ сант.).	Вѣсъ (въ грам- махъ).	Ростъ (въ сант.).
Молочная	534,6	18,6	2214,6	35,6
Мясная	540,9	17,8	2240,5	37,3
Растительная	638,1	20	985,3	25

Опыты должны были прекратиться вслѣдствіе смерти всѣхъ щенковъ, питавшихся растительною пищею. Изъ 5 только одинъ дожилъ до 77 дней. Передъ смертью у всѣхъ у нихъ были слѣдующія явленія: сильная степень исхуданія, отеочное припуханіе лапъ, слабость ногъ и бѣлая или меньшая искривленность ихъ, увеличеніе живота, взъерошенная, довольно рѣдкая и мѣстами выдѣ-

шая шерсть. Голосъ у нихъ былъ пискливый, хриплый. Животныя были вялы, апатичны, склонны больше къ лежанію въ уединеніи; при дотрагиваніи визжали.

Развитіе тѣла щенковъ, питавшихся молочною пищею, несмотря на то, что у нихъ были частые поносы, шло хорошо. Они отличались своими быстрыми и ловкими движеніями, были бодры, веселы, ѣли прекрасно, спали мало и отличались большою смѣлостью. Голосъ у нихъ былъ чистый, звонкій, шерсть гладкая, лоснящаяся. Подкожного жира не было.

Питавшіеся мясной пищей почти ни разу не страдали поносомъ. Формы ихъ были болѣе округленныя, такъ какъ у нихъ замѣчалось обильное развитіе подкожного жирового слоя. Шерсть была гладкая, лоснящаяся. Они были также бодры, спали мало, очень легко просыпались, были злѣе и сердитѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трусливѣе питавшихся молочною пищею.

Всѣ условія, вліяющія болѣе или менѣе рѣзко на развитіе и ростъ молодыхъ животныхъ, т. е. имѣющія прямое отношеніе къ ихъ питанію, вліяютъ несомнѣнно и на ихъ темпераментъ.

Кромѣ указанныхъ условій, для питанія организма имѣетъ значеніе сила и быстрота, съ которою питательная жидкость, т. е. кровь, прогоняется въ тѣлѣ; это зависитъ отъ постройки органовъ кровообращенія—сердца и сосудовъ.

Сосуды бываютъ трехъ видовъ: *артеріи*, выносящія кровь изъ сердца ко всѣмъ частямъ тѣла; *вены*, приносящія кровь обратно къ сердцу и между ними во всѣхъ частяхъ тѣла располагаются

мельчайшіе переходные сосуды—*волосные сосуды*; только съ этими послѣдними и связаны явленія питанія и обмѣна.

Анатомическія изслѣдованія показываютъ, что различія въ калибрѣ, толщинѣ стѣнокъ артерій настолько же рѣзки, насколько рѣзки различія въ формѣ всѣхъ наружныхъ частей лица, по которымъ обыкновенно отличаютъ одного отъ другого.

Существующія въ этомъ отношеніи изслѣдованія устанавливаютъ слѣдующіе типы сосудовъ: *большого и малаго калибра, съ толстыми и тонкими стѣнками*. Отъ этихъ размѣровъ сосудовъ зависитъ быстрота и сила протекающей струи крови. Но сила и быстрота теченія крови имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ питанію, слѣдовательно и къ силѣ и энергіи, какую ткани человѣческаго тѣла могутъ обнаружить; а отъ степени энергіи работы, происходящей въ организмѣ, зависятъ и наши ощущенія и чувствованія. Поэтому строеніе и форма сердца и сосудовъ должны имѣть несомнѣнное значеніе въ отношеніи силы и быстроты дѣйствій и желаній каждаго лица, а также въ отношеніи развитія его чувствованій или его темперамента.

При опредѣленной силѣ сердца и упругости стѣнокъ сосудовъ, а также сопротивленія въ волосныхъ сосудахъ, теченіе крови тѣмъ быстрѣе, чѣмъ меньше просвѣтъ ¹⁾ сосудистаго ствола, и, наоборотъ,—чѣмъ больше просвѣтъ ствола, тѣмъ медленнѣе теченіе содержамаго. При одинаковыхъ условіяхъ точно такое же значеніе имѣетъ и тол-

¹⁾ Поперечное сѣченіе трубки.

щина стѣнокъ сосудовъ: чѣмъ толще мышечныя и упругія стѣнки сосудовъ, тѣмъ съ относительно большею силою прогоняется содержимое, и, наоборотъ,—чѣмъ эти стѣнки тоньше, тѣмъ слабѣе сила, съ которой содержимое протекаетъ черезъ сосудъ.

Принимая во вниманіе все вышесказанное о темпераментахъ и ихъ проявленіяхъ, не трудно все это соединить съ постройкой сосудовъ, представленной на таблицѣ:

Изслѣдованія показали, что размѣры сердца и сосудовъ рѣзко измѣняются въ различные періоды жизни; измѣняются также отношенія между серд-

цемъ и сосудами. Въ соотвѣтствіи съ этими измѣненіями наблюдаются и измѣненія темперамента.

Самый большой просвѣтъ артерій бываетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, чѣмъ обуславливается большая масса крови, чѣмъ у взрослога. Явленія эти несомнѣнно стоятъ въ связи съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ головного мозга, вѣсъ котораго уже въ теченіе перваго года жизни почти удваивается.

Въ періодъ полового развитія артеріальная система отличается, напротивъ, относительно узкимъ просвѣтомъ, а такъ какъ въ то же время сердце сильно увеличивается въ объемѣ, то является высокое боковое давленіе въ артеріяхъ и волосныхъ сосудахъ. Это способствуетъ развитію полового аппарата, кожныхъ железъ, росту волосъ и другимъ явленіямъ, свойственнымъ половой зрѣлости.

Далѣе, въ теченіе зрѣлаго возраста, артеріи становятся опять относительно шире и теряютъ мало-по-малу свою упругость; отсюда постепенное паденіе кровяного давленія, ведущее постепенно къ запускѣ многимъ волоснымъ сосудамъ; этимъ обуславливается появленіе старческихъ измѣненій, старческой дряхлости, худобы и пр.

Только что указанныя видоизмѣненія, связанные съ періодами развитія и роста, совпадаютъ съ небольшими видоизмѣненіями темперамента.

Новорожденные до конца прорѣзыванія первыхъ зубовъ, т. е. до конца втораго года, проявляются большею частью либо *сангвиниками*, либо *флегматиками* (слабыя проявленія).

Болѣе разнообразныя формы темперамента являются съ появленіемъ постоянныхъ зубовъ, т. е. съ

семилѣтняго возраста. Со времени же періода возмужалости, т. е. съ 15—16-лѣтняго возраста, темпераментъ обыкновенно довольно рѣзко опредѣляется и устанавливается.

Въ старческомъ возрастѣ опять преобладаютъ медленныя и болѣе или менѣе слабыя дѣйствія; въ этомъ періодѣ жизни чаще встрѣчаются *флегматическій* и *меланхолическій* темпераментъ (медленныя проявленія).

Не смотря на указанные видоизмѣненія, темпераментъ все же является замѣчательно стойкимъ проявленіемъ лица. Темпераментъ—явленіе безсознательное, имъ выражается быстрота и сила въ развитіи чувствованій и душевныхъ волненій человека. Ему можетъ быть противопоставлена сознательная жизнь человека, которая находится въ зависимости отъ отправленій мозговыхъ центровъ и нервной системы.

Только глубокое пониманіе значенія темперамента даетъ воспитателю ключъ къ пониманію дѣтской души; съ этимъ пониманіемъ онъ не станетъ примѣнять къ ребенку шаблонныхъ приѣмовъ воспитанія, онъ будетъ считаться съ личными качествами, съ его организаціей; онъ будетъ знать, что ребенка сангвиническаго темперамента нельзя вдругъ сдѣлать медлительнымъ, и что отъ ребенка меланхолическаго темперамента нельзя ожидать игривости и веселости.

Нѣмецкій философъ Кантъ вѣрно говоритъ, что лицо сангвиническаго темперамента всегда является веселымъ собесѣдникомъ, легко и быстро примѣняющимся къ людямъ, и легко съ ними сходящимся; между тѣмъ какъ лица холерическаго

темперамента всего менѣе счастливы, быстрыя и сильныя дѣйствія ихъ всегда отличаются рѣзкостью, часто непріятно поражающею другихъ. Точно также человѣка флегматическаго темперамента часто называютъ философомъ, принимая во вниманіе только внѣшнія слабыя проявленія его возбудимости.

На дѣлѣ обыкновенно выходитъ, что слабыя проявленія дѣятельности скорѣе удовлетворяютъ окружающихъ и даже могутъ вызвать ихъ участіе, между тѣмъ какъ сильныя проявленія легко вызываютъ неудовольствіе, и лицъ съ такимъ темпераментомъ обыкновенно называютъ *неуживчивыми и беспокойными* и потому отъ нихъ сторонятся.

Эти глубокія замѣчанія Канта всегда долженъ помнить воспитатель; иначе онъ легко можетъ впасть въ ошибку при оцѣнкѣ качествъ своихъ питомцевъ, а такія ошибки неизбѣжно поведутъ его и къ ложнымъ педагогическимъ приѣмамъ.

ШКОЛЬНЫЕ ТИПЫ.

Посмотримъ, въ какомъ видѣ ребенокъ является въ школу и какая связь существуетъ между его прежнею семейною жизнью и тѣмъ типомъ, къ которому его можно отнести, наблюдая его при появленіи въ школѣ.

Самые характерные изъ замѣчаемыхъ типовъ слѣдующіе:

- 1) Типъ лицемерный
- 2) „ честолюбивый
- 3) „ добродушный
- 4) „ забитый-мягкій
- 5) „ забитый-злостный
- 6) „ угнетенный

Прослѣдимъ теперь эти типы въ частности.

1. Лицемерный типъ.

Ребенокъ лицемернаго типа при появленіи въ школѣ отличается обыкновенно своею скромною внѣшностью; въ играхъ онъ подвиженъ и веселъ. Вначалѣ онъ очень привѣтливъ и внимателенъ ко всѣмъ окружающимъ, а потомъ болѣе къ тѣмъ, отъ которыхъ что-либо зависитъ. Онъ сближается съ ними всего болѣе, угождаетъ имъ и даже внимательно предупреждаетъ различныя ихъ жела-

нія. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ ласкается къ своимъ учителямъ и воспитателямъ, цѣлуетъ ихъ (въ особенности дѣвочки) и конфузливо указываетъ на свою привязанность къ нимъ. Онъ охотно говоритъ съ ними о добрѣ и не пропускаетъ случая высказывать самыя ходячія правила нравственности, заученныя имъ наизусть, смотря при этомъ прямо въ глаза наставнику, къ которому обращается. Для этого онъ въ особенности пользуется случаемъ, когда замѣченъ какой-нибудь проступокъ товарища. Иногда онъ является съ виду такимъ простодушнымъ или откровенно-добродушнымъ ребенкомъ, что всѣ къ нему относятся съ участіемъ. Въ классѣ онъ всегда старается быть скромнымъ и только своею высоко поднятой, подвижной рукой показываетъ учителю свою готовность отвѣчать или рѣшать задачу. Отвѣты его, не всегда удачныя, чаще всего содержатъ въ себѣ слова учителя, которыя онъ успѣлъ запомнить. Такой ребенокъ вначалѣ обыкновенно учится хорошо и примѣрно исполняетъ все, что отъ него требуется, но это продолжается недолго.

Вскорѣ оказывается, что этотъ прелестный ребенокъ не любимъ своими товарищами; это часто поражаетъ наставника, который, однако, сначала объясняетъ себѣ это явленіе кознями худыхъ учениковъ, тѣмъ болѣе, что неудовольствіе и является раньше всего со стороны учениковъ, нелюбимыхъ учителемъ. Мало по малу этотъ ребенокъ все болѣе отдаляется отъ своего класса, оставаясь однако-же часто любимцемъ учителя, который, видя его угнетеннымъ и преслѣдуемымъ,

еще болѣе покровительствуетъ ему. При этомъ сближеніи съ наставникомъ ребенокъ передаетъ, то какъ бы случайно въ разговорѣ, а то и прямо, всѣ дѣйствія товарищей и ихъ проступки.

Въ отношеніяхъ своихъ къ низшимъ, а въ особенности къ прислугѣ, онъ всегда отличается большою важностью, даже грубостью и хвастовствомъ. Стараясь унижить другихъ, онъ постоянно чѣмъ нибудь хвастаетъ: богатствомъ, родовитостью, значеніемъ родныхъ или знакомыхъ, связями, знакомствами съ именитыми или высокопоставленными и авторитетными лицами, выдумывая при этомъ всевозможныя небылицы и попрекая другихъ низкимъ происхожденіемъ и дурными качествами. Хвастовство принадлежитъ вообще къ очень обычнымъ явленіямъ у ребенка лицемѣрнаго типа. Вмѣстѣ съ этимъ такія дѣти часто обожаютъ, преклоняются и охотно унижаются передъ выдающимися въ обществѣ лицами; при этомъ не замѣтно ни умственного, ни душевнаго участія, а только одно слѣпое поклоненіе и хвастливое повтореніе всего ими внѣшне воспринятаго.

Лицемѣрный ребенокъ часто пользуется хорошимъ расположеніемъ наставниковъ, чтобы подъ различными предлогами отдѣлываться отъ своихъ занятій. То ребенокъ прямо высказываетъ нерасположеніе заниматься, дѣйствуя при этомъ своею откровенностью, то у него являются различныя страданія, мѣшающія ему заниматься, при чемъ онъ даже самъ заявляетъ свое сожалѣніе, что долженъ пропускать свои занятія, и часто кажется, что онъ дѣйствительно озабоченъ и огор-

чень этимъ. Вообще онъ часто прибѣгаетъ къ различнымъ болѣзнямъ, которыми онъ якобы страдаетъ; ими онъ желаетъ разжалобить окружающихъ и тѣмъ достигнуть удовольствія своихъ желаній. Мнимыя страданія въ видѣ кашля крохотканья, которое онъ вызываетъ, растравляя себѣ десны до крови, притворная слабость, нервные и даже психическіе припадки составляютъ излюбленные средства, къ которымъ такой ребенокъ очень часто и охотно прибѣгаетъ.

Наблюдался случай, гдѣ подобный ребенокъ, желая освободиться отъ предстоящихъ экзаменовъ, еще болѣе чѣмъ за два мѣсяца до нихъ сталъ заявлять своему воспитателю, что онъ плохо видитъ. Онъ постоянно сталъ наткаться на различные предметы и на людей, въ особенности, когда при этомъ было много свидѣтелей, и, наконецъ, заявилъ, что ничего не видитъ. Его водили къ врачамъ, совѣтывались съ ними; эти послѣдніе, изслѣдовавъ его, заявили, что въ этомъ случаѣ страданіе можно допустить, какъ слѣдствіе его слабости и малокровія и т. д. Обо всемъ этомъ сообщили родственникамъ, которые, однако, знали ребенка и наказаніемъ сдѣлали его зрячимъ.

Въ школѣ часто случаются пронажи мелкихъ вещей у товарищей, которыя также часто находятся у этого „любимца“. Онъ какъ будто не отличается имущества другихъ отъ своего, при чемъ свое все же тщательно хранить и въ этомъ отношеніи отличается нѣкоторою скупостью, а иногда даже жадностью. Часто онъ собираетъ совершенно негодныя и ненужныя ему вещи, а если что ему нравится своимъ видомъ, блескомъ, цвѣтомъ или

вкусомъ, то онъ почти что не въ состояніи удержать себя отъ присвоенія этой вещи. Нуждаясь въ чемъ-нибудь, онъ обыкновенно предпочитаетъ заполучить необходимую ему вещь скорѣе тайкомъ, чѣмъ открытымъ путемъ.

Всѣ эти качества, открытыя наставникомъ, измѣняютъ нѣсколько его отношеніе къ ребенку, онъ начинаетъ къ нему присматриваться болѣе объективно и видѣть его недостатки. Ребенокъ же, не находя болѣе для себя никакой выгоды въ приспособленіи къ старшимъ, какъ бы махнетъ на все рукою и явится уже въ настоящемъ своемъ видѣ. Только подъ опасеніемъ наказанія онъ исполняетъ требованія старшихъ. Онъ отдѣляется, гдѣ только возможно, самой беззаастѣнчивою ложью, говоря часто неправду, иногда даже безъ всякой нужды, съ совершенно невиннымъ и откровеннымъ видомъ. Подозрѣваемый или даже уличенный во лжи, онъ никогда не сознается, въ особенности если не предвидитъ наказанія. Всѣми средствами, а иногда и рядомъ небылицъ, онъ старается оправдаться, и если ничто не помогаетъ, онъ, заливаясь слезами, только будетъ жаловаться на несправедливость и пристрастное отношеніе къ нему окружающихъ.

Ложь составляетъ вообще характерное явленіе у такого ребенка. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется только личной выгодой и совершенно безучастенъ къ требованіямъ или страданіямъ другихъ, даже самыхъ близкихъ ему лицъ. Только что увидѣвъ страданія и мученія, причиненныя имъ другимъ, онъ можетъ спокойно заснуть безмятежнымъ сномъ, какъ будто онъ тутъ

не при чемъ. Онъ ни къ кому и ни къ чему не привязанъ и даже охотно мѣняетъ свои связи и условія жизни, такъ какъ при новой обстановкѣ и среди новыхъ людей опять пользуется прежними выгодами и дѣлается на время любимымъ ребенкомъ. Если новые окружающіе его люди окажутся добрыми, мягкими и ненастойчивыми, то онъ будетъ выказывать замѣчательную самоувѣренность: оказывается, что онъ все знаетъ, онъ будетъ учить даже взрослыхъ и всегда будетъ пользоваться ими для своей выгоды; вскорѣ онъ такъ безцеремонно и увѣренно будетъ всѣмъ распоряжаться, что сдѣлается властелиномъ и тираномъ окружающихъ, при чемъ всегда будетъ отличаться своею требовательностью и безсердечіемъ. Ни малѣйшей скромности или деликатности у него нѣтъ; онъ знаетъ, какъ уже сказано, только свою выгоду и исключительно ею руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ.

Между товарищами онъ всегда нелюбимъ; эта „жила“ или „лисица“ въ классѣ всегда преслѣдуется всѣми остальными учениками. Онъ всегда отличается своимъ хвастовствомъ и надменностью въ отношеніи слабыхъ и низшихъ, лестью и трусостью въ отношеніи сильныхъ и старшихъ. Клевета, сплетня, наговоры, доносы, ложь дѣлаютъ его какъ невозможнымъ товарищемъ, такъ и вообще невозможнымъ сожителемъ. Если такого ребенка исключить изъ школы за лѣность или другія подобныя качества или если школа на него вообще мало повліяетъ, то онъ является въ обществѣ либо съ внѣшнимъ видомъ кроткаго и со-

страдательнаго благотворителя, разыгрывающаго роль отца и благодѣтеля, либо въ видѣ мнимаго страдальца или ханжи,—этихъ вредныхъ паразитовъ общества, не пропускающихъ ни одного выгоднаго для себя случая, чтобы не воспользоваться имъ, либо въ видѣ того нахальнаго и самоувѣреннаго человѣка, для котораго нѣтъ ничего святого и который знаетъ только личную свою выгоду и удовлетвореніе своихъ животныхъ стремленій и потребностей.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ могъ развиться такой типъ въ семьѣ и дойти иногда еще внѣ школы до такихъ твердо установившихся формъ, какія приходится встрѣчать тамъ? Какія условія могли создать такого ребенка, какую связь и значеніе имѣютъ всѣ эти явленія, которыя у него наблюдаются?

Случай, гдѣ можно было прослѣдить за условіями, при которыхъ такіа дѣти росли до появленія ихъ въ школѣ, даютъ возможность предположить, что развитію такого типа болѣе всего способствуетъ ложь и лицемеріе со стороны старшихъ, окружающихъ ребенка, чисто практическое направленіе домашней жизни, постоянный мелкій расчетъ и стремленіе къ легкой наживѣ, отсутствіе всякой заботы о дѣтяхъ, оставленныхъ на собственномъ ихъ попеченіи или на произволъ судьбы; всякая ложь и лицемеріе, требуемая отъ дѣтей, а также соблюденіе различныхъ внѣшнихъ обрядовъ, значеніе которыхъ не объяснено ребенку или даже недоступно его пониманію; отсутствіе условій, возбуждающихъ вниманіе ребенка и вызывающихъ его на размышленіе или даже

стараніе окружающихъ устранить такіа разсужденія; удовлетвореніе тѣхъ желаній ребенка, исполненія которыхъ онъ стремится достигъ ласкою, смиреннымъ видомъ и выпрашиваніемъ; участіе ребенка во всевозможныхъ расчетахъ и развлеченіяхъ взрослыхъ, напр., карты, угощенія, попойки и т. д.; требованіе только внѣшняго приличія въ выраженіяхъ и въ разговорѣ съ другими, при общей распущенности всего окружающаго ребенка, почему онъ и усваиваетъ себѣ только одни выраженія и фразы; вообще, всѣ тѣ случаи, гдѣ ничто не возбуждаетъ ребенка къ мышленію, и гдѣ онъ окруженъ ложью и лицемеріемъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Ребенокъ, то остающійся безъ всякаго призора и вниманія, то принимающій участіе въ расчетахъ и развлеченіяхъ взрослыхъ, научается цѣнить эти послѣднія и потомъ старается уже прибѣгать ко всевозможнымъ приемамъ, чтобы только ими пользоваться.

Прослѣдимъ теперь всю связь между этими условіями и явленіями, замѣчаемыми у ребенка впоследствии, при появленіи его въ школѣ.

При объективномъ наблюденіи за новорожденнымъ легко убѣдиться, что у него существуютъ только нецѣлесообразныя рефлексорныя явленія. Изъ всѣхъ хаотическихъ рефлексорныхъ движеній младенецъ очень скоро начинаетъ выдѣлять движенія, удовлетворяющія его или удаляющія причины, вызвавшія эти рефлексорныя явленія. Если наблюдать безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, то не трудно убѣдиться, что новорожденный не умѣетъ сосать, но что онъ очень быстро приучается къ

этому, выдѣляя изъ хаотическихъ движеній тѣ, которыя подъ вліяніемъ болѣе непосредственнаго раздраженія, вслѣдствіе соприкосновенія съ соскомъ и истекающимъ оттуда молокомъ, скорѣе удовлетворяютъ причину раздраженія. Младенецъ первоначально совершенно не въ состояніи приспособить свои руки къ захватыванію или удерживанію предметовъ, но при частомъ соприкосновеніи съ ними онъ скоро выдѣляетъ болѣе цѣлесообразныя движенія и вскорѣ въ состояніи захватывать и удерживать, напр., грудь при сосаніи. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ уже участвуетъ сознательная дѣятельность: это не что другое, какъ цѣлесообразныя рефлекторныя явленія, выдѣленные изъ хаотическихъ движеній на основаніи сознательнаго воспріятія болѣе рѣзкихъ впечатлѣній и раздраженій и частаго повторенія соотвѣтственныхъ дѣйствій, или, иначе говоря, на основаніи опыта.

Впослѣдствіи, при всѣхъ быстрыхъ, сильныхъ и неожиданныхъ раздраженіяхъ или впечатлѣніяхъ появляются и повторяются именно эти *опытно-рефлекторныя* или, какъ ихъ иначе называютъ, *инстинктивныя* движенія. Далѣе, уже со времени появленія рѣчи, младенецъ подъ вліяніемъ слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣній начинаетъ *воспроизводить, имитировать* замѣчаемыя имъ явленія, переходя при этомъ отъ самыхъ простыхъ и однородныхъ къ болѣе сложнымъ явленіямъ. Изъ этихъ имитационныхъ дѣйствій онъ опять же чаще повторяетъ и очень быстро усваиваетъ себѣ тѣ, которыя легче и выгоднѣе для него, т. е. скорѣе удовлетворяютъ

его чувствованіямъ. Если при этомъ онъ подвергается прибавочнымъ болѣе сложнымъ раздраженіямъ или впечатлѣніямъ, которыя удовлетворяютъ тѣмъ или другимъ его чувствованіямъ, то потомъ безъ этихъ раздраженій онъ уже не такъ скоро успокоится, а для его успокоенія придется не только повторять эти раздраженія, но, какъ увидимъ послѣ, даже постоянно усиливать ихъ. Носите безъ особенной надобности младенца на рукахъ, качайте однообразно, чтобы скорѣе его усыпить, произносите или пойте съ этою цѣлью самые однообразные звуки, приучайте его къ этому, и онъ потомъ не будетъ засыпать иначе. Однообразіе качанія и звуковъ скорѣе утомитъ его (загипнотизируетъ), и онъ затѣмъ безъ этого прибавочнаго раздраженія (безъ этой папироски у взрослого) уже не заснетъ. Если взять молоко матери, прибавить къ нему сахару и напоить младенца, то послѣ онъ откажется сосать грудь и можетъ быть принужденъ къ этому только голодомъ.

Періодъ имитационный продолжается у ребенка довольно долго, и въ это время устанавливаются главные его привычки и способы дѣйствій. Оставленный безъ вниманія, онъ не получаетъ никакого разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, на которые натывается, а они обыкновенно являются у дѣтей въ большомъ количествѣ, и поэтому не приучается задумываться и разсуждать о нихъ. Первоначально онъ плачемъ старается достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей, но когда видитъ, что это приводитъ его только къ непріятнымъ для него ощущеніямъ, и что ему скорѣе удастся достигнуть такого удовлетворенія ласкою или

выпрашиваніемъ, онъ на основаніи этого опыта вскорѣ начинаетъ постоянно прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ. Если онъ кромѣ того видитъ, какъ окружающіе его въ глаза говорятъ одно, а за глаза другое, при чемъ иногда даже хвастаются ловкимъ достиженіемъ своей выгоды, то все это онъ подмѣчаетъ, легко усваиваетъ и примѣняетъ самъ. Обыкновенно предполагаютъ, что ребенка можно и обмануть, вѣдь онъ глупъ, не разберетъ; а между тѣмъ различіе правды и неправды у него слагается именно такимъ образомъ, что онъ пріучается провѣрять слышанное имъ видимымъ и осязаемымъ. Если ему говорятъ, что „мамы“ нѣтъ дома, а онъ случайно увидитъ ее, то онъ при первомъ удобномъ случаѣ, если ему что не понравится, заявитъ, что его самого нѣтъ дома. Чѣмъ чаще его обманываютъ, и чѣмъ болѣе онъ встрѣчаетъ въ семьѣ разладъ слова съ дѣломъ, тѣмъ менѣе выясняются для него признаки правды и тѣмъ легче онъ начинаетъ говорить только то, что ему выгоднѣе. Будучи пойманъ въ своихъ проступкахъ и за это наказанъ, онъ опять же на опытѣ видитъ, что необходимо быть осторожнѣе, и что выгоднѣе пользоваться всякимъ случаемъ такъ, чтобы этого не видѣли и не знали; онъ старается быть умникомъ и пользуется удобными случаями уже осторожнѣе, болѣе скрытно. Наказаніе не можетъ выяснить ему объективныхъ признаковъ правды, оно только покажетъ ему, что не попадаться—*добро*, а попадаться—*зло*, и, имѣя возможность сдѣлать кому-нибудь зло, онъ именно такъ и поступитъ, какъ съ нимъ поступали при наказаніи.

Приходилось видѣть семейство, гдѣ мать очень неохотно занималась своими дѣтьми, которыхъ у нея было не мало, и не слѣдила за ними. Дѣти то терпѣли голодъ и всякіе недостатки, то вдругъ, напротивъ, ихъ надѣляли всякими лакомствами и прихотливыми игрушками. Въ особенности охотно держали ихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ они могли дѣлать что хотѣли. Если они бывало ужъ слишкомъ расшумятся тамъ, то наиболѣе шумливыхъ раздѣвали совсѣмъ и клали въ постель, гдѣ имъ предоставлялось кричать до тѣхъ поръ, пока не заснутъ; если же это не помогало и крикъ продолжался, то подносили ребенка къ водопроводу и обливали его голову водой прямо изъ подъ-крана, хотя бы это было зимой. Дѣти знали часто всѣ счеты и расчеты матери и даже иногда принимали участіе въ совѣтахъ, какъ бы добыть то или другое болѣе легкимъ способомъ; пользовались также подарками, приносимыми по временамъ матери, и всегда охотно у каждаго все просили и выпрашивали. Совершенно бездушная и въ сущности безучастная мать часто хвастала передъ дѣтьми своимъ будущимъ богатствомъ и состояніемъ. Дѣти ея отъ 5 до 14-лѣтняго возраста представляли характерные лицемѣрные типы, съ которыхъ можно было бы прямо списывать всѣ черты этого типа.

Если всматриваться и спокойно наблюдать за всѣми дѣйствіями лицемѣрнаго ребенка, то легко убѣдиться, что дѣйствія его большею частью опытно-рефлекторныя. Онъ рѣшительно ни надъ чѣмъ не останавливается и не задумывается, а дѣйствуетъ большею частью непосредственно, по-

рывисто, случайно. При всякой возможности онъ старается прямо присвоить себѣ болѣе блестящія вещи съ рѣзкими цвѣтами, вообще все, что производитъ болѣе сильное и пріятное впечатлѣніе на его зрѣніе и вкусъ; если же этого сдѣлать нельзя, то онъ возьметъ ихъ тайкомъ. Пойманный, онъ отдастъ назадъ взятую вещь, будетъ выказывать сильное горе и плакать; скажетъ, что брать безъ спроса и вообще чужое нехорошо, и пообѣщаетъ никогда болѣе такъ не поступать; его горе и раскаяніе будутъ выказываться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ знаетъ на основаніи опыта, что этимъ минуетъ наказаніе; но потомъ тутъ же, рядомъ, онъ поступитъ опять совершенно такъ же. Если же онъ не опасается никакихъ наказаній, то даже пойманный на мѣстѣ ни за что не признается въ своей винѣ и будетъ, противорѣча себѣ на каждомъ шагу, настойчиво доказывать, что онъ тутъ не при чемъ. При простомъ подозрѣніи онъ обидится и разыграетъ самую трогательную сцену, стараясь доказать, что его оскорбили ни на чемъ неоснованнымъ и несправедливымъ подозрѣніемъ.

Онъ легко вводитъ въ заблужденіе своего учителя тѣмъ, что, запоминая слова и главныя части предшествовавшаго объясненія или чтенія, онъ ихъ повторяетъ даже въ той формѣ и въ такомъ оборотѣ, какъ ихъ слышалъ. Поэтому такой ребенокъ то радуется своего учителя хорошимъ исполненіемъ или рѣшеніемъ поставленнаго вопроса, то приводитъ его въ ужасъ глубиною своего незнанія.

Представить кого-либо, вообще все видѣнное

имъ, онъ можетъ очень точно, иногда до мелочей. При разговорѣ онъ неохотно останавливается надъ какимъ-нибудь однимъ явленіемъ, въ это время глаза его перебѣгаютъ съ одного предмета на другой, какъ бы отыскивая новыя впечатлѣнія; при этомъ онъ не упуститъ ничего, что обѣщаетъ ему какую-нибудь выгоду. Поэтому у такихъ дѣтей, въ особенности же у болѣе взрослыхъ, глаза постоянно подвижны, постоянно бѣгаютъ и очень рѣдко смотрятъ въ лицо собесѣдника,—явленіе очень характерное для этого типа.

Всякія внѣшнія проявленія, которыми такъ богаты дѣти лицемѣрнаго типа, какъ напр., ихъ стремленіе часто показываться въ обществѣ, наряжаться, украшаться, хвастать, всего болѣе подтверждаютъ мнѣніе, что они не разсуждаютъ и не задумываются надъ своими дѣйствіями, а что, напротивъ того, схватываютъ и неизмѣнно повторяютъ въ своихъ дѣйствіяхъ все болѣе рѣзко на нихъ вліяющее. На нихъ вполне подтверждается то общее положеніе, что чѣмъ менѣе внутреннихъ достоинствъ, тѣмъ болѣе склонности къ внѣшнему блеску и вообще внѣшнимъ проявленіямъ; они охотно наряжаются, чтобы болѣе обратить на себя вниманіе внѣшнимъ своимъ видомъ; они хвастаютъ, кичатся своими связями, чтобы мнимыми своими качествами и достоинствами другихъ возвысить свое значеніе.

Память у ребенка лицемѣрнаго типа относительно слабо, односторонне развита; онъ нисколько не привыкъ сосредоточивать свое вниманіе надъ получаемыми впечатлѣніями, чтобы болѣе основательно усвоить ихъ; онъ усваиваетъ главнымъ

образомъ то, что внѣшне сильнѣе дѣйствуетъ, и то, что легче дается по разнообразію впечатлѣній. Область отвлеченныхъ идей лежитъ за предѣлами прямыхъ впечатлѣній, отъ которыхъ она отдѣлена настойчивымъ трудомъ разсудка, развивающимъ способность комбинировать и разъединять реальные представленія и обогащающимъ человѣка знаніями; только требующая еще большей настойчивости работа разума, которой достигается возможность подвергать строгому анализу и синтезу приобрѣтенныя уже знанія и ихъ результаты, вводитъ въ область отвлеченныхъ понятій и идей. Здѣсь, слѣдовательно, долженъ происходить уже сложный психическій процессъ, къ которому лица этого типа тѣмъ менѣе способны, что даже и надъ прямыми впечатлѣніями, какъ сказано выше, они не въ состояніи сосредоточить свое вниманіе.

О нравственныхъ качествахъ молодого человѣка лицемѣрнаго типа и говорить нечего. Идеаловъ у него нѣтъ, къ пониманію идей правды и любви онъ не подготовленъ; у него нѣтъ вѣры, нѣтъ ничего святого. Сдерживать его можетъ только физическая сила, передъ чѣмъ онъ преклоняется и даже унижается, и боль, чего онъ болѣе всего опасается.

Лицемѣрный типъ ребенка только и развивается при измѣнчивости, шаткости и лжи въ окружающей его средѣ. Такой ребенокъ не привыкъ задерживать свои дѣйствія и направлять ихъ, руководясь какимъ-либо твердымъ и постояннымъ основаніемъ; у него нѣтъ того глубокаго слѣда, который долженъ бы остаться, если бы онъ приучился неотступно держаться правды. Что

въ жизни раньше, чаще и сильнѣе вліяетъ на ребенка не на словахъ, а на дѣлѣ, то оставляетъ въ его сознательной жизни наиболѣе глубокій слѣдъ. Только то, что связано съ глубокими и сильными ощущеніями, что пріобрѣтено поступками и размышленіями человѣка, только то становится главнымъ основаніемъ въ его нравственной жизни; ни книги, ни заученныя слова, никакія внушенія такого слѣда не дадутъ; онъ есть только плодъ пережитого и прочувствованнаго. Если поэтому въ имитационномъ періодѣ развитія ребенка онъ на дѣлѣ кругомъ встрѣчаетъ только ложь, шаткость и противорѣчія, то откуда же ему пріучиться къ правдѣ, понять правду и руководствоваться ею въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ? Ложь, внѣшній блескъ и хвастовство составляютъ поэтому наслѣдіе той среды, въ которой ребенокъ росъ и воспитывался; они составляютъ прямое послѣдствіе недостатка внутреннихъ достоинствъ и слабаго умственного его развитія.

Теперь спрашивается, можно ли винить такого ребенка? Можно ли винить мать или тѣхъ лицъ, въ семьѣ которыхъ онъ выросъ?

Понятно, что нельзя: ребенокъ можетъ вырасти при данныхъ условіяхъ, прожить весь свой вѣкъ и умереть, не отдавши себѣ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Мало того, такія лица всегда очень увѣрены въ своихъ дѣйствіяхъ и очень довольны собой. Такъ проходитъ вся ихъ жизнь, исключительно животная и всегда вредная обществу. Мать или лица, въ средѣ которыхъ ребенокъ выросъ, во всякомъ случаѣ

дѣйствовали, хотя и не намѣренно, не вполне сознательно. Ихъ точно такъ же нельзя винить, какъ какую-нибудь крысу, которая можетъ или вскормить, или же съѣсть своихъ собственныхъ крысятъ. По крайней мѣрѣ, болѣе тщательныя наблюденія обыкновенно показываютъ, что кромѣ безучастнаго внѣшняго отношенія матери къ своимъ дѣтямъ, здѣсь нѣтъ ничего другого. Если бы такія лица не были такъ трусливы, то они, задушивъ другого, спали бы спокойнымъ сномъ.

Наказаніе и преслѣдованіе ребенка лицомѣра сдѣлаетъ его забитымъ и совершенно апатичнымъ. Исключить его изъ учебнаго заведенія, значитъ лишить его именно того, что для него нужно, такъ какъ только школа и доброе товарищество могутъ дать условія для его исправленія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что характеристическіе признаки ребенка лицомѣрнаго типа будутъ: ложь во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, непривычка разсуждать, способность улавливать внѣшнюю сторону предметовъ и явленій, хвастовство, хитрость, отсутствіе какихъ-либо глубокихъ чувствованій и понятія о правдѣ, исключительное соблюденіе личной выгоды. Дѣйствія его преимущественно опытно - рефлекторныя (инстинктивныя) и имитаціонныя, направленныя исключительно къ удовлетворенію минутнаго требованія и къ достиженію всего того, что на основаніи опыта оказывается выгоднымъ въ отношеніи животныхъ его потребностей.

2. Честолюбивый типъ.

Дѣти этого типа всегда отличаются внѣшнимъ своимъ видомъ, выраженіемъ чувства собственнаго достоинства, что можно замѣтить при первомъ ихъ появленіи въ школѣ. Обыкновенно чистый и опрятный ребенокъ смотритъ прямо, увѣренно, спокойно присматриваясь къ окружающему и не выскакивая впередъ. Онъ внимательно слѣдитъ за всѣми дѣйствіями учителя и наставника, стараясь не пропустить ни единого ихъ объясненія или замѣчанія. Онъ спокойно предоставляет лицемѣру лѣзть впередъ и охотнѣе выражаетъ свое желаніе отвѣчать тогда, когда другіе не могли или не выказали намѣренія отвѣчать. Сначала онъ очень остороженъ, сдержанъ и, прежде чѣмъ отвѣтить, старается побольше и поточнѣе разспросить, при чемъ охотно выражаетъ свои сомнѣнія въ вѣрности сказаннаго другими. Ребенокъ постоянно сосредоточенъ надъ разъясненіями учителя, почти исключительно занятъ ученіемъ, хотя при случаѣ не прочь показать, что знаетъ свое дѣло, и что все это дается ему легко; поэтому онъ рѣдко занимается при другихъ въ классѣ, у него, по возможности, все рассчитано и приготовлено заранѣе. Онъ можетъ настойчиво заниматься и готовиться наединѣ, чтобы потомъ блистать при всѣхъ. Если онъ чего-нибудь не умѣетъ дѣлать или не знаетъ, то наотрѣзъ откажется отъ исполненія обращенныхъ къ нему требованій и сдѣлаетъ или рѣшитъ только то, къ чему успѣлъ приготовиться, такъ какъ сильнѣе всего онъ желаетъ отличиться и не быть простымъ

смертнымъ. Къ товарищамъ онъ сначала обращается съ вопросами, при чемъ старается выказать свои знанія, затѣмъ относится къ нимъ поощрительно, охотно рѣшая для нихъ болѣе трудные вопросы и задачи, если его просятъ объ этомъ. Всякая неудача приноситъ такому ребенку много горя, которое онъ не скоро забываетъ и которое сначала совершенно лишаетъ его энергій; но вскорѣ онъ снова и даже съ большимъ рвеніемъ берется за занятія, всякими мѣрами стараясь исправить дѣло, отличиться передъ товарищами и ни въ какомъ случаѣ не уступить соперникамъ. Похвала и отличіе составляютъ наибольшее его удовольствіе, и онъ, сіяющій, съ торжествующимъ видомъ осматриваетъ всѣхъ окружающихъ, какъ бы наслаждаясь ихъ слабостью и невѣжествомъ. При спорахъ онъ неохотно соглашается съ мнѣніемъ другихъ и не легко отступаетъ отъ своего. Замѣчаній и въ особенности порицаній не терпитъ и не забываетъ, часто сильно реагируя на нихъ. Приходилось наблюдать одну уже взрослую дѣвицу, которой стоило только сказать, что она не знаетъ или не умѣетъ хорошо сдѣлать то или другое, чтобы вызвать у нея горючія слезы, довести до бессонныхъ ночей и заставить избѣгать всякихъ встрѣчъ со своимъ оскорбителемъ; такимъ образомъ можно было сдѣлаться даже вѣчнымъ ея врагомъ. Если же замѣчанія были сдѣланы въ рѣзкой формѣ и при чужихъ, то могли превратить даже друга во врага съ полною невозможностью возстановить добрыхъ отношеній. Оскорбленіе или наказаніе, особенно если въ нихъ существуетъ хотя бы тѣнь несправедливости, могутъ заставить ребенка этого

тина совершенно бросить дѣло, впасть въ полную апатію и даже дойти до самоубійства. Мститъ онъ обыкновенно страстно и всегда злорадствуетъ неудачѣ противника. Главное стремленіе такого ребенка — отличиться, быть первымъ въ своемъ классѣ и распоряжаться другими. Товарищи сначала хорошо относятся къ такимъ ученикамъ, а затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, отъ нихъ удаляются. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ этотъ типъ иногда обожаютъ. Въ играхъ такія дѣти стараются, по возможности, распоряжаться и любятъ, чтобы ихъ выбирали въ распорядители и судьи. Однако, они не годятся для этой роли, такъ какъ относятся обыкновенно пристрастно къ своимъ противникамъ и вообще ко всѣмъ, не признающимъ ихъ первенства. Они часто образуютъ партіи и враждуютъ съ лицами лицемѣрнаго типа, но, впрочемъ, скоро ихъ одолеваятъ, такъ какъ послѣднія не особенно стойки.

Они охотно занимаются искусствами, музыкою и живописью, въ особенности, когда есть какой-либо успѣхъ, и когда они видятъ, какія оваціи приходятся на долю артистовъ. Одна четырнадцатилѣтняя дѣвочка, которая умѣла еще быть откровенной, признавалась, что она занимается музыкой главнымъ образомъ для того, чтобы давать въ послѣдствіи концерты съ возможно большимъ успѣхомъ, что она и теперь охотно ѣздитъ въ оперу и концерты и при этомъ всегда [сильно аплодируетъ, мысленно представляя себя на мѣстѣ артиста. Она была первою ученицею въ классѣ и съ большимъ удовольствіемъ всегда говорила о

тѣхъ наградахъ, которыя надѣялась получить при выходѣ изъ учрежденія.

Такія дѣти и юноши рѣшительны, чувствуютъ сильно и легко увлекаются всѣмъ, что содѣйствуетъ ихъ прославленію или униженію ихъ противниковъ, не признающихъ ихъ достоинствъ и преимуществъ. Ихъ идеаль — сила, могущество и власть. Какъ хорошіе ученики они пользуются всегда различными льготами, что, понятно, портитъ товарищескія отношенія. Они любятъ, чтобы при общихъ дѣлахъ, если это не грозитъ ихъ репутаціи, ихъ выбирали ходоками передъ начальствомъ; они могутъ быть, впрочемъ, и героями, но только при надеждѣ на славу. Вообще же они хорошіе исполнители, съ сильно развитою памятью, но самостоятельно примѣнять своихъ знаній они обыкновенно не могутъ. Мало-по-малу они сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность только надъ тѣмъ дѣломъ, которымъ думаютъ отличиться, забываютъ все и всѣхъ вокругъ себя и развившись въ полный типъ, уже не останавливаются ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Соперниковъ не терпятъ и всѣми мѣрами устраняютъ ихъ; а если возможно, то и уничтожаютъ; для большаго контраста они окружаютъ себя лицами забитаго типа и даже явными лицемерами. Обыкновенныхъ людей они вообще мало цѣнятъ и, по возможности, пользуются ими для выполненія своихъ замысловъ и потребностей, по достиженіи же своей цѣли они оставляютъ ихъ безъ всякаго вниманія. Разговоры ихъ всегда очень типичны, они всегда спорятъ чужими словами, все рѣшаютъ изреченіями авторитетовъ. Несмотря

на то, что у нихъ обыкновенно нѣтъ собственныхъ мнѣній, и что они совершенно не въ состояніи творчески проявляться, они очень любятъ блеснуть мудрымъ словомъ или изреченіемъ, которыя удержаны только памятью, но высказываются ими съ большимъ апломбомъ и якобы самостоятельно.

Становясь взрослымъ и являясь общественнымъ дѣятелемъ, честолюбецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть внѣшне-дѣловымъ, исполнительнымъ, знающимъ человекомъ, всегда отличающимся самоуувѣренностью, отсутствіемъ оригинальности и творческихъ идей. Это — хорошій буржуа, дѣйствующій по расчету и высоко цѣнящій свою дѣятельность: онъ живетъ для себя и въ свое удовольствіе и отвлеченными идеалами не задается.

При какихъ же условіяхъ развивается этотъ типъ въ семьѣ?

Честолюбивый типъ развивается, повидимому, при двухъ различныхъ условіяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе соревнованія, это собственно и есть болѣе чистый типъ; во-вторыхъ, вслѣдствіе постоянныхъ похвалъ и восхищенія достоинствами ребенка. Понятно, что и послѣдствія будутъ различны, смотря по тому, при какомъ изъ этихъ условій ребенокъ выросъ.

Въ одной и той же семьѣ иногда встрѣчаются дѣти совершенно различныхъ типовъ; это легко выяснить себѣ при объективномъ наблюденіи.

Одного ребенка мать ласкаетъ, постоянно предупреждаетъ всѣ его желанія и требованія и не можетъ наглядѣться на него; между тѣмъ какъ

другого ребенка она оставляет почти безъ вниманія, не преслѣдуя его, но и не заботясь особенно о его благосостояніи и только удовлетворяя главныя его требованія; наконецъ, въ третьемъ ребенкѣ мать видитъ только одни дурныя качества; она его не только оставляетъ безъ вниманія, но даже либо удаляетъ, по возможности, отъ себя, либо заставляетъ развлекать и исполнять желанія своего любимца и примѣняетъ къ нему различныя мѣры, часто даже совершенно произвольно и несправедливо. При такихъ условіяхъ могутъ явиться три типа, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга. Первый ребенокъ можетъ быть честолюбиваго или мягко-забитаго типа; второй ребенокъ будетъ честолюбиваго типа въ томъ случаѣ, если его не стѣсняютъ, не преслѣдуютъ, но только меньше обращаютъ на него вниманія, при чемъ превозносятъ или восхваляютъ и поощряютъ наградами умственныя и физическія качества перваго. Что же касается этого перваго, то, если ему предоставляютъ нѣкоторую свободу и не предупреждаютъ всякое его движеніе, всякое желаніе, а только восхищаются его способностями, умственными и физическими его качествами, то и изъ него разовьется честолюбивый типъ, только нѣсколько отличающійся отъ второго. Этотъ ребенокъ будетъ честолюбивымъ вслѣдствіе постоянныхъ восхищеній и восхваленій, а второй—вслѣдствіе соревнованія. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что первый изъ нихъ, хотя по виду мягче и добрѣе, но зато болѣе избалованъ и менѣе устойчивъ, между тѣмъ какъ второй будетъ расчетливымъ и холоднымъ ребенкомъ, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ настойчивымъ и постояннымъ, жадно и внимательно слѣдящимъ за дѣйствіями и успѣхами своихъ соперниковъ и товарищей.

Въ семьѣ первый типъ является ея „кумиромъ“ или „божкомъ“; на немъ сосредоточено все вниманіе, имъ восторгаются, его превозносятъ, выражаясь картинно, носятъ на рукахъ и видятъ въ немъ будущаго генія. Что же касается ребенка, развивающагося подъ вліяніемъ соревнованія, то о немъ обыкновенно говорятъ, что онъ умникъ и не пропадетъ, что о немъ печего хлопотать, онъ самъ себѣ проложитъ дорогу, или мать гордится и хвастаетъ имъ, но все же на него не молятся и не восторгаются имъ.

Особенно чистымъ и рѣзкимъ является честолюбивый типъ, когда ребенокъ развивается при соревнованіи и борьбѣ съ неблагоприятными условіями жизни, съ бѣдностью, съ лишеніями, не забивающими, однако, въ немъ энергіи къ занятіямъ, когда является желаніе, при помощи настойчивой работы, выйти изъ своей среды, добиться отличія отъ другихъ, а въ послѣдствіи земныхъ благъ и почестей.

Постараемся теперь выяснитъ связь между только что приведенными условіями и типичными явленіями, наблюдаемыми у ребенка при появленіи его въ школѣ.

Только что было сказано, что условія для развитія честолюбиваго типа могутъ быть различны, но не трудно замѣтитъ въ нихъ и общія черты, это—постоянное постороннее возбужденіе ребенка къ занятіямъ либо соревнованіемъ, либо словеснымъ или матеріальнымъ поощреніемъ его. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ возбуждаютъ

у ребенка чувствованія, которыя и подстрекають его къ занятіямъ; это—главная характеристическая черта, замѣчаемая при развитіи честолюбиваго типа.

Чтобы понять то, что происходитъ у такого ребенка, стоитъ только вспомнить, какія чувствованія являются у человѣка, какъ скоро ему что-либо особенно удалось или онъ увѣренъ въ предстоящемъ успѣхѣ, когда онъ предвкушаетъ тѣ плоды, которые надѣется собрать, и такою удачею разсчитываетъ возвыситься надъ всѣми окружающими. Чувствованіе это при благопріятныхъ условіяхъ сильно растетъ и, наконецъ, до такой степени завладѣваетъ человѣкомъ, что освободиться отъ него или справиться съ нимъ становится уже не подъ силу. Ребенокъ, окруженный лицами занятыми, направленный матерью или, наконецъ, возбужденный успѣхами другого ребенка, обыкновенно начинаетъ учиться очень рано; въ особенности онъ начинаетъ рано запоминать различные стихи и басни, содержаніе которыхъ ему часто совершенно непонятно; за это его не мало хвалятъ, заставляя его при каждомъ случаѣ повторять заученное.

Похвалы и отличіе поощряють его еще болѣе къ настойчивому заучиванію, чтобы поразить своими знаніями и блеснуть ими передъ другими. Чрезмѣрное количество пріобрѣтаемыхъ знаній не позволяетъ ему спокойно остановиться надъ ними и, по возможности, обсудить и обдумать ихъ; онъ старается главнымъ образомъ усвоить все памятью, чтобы лучше и тверже владѣть тѣмъ, что доставляетъ ему похвалу и удивленіе другихъ. Успѣ-

хи, отличіе, подарки возбуждаютъ его и вызываютъ у него чувствованія, подстрекающія его къ дальнѣйшей дѣятельности. Вскорѣ онъ старается не только показать при каждомъ случаѣ свои знанія, но также и то, что они даются ему легко, и что онъ все усваиваетъ безъ труда. Поэтому онъ наединѣ старается усердно заучивать то, что ему нужно, а при другихъ казаться бездѣйствующимъ, но знающимъ. Убѣдившись въ своихъ успѣхахъ и превосходствѣ надъ другими, онъ при случаѣ охотно начинаетъ ихъ поучать и относиться къ нимъ поощрительно, скорѣ даже и высокомѣрно. Заучиваніе развиваетъ въ ребенкѣ память; онъ не останавливается надъ усвоеннымъ, не перевариваетъ его и не разсуждаетъ надъ нимъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ слѣдитъ за всякимъ поученіемъ и объясненіемъ учителя и воспитателя, стараясь запомнить всякое слово, все ими сказанное. Онъ не пріучается примѣнять на дѣлѣ усвоеннаго памятью и поэтому только имитируетъ внѣшніе пріемы, рѣчь, выраженіе лица, все то, что замѣчаетъ у лицъ, признаваемыхъ имъ авторитетными. Важность и внѣшняя недоступность родителя или учителя очень скоро усваиваются имъ и выражаются даже въ болѣе рѣзкихъ формахъ.

Какъ съ фізіологической, такъ въ особенности съ психологической точки зрѣнія никакихъ поощреній и никакихъ наказаній въ школѣ и допустить нельзя, они не согласуются съ главными задачами школы. Хвалебное слово, отмѣтки, подарки и вообще всякія отличія пріучаютъ ребенка дѣйствовать только съ личной эгоистической цѣлью, между тѣмъ какъ задача школы какъ разъ

противоположна: она должна при посредствѣ возможно большаго развитія отвлеченнаго мышленія развивать стремленіе приблизиться къ идеалу человека. Всякое искусственное поощреніе требует постепеннаго его усиленія, поэтому хвалебное слово должно перейти въ отличную отмѣтку, отмѣтка въ награду, а награда должна все усиливаться по степени и разнообразію, иначе ребенокъ понижаетъ свою дѣятельность, становится вялымъ, апатичнымъ и мало впечатлительнымъ. Слѣдовательно, вмѣсто возвышенія дѣятельности ребенка, усиленія его впечатлительности и постепеннаго совершенствованія его, дѣятельность его понижается и ребенка приходится искусственно возбуждать, чтобы вывести изъ апатіи и дать возможность исполнять поставленные ему требованія. На этомъ основаніи, кромѣ простаго, всегда искренняго и правдиваго слова, не могутъ быть допущены ни въ семьѣ, ни въ школѣ никакія поощренія, никакія наказанія.

Обыкновенно пріучаютъ ребенка къ искусственному прибавочному раздраженію съ самаго появленія его на свѣтъ и этимъ содѣйствуютъ пониженію его впечатлительности и препятствуютъ нормальному ходу его образованія. Младенца носятъ на рукахъ, его качаютъ, усыпляютъ различными однообразными напѣвами, его цѣлуютъ, поддѣлываются подъ произносимые имъ звуки,— все это оказывается искусственными раздражителями. Позже его кормятъ сахаристыми, пряными веществами, нерѣдко даютъ ребенку даже пиво, вино и различные возбуждающіе напитки; украшаютъ его роскошной одеждой, водятъ по теат-

рамъ и различнымъ публичнымъ зрѣлищамъ и собраніямъ, даже устраиваютъ особенные дѣтскіе балы, для которыхъ безумно украшаютъ дѣтей и этимъ приучаютъ ихъ къ роскоши и соревнованію. Когда послѣ всего этого начинается ученіе, ребенокъ оказывается вялымъ, апатичнымъ, лѣнивымъ; на него жалуются за безучастность его къ занятіямъ, между тѣмъ какъ все сдѣлано, чтобы именно понизить его жизнедѣятельность, чтобы сдѣлать его апатичнымъ и вялымъ. Чтобы возбудить его къ ученію, опять прибѣгаютъ къ искусственнымъ возбудителямъ въ видѣ похвалы, отмѣтокъ, подарковъ и наградъ. Развившаяся при такихъ условіяхъ апатія вызываетъ у молодого человѣка погоню за переменой впечатлѣній; кондитерская оказывается преддверіемъ къ винному погребку и кутежамъ точно такъ же, какъ отмѣтки и поощренія развиваютъ стремленіе къ различнымъ спортамъ, карточной игрѣ и т. п. Человѣка заѣдаетъ нестерпимая скука, онъ готовъ насладиться всякою травлей и грубымъ чувственнымъ развлеченіемъ, чтобы только заглушить угнетающее его чувство. У него нѣтъ внутренней жизни, онъ не возбуждается мыслью и не занятъ умственнымъ своимъ совершенствованіемъ. Молодого человѣка укоряютъ за его грубый и развращенный нравъ, совершенно упуская изъ виду причины, содѣйствовавшія его развитію, забываютъ, что только условія его семейной и школьной жизни могли способствовать развитію тѣхъ типичныхъ явленій, которыя у него наблюдаются, что ими убита идейная жизнь, и развиты одни животныя проявленія.

Если ребенокъ видитъ вокругъ себя людей, усвоившихъ себѣ неестественно-гордую внѣшность и надутую чванливость, ему, по необходимости, приходится имитировать этихъ знающихъ, но не всегда понимающихъ лицъ. Интеллигентная часть общества, какъ, напр., профессора, учителя, артисты, художники, ученые, техники и т. д. — даетъ обильный контингентъ представителей этого типа; они обыкновенно своими „знаніями“ и проложили себѣ путь; они развили своими усидчивыми спеціальными занятіями свою память и вмѣстѣ съ этимъ усвоили себѣ также опредѣленный внѣшній видъ и осанку. Такой человѣкъ не ходитъ, не смотритъ и не говоритъ, какъ простой смертный, а всѣми внѣшними проявленіями всегда старается показать свою важность и превосходство надъ всѣми окружающими. Типъ ученаго и учителя, особенно распространенный среди нѣмцевъ, такъ рѣзокъ и характеренъ, что опредѣлить его и узнать не трудно. Да и у насъ стоитъ лишь прослѣдить за офицеромъ, только что произведеннымъ, за молодымъ ученымъ, получившимъ званіе профессора, или за человѣкомъ, повышеннымъ въ чинъ, чтобы замѣтить, какъ онъ первое время чувствуетъ себя неловко, какъ онъ пыжится и усиленно старается придать себѣ опредѣленную осанку, пока не приметъ надлежащаго вида и внѣшности, свойственной извѣстному типу, не усвоитъ манеры, соотвѣтствующей его новому положенію.

Только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи умственной дѣятельности прокладываются пути къ центрамъ, связаннымъ съ этою

дѣятельностью, и вырабатывается такимъ образомъ способность разсужденія; тогда только получается возможность, какъ говорится, переваривать впечатлѣнія, чувствованія и мысли, и раздражительная дѣятельность замѣняется самостоятельной, творческою, представляющею уже результатъ дѣятельности разума. Только разсуждая, разбирая или анализируя появившееся чувство пре-восходства, можно убѣдиться въ субъективности и обманчивости этого чувствованія, ослабить его напряженность и не поддаться его вліянію, напротивъ, даже замѣтить все несоотвѣтствіе между дѣятельностью и отличіями, которыя за ней слѣдуютъ.

Воспитатель, всего менѣе знакомый со своимъ дѣломъ, совершенно не понимающій ребенка и руководящійся только простою формулою: „бди да жарь“, всегда отличается видомъ мудреца и напускною серьезностью, которая и имитируется ребенкомъ, въ особенности если онъ только внимательно слѣдитъ и быстро, такъ сказать, безъ разсужденія перенимаетъ всѣ дѣйствія наставника.

Слѣдовательно, всѣ внѣшніе приемы, появляющіеся у честолюбиваго ребенка, будутъ непременно имитационные, заученные; замѣчаемыя у него опрятность и аккуратность опять же объясняются либо просто имитацией, либо желаніемъ обратить на себя вниманіе окружающихъ, отличиться отъ другихъ, а также заслужить признаніе его достоинствъ и вознагражденіе отъ старшихъ. Измѣните условія, въ которыхъ находился ребенокъ честолюбиваго типа, относитесь къ нему совер-

шенно одинаково, какъ ко всѣмъ другимъ, не отличайте ничѣмъ, не давайте никакихъ подарковъ, наградъ, не восхваляйте его, и онъ перестанетъ заниматься попрежнему и можетъ сдѣлаться совершенно апатичнымъ, неряшливымъ и нерадивымъ ученикомъ.

То, что сказано о чувствованіи превосходства или величія, относится и ко всѣмъ другимъ однороднымъ чувствованіямъ, т. е. такимъ, которыя развиваются исключительно подъ вліяніемъ однихъ опредѣленныхъ условій. То же самое апатичное состояніе наблюдается и въ томъ случаѣ, когда дѣтей очень рано подвергаютъ довольно сильнымъ впечатлѣніямъ, возятъ по различнымъ странамъ, одѣваютъ ихъ въ самые разнообразные и, по возможности, разноцвѣтные, яркіе и блестящіе костюмы; послѣднее особенно часто приходится наблюдать при воспитаніи дѣвочекъ. Ихъ берутъ на вечера, балы, въ театры, или устраиваютъ для нихъ особенно шумные спектакли. Окружаютъ ихъ всевозможною роскошью, даютъ имъ лучшія блюда, сласти, всевозможные напитки и т. д.; слѣдовательно, искусственно всѣми возможными средствами и впечатлѣніями возбуждаютъ у ребенка различныя чувствованія. А между тѣмъ необходимо помнить, что всякое чувство, развитое у насъ, требуетъ для своего возбужденія все большаго и большаго раздраженія. То, что сегодня вызвало извѣстное опредѣленное чувство, завтра дѣйствуетъ уже слабѣе, поэтому необходимо возвысить раздраженіе даже для того только, чтобы получить прежній эффектъ. Это повышеніе раздраженія пріятно возбуждаетъ человѣка, но

вмѣстѣ съ тѣмъ вызываемое имъ чувствованіе способно мало-по-малу перейти въ страсть и, наконецъ, такъ завладѣть имъ, что всѣ его стремленія и желанія будутъ сосредоточены надъ возбужденіемъ и удовлетвореніемъ этого чувствованія. Если, напр., качать ребенка въ люлькѣ съ тѣмъ, чтобы скорѣе усыпить его, то въ скоромъ времени онъ такъ привыкаетъ къ этому, что иначе не можетъ заснуть; затѣмъ и этого становится мало, его приходится уже брать на руки и качать еще сильнѣе, чтобы добиться прежняго результата. Приходилось наблюдать одну барыню, которая сначала имѣла скромную привычку супруга помѣщицы Коробочки,—любила, чтобы горничная чесала ей пятки; вскорѣ это уже не удовлетворяло ее; мало-по-малу пришлось увеличивать поверхность раздраженія, а затѣмъ и силу его; отъ чесанія перешли къ растиранію и, наконецъ, дошли до того, что наняли двухъ здоровенныхъ мужиковъ, которые содержались на хорошихъ харчахъ, и исключительное занятіе которыхъ состояло въ растираніи жесткими щетками различныхъ поверхностей тѣла. Чувствованіе развивалось, росло и дошло до такихъ размѣровъ, что требовались самыя сильныя мѣры для поддержанія и болѣе сильнаго его возбужденія, безъ чего потребность въ удовлетвореніи его была настолько сильна, что не давала покоя и заставляла относиться съ крайнимъ раздраженіемъ ко всему окружающему. Для нормальныхъ фізіологическихъ ея отправленій требовались непременно искусственные сильныя возбудители.

Еще пришлось встрѣтить одну 9-лѣтнюю дѣ-

вочку, родители которой чуть не молились на нее; они уже успѣли побывать съ нею почти во всей западной Европѣ, показать ей всевозможныя рѣдкости и художественныя произведенія, возили ее въ театры, на балы и на различные спектакли. Она говорила наизусть стихи и яко-бы импровизировала, а отецъ, восхищаясь ею, записывалъ за ней эти импровизаціи. Она принимала участіе въ живыхъ картинахъ и различныхъ фантастическихъ представленіяхъ. Чтобы отпраздновать день ея рожденія, иллюминировали особенно изящно домъ въ деревнѣ, гдѣ они тогда жили, а она съ балкона въ фантастическомъ костюмѣ, при освѣщеніи бенгальскими огнями, въ присутствіи всей деревни декламировала и импровизировала стихи. Родители сдѣлали все, чтобы удовлетворить и развеселить свой кумиръ; между тѣмъ этотъ молодой кумиръ подъ конецъ торжества обращается къ своей матери съ грустнымъ восклицаніемъ: „Какъ все это скучно!“ Когда ее отдали въ школу, то она часто убѣгала изъ класса, гдѣ шли уроки, и со слезами на глазахъ говорила, что не можетъ дѣлать все такъ, какъ другія, и только тогда пойдетъ въ классъ, когда научится всему тамъ требуемому. Она не въ состояніи была написать нѣсколько словъ подъ рядъ и уже на второмъ или третьемъ словѣ нетерпѣливо ставила черточки или просто проводила волнообразную линію. Сосредоточить на нѣкоторое время свое вниманіе надъ какимъ-либо дѣломъ она была положительно не въ состояніи. Этотъ несчастный ребенокъ часто доходилъ до галлюцинацій.

Наконецъ, можно было прослѣдить за двумя дѣтьми, которыхъ повезли за границу для воспи-

танія. Въ заграничныхъ, въ особенности французскихъ, женскихъ пансіонахъ стараются развить главнымъ образомъ чувствованія ребенка; для этого его вводятъ, по возможности, въ фантастическій поэтический міръ. Изученіе исторіи состоитъ въ восхищеніи героическими поступками такихъ лицъ, передъ силою и могуществомъ которыхъ все преклонялось. Въ литературѣ все то же преклоненіе передъ силою ума и страсти. вмѣстѣ съ тѣмъ ребенка, въ особенности дѣвочку, еще въ до-школьномъ періодѣ такъ начинаютъ тамъ различными обычаями, обрядами и приличіями, что сильныя средства, примѣняемыя школою, не такъ рѣзко вліяютъ на мало-впечатлительную и часто апатичную ученицу, развивая развѣ только нѣкоторую романическую мечтательность. На болѣе впечатлительныхъ дѣтей такія школы должны вліять, понятно, гораздо сильнѣе, что въ данномъ случаѣ и подтверждалось вполне. По возвращеніи на родину одна изъ дѣвочекъ является страстною поклонницею Цезаря и въ особенности Наполеона; ея комната была украшена бюстами и портретами послѣдняго, окруженными вѣнками изъ иммортелей. Противъ этихъ личностей, ея „идеаловъ“, при ней никто не смѣлъ и заикаться. Вольтеръ, Дидро, Шекспиръ были самые любимые и почти единственно почитаемые писатели. Грубый Гоголь, по ея мнѣнію, былъ просто отвратителенъ и циниченъ. Встрѣтивъ въ деревнѣ пастушку, она была поражена отсутствіемъ въ ней поэтическихъ стремленій и интереса къ своему дѣлу. Она старалась доказать пастушкѣ, что въ такомъ случаѣ ей слѣдовало бы лучше всего отказаться отъ своего

дѣла. Она мечтала только о славѣ и блестящихъ успѣхахъ на драматическомъ или какомъ-либо другомъ поприщѣ. Отсутствие всего этого и первая неудача привели ее къ самоубійству. Другая дѣвочка знаетъ только себя и со слезами на глазахъ почти галлюцинируетъ о предстоящихъ ей шумныхъ и всемірныхъ оваціяхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ развившееся чувство вполнѣ завладѣло людьми, и всѣ стремленія у нихъ были направлены только къ его удовлетворенію. Всѣ отправления въ организмъ какъ бы понижаются, если нѣтъ привычнаго для него прибавочнаго раздражителя. Апатія, появляющаяся при недостаткѣ этого раздражителя, угнетаетъ человека и дѣлаетъ его совершенно негоднымъ къ какой-либо дѣятельности.

Описанная выше молодая дѣвушка, кончившая жизнь самоубійствомъ, занималась однажды переводомъ, но была разсѣяна и никакъ не могла сосредоточиться, такъ что дѣло совсѣмъ не шло. Когда ей выразили свое удивленіе, что она такъ плохо владѣетъ собой и не можетъ сдѣлать такую для нея простую вещь, она заявила, что сейчасъ дѣло пойдетъ хорошо, взяла красный колпакъ, надѣла его на лампу, такъ что въ комнатѣ получился довольно рѣзкій красный свѣтъ, и работа пошла успѣшно. Требовался, слѣдовательно, прибавочный возбудитель, чтобы исполнить извѣстное дѣло; она объясняла это особенною страстностью своего темперамента, и, чтобы лучше заниматься, какъ она сама говорила, она всегда прибѣгала къ какимъ-либо яркимъ цвѣтамъ или блестящимъ предметамъ.

Уже между 8 — 9-лѣтними дѣтьми, приводимыми въ школу, приходится встрѣчать лица съ рѣзко выраженнымъ честолюбивымъ типомъ. Нужда, неудача, борьба съ неблагопріятными семейными условіями при пробудившемся соревнованіи содѣйствуютъ тому, что чувствованіе ребенка болѣе сосредоточивается на одномъ: на желаніи возвыситься надъ другими и доказать имъ свое превосходство; но зато это желаніе тѣмъ интенсивнѣе, рѣзче и страстнѣе проявляется. Въ такомъ случаѣ развивается холодный, расчетливый, самоувѣренный эгоистъ, жадно слѣдящій за удовлетвореніемъ своего чувствованія, легко переходящаго въ страсть и даже въ манію величія.

При развитіи этого типа подъ вліяніемъ восхваленій, поощреній и при мягкомъ добромъ отношеніи и ребенокъ является болѣе мягкимъ, съ большимъ участіемъ и вниманіемъ относящимся къ окружающимъ; но все-таки мало-по-малу чувствованіе превосходства завладѣваетъ все болѣе ребенкомъ и онъ начинаетъ холодно и эгоистично относиться къ людямъ.

Впослѣдствіи могутъ явиться еще и другія чувствованія, которыя завладѣваютъ молодымъ человѣкомъ настолько, что онъ, не будучи въ состояніи противостоятъ имъ, страстно предается имъ всѣмъ своимъ существомъ; такъ, напр. у него можетъ появиться половое возбужденіе, переходящее или въ порокъ, или въ половыя излишества; употребленіе наркотическихъ веществъ въ видѣ куренья или питья; усиленное количественное или качественное удовлетвореніе чувства голода и т. д. Всѣ эти чувствованія, доведенныя до страсти, ли-

шаютъ человѣка возможности сознательно относиться къ своей дѣятельности, дѣлаютъ его слѣпымъ и глухимъ ко всѣмъ остальнымъ жизненнымъ интересамъ, кромѣ вѣдѣній своихъ чувствованій, которыя владѣютъ имъ, какъ деснотъ своимъ рабомъ. Изъ наблюденій надъ отправленіями нервной системы извѣстенъ фактъ, что, если вслѣдствіе раздраженія периферическаго конца какой-либо вѣтви нервного ствола появятся болевья ощущенія, то они заглушаются при болѣе сильномъ раздраженіи конца другой вѣтви того же ствола. Такъ, напр., боль зубовъ нижней челюсти можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ совершенно не чувствоваться, если раздражать кожу височной области больной стороны. Усиленное раздраженіе одного проводника какъ будто понижаетъ проводимость по всѣмъ остальнымъ проводникамъ того же ствола. При этомъ, однакожъ, оказывается, что, если сегодня боли исчезли вслѣдствіе раздраженія въ другомъ мѣстѣ горчичникомъ, то завтра для достиженія той же цѣли придется употребить болѣе сильное средство и мало-по-малу, такимъ образомъ, можно дойти до каленаго желѣза. Совершенно тѣ же явленія можно замѣтить и примѣнить только что сказанное къ чувствованіямъ. Всѣ они очень важны при воспитаніи, поэтому къ выясненію ихъ нужно относиться по возможности, объективнѣе. Къ нимъ придется еще часто возвращаться, и можно будетъ доказать, что здѣсь часто впадаютъ въ большую ошибку, смѣшивая „чувствованія“ съ „впечатлительностью“ или способностью чутко субъективно воспринимать всѣ вліяющія на человѣка раздраженія какъ

въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, и развиваютъ одно—пагубное, на счетъ другого въ высшей степени цѣннаго качества человека.

Выше было уже сказано, что старательнымъ и настойчивымъ заучиваніемъ ребенокъ набираетъ себѣ знанія, запасомъ которыхъ онъ и старается отличиться передъ всѣми товарищами. Быстрымъ, жаднымъ схватываніемъ и усвоеніемъ знаній упражняется память, развивается, главнымъ образомъ, дѣятельность разсудка, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе быстрые и безостановочные отвѣты или рѣшенія различныхъ задачъ требуется отъ воспитанника. Запоминая извѣстныя представленія и мысли, ребенокъ передаетъ ихъ опять въ такомъ же видѣ, какъ получилъ ихъ самъ. Производимыя имъ дѣйствія или движенія будутъ, слѣдовательно, также только точнымъ воспроизведеніемъ этихъ представленій.

Представленія, полученныя путемъ настойчивыхъ и повторныхъ усиленныхъ возбужденій, порождаютъ въ сознаніи человека образы и мысли, которые или удерживаются памятью, или же проявляются въ видѣ желанія или хотѣнія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдаются исключительно одни разсудочные акты. Вызываемыя ими чувствованія могутъ быть пріятныя (удовольствіе) или непріятныя (страданіе); поэтому привычка руководствоваться при своихъ дѣйствіяхъ чувствованіями заставляетъ человека судить о получаемыхъ впечатлѣніяхъ, пріятны или непріятны они для него, и сообразно съ этимъ поступать. „Мы хотимъ“, „намъ нравится“,—если пріятно и наоборотъ. Въ

такомъ случаѣ при помощи этого критерія ребенокъ такого типа различаетъ даже добро и зло: пріятно, нравится—добро, непріятно, не нравится—зло.

Значеніе привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ раннемъ возрастѣ, громадно, отдѣлаться отъ нихъ впослѣдствіи очень трудно, а иногда и не под силу взрослому. Обычными въ наше время настойчивыми упражненіями развивается всего болѣе память, ею воспринимаются самыя сложныя формулы, цѣлыя рѣчи, нравственныя правила и философскія ученія. Какъ часто предполагаютъ, что ребенку привили эстетическія чувствованія, если онъ декламируетъ стихи, при чемъ интонируетъ по масштабу и подходящими внѣшними пріемами усиливаетъ впечатлѣніе. Въ большей части случаевъ все это подмѣчено и заучено безъ всякаго представленія выражаемыхъ здѣсь образовъ, безъ всякаго пониманія идеи произведенія, безъ всякаго выясненія причинной связи описываемыхъ явленій.

Человѣкъ, жадно и настойчиво усваивающій большія знанія и даже отличающійся краснорѣчивымъ изложеніемъ ихъ, нерѣдко отличается малымъ пониманіемъ усвоеннаго и неумѣньемъ примѣнять собранную имъ ученую кладь. Ученый споръ такого человѣка чрезвычайно характеренъ: онъ никогда не опровергаетъ мнѣнія противника логическимъ анализомъ и синтезомъ высказанной мысли, а всегда словами различныхъ авторитетовъ и поражаетъ всегда и всѣхъ изобиліемъ цитатъ и приведеніемъ чужихъ мнѣній. Если у него какія-либо идеи дѣйствительно проявляются,

то онъ у него также заученныя, чужія, свои же принципы и идеалы у него не выработаны. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ нерѣдко руководствуется правиломъ, что цѣль оправдываетъ средства, въ особенности когда они способствуютъ удовлетворенію преобладающаго у него чувствованія.

Нравственныя качества честолюбиваго молодого человѣка очень мало развиты; они все готовы защищать и все находятъ возможнымъ; чувствуя себя оскорбленными, обиженными, они обыкновенно предпочитаютъ защищаться кулакомъ и пощечиной. Умственныя занятія и удовольствія для нихъ не существуютъ; поэтому они стремятся только къ чувственнымъ развлеченіямъ и забавамъ. Отвлеченное мышленіе у нихъ совершенно не развито и къ самостоятельной умственной дѣятельности они не подготовлены и даже поразительно умственно ограничены. Творческихъ проявленій у нихъ совершенно не замѣчается. Отсутствие всего святого и идеальнаго, узкій эгоизмъ, безхарактерность, нахальство, грубость, разгуль и дѣтская безпомощность при всякомъ новомъ дѣлѣ, требующемъ провѣрки и видоизмѣненія привычныхъ дѣйствій, это—главныя и характерныя ихъ проявленія. Въ школѣ они привыкли только все выучивать наизусть и не подготовились вовсе къ какому-либо другому болѣе сложному умственному и физическому труду. Гармонія дѣятельности ихъ организма настолько нарушена, что развились только однѣ животныя потребности; нѣтъ и не видно въ нихъ человѣка. У лицъ честолюбиваго типа обыкновенно даже находятъ много отвлеченной мысли и изящества въ ихъ дѣйствіяхъ

и проявленіяхъ, но всѣ эти явленія только ка-
жущіяся. Сильно развитая память, которую они,
главнымъ образомъ, упражняли, содѣйствовала
тому, что они легко усвоили внѣшнія формы от-
влеченной мысли, умныя слова и изящныя дѣй-
ствія другихъ, но все же это не результатъ ихъ соб-
ственного размышленія и умѣнья самостоятельно
проявляться. Какъ часто приходится наблюдать
все это у молодыхъ людей, постоянно отличав-
шихся въ школѣ своими успѣхами и исполни-
тельностью; они всегда считались первыми и съ
высшими наградами оканчивали заведеніе, гдѣ
они должны были получить свое общее образо-
ваніе. Въ особенности рѣзко это замѣчается у
молодыхъ людей, окончившихъ военно-учебныя
заведенія. Внѣшней выправки у нихъ очень много.
Всѣ проходимые по программѣ предметы они вы-
учили, но все это не содѣйствовало ихъ образо-
ванію; они отличаются грубымъ произволомъ во
всѣхъ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ; о лич-
ности человѣка, о ея значеніи они и не заду-
мывались и не разсуждали; они не научились
цѣнить личности человѣка и не умѣютъ отно-
ситься къ ней съ уваженіемъ; у нихъ нѣтъ обще-
человѣческаго образованія. Во всѣхъ своихъ раз-
влеченіяхъ, шуткахъ они отличаются большою
грубостью и цинизмомъ; они совершенно не въ
состояніи примѣнять набранныя ими знанія и
не выказываютъ никакихъ интересовъ къ какимъ-
либо идейнымъ проявленіямъ; они какъ-будто же-
лаютъ вознаградить себя за свою торопливую и
однообразную работу и, поэтому, умственно со-
вершенно бездѣйствуютъ и возможно широкимъ

разгуломъ разгоняють нападающую на нихъ хандру и скуку. Однообразная умственная работа не содѣйствовала общему ихъ образованію.

Руководствуясь чувствованіемъ своего превосходства или даже величія, лицо, принадлежащее къ честолюбивому типу, страстно преслѣдуетъ свои цѣли, расчетливо, эгоистично, какъ будто все существуетъ для него и для его прославленія. Справедливость его формальная и вытекаетъ изъ его чисто-внѣшняго отношенія къ правдѣ. Страстный, онъ не останавливается передъ средствами для достиженія своей цѣли и при неудачѣ легко рѣшается на крайнія мѣры.

Понятно, что здѣсь приходилось останавливаться только на разборѣ характеристическихъ явленій даннаго типа, и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно встрѣтить индивидуальныя отклоненія, смотря по условіямъ, при которыхъ ребенокъ росъ, въ особенности въ первые годы его жизни.

3. Добродушный типъ.

Третій основной типъ также бываетъ уже очень рѣзко выраженъ при появленіи ребенка въ школѣ. Ребенокъ добродушнаго типа является здѣсь тихимъ, спокойнымъ, внимательно слѣдящимъ за всѣми окружающими его явленіями. Всматриваясь въ новую для него среду, онъ иногда даже разставитъ ноги, какъ бы для лучшей опоры, и раскроетъ ротъ, либо развалится на столъ все въ созерцаніи окружающаго. Онъ не обращаетъ на свою внѣшность никакого вниманія, даже въ отношеніи чистоты, опрятности и цѣлости своей одежды.

Сначала онъ вообще мало подвиженъ; внѣшней привѣтливости и ласковыхъ отношеній, а также стремленія чѣмъ либо угодить, отличиться или привлечь на себя вниманіе своего наставника у него нѣтъ. Напротивъ того, онъ скорѣе навлечетъ на себя неудовольствіе своимъ простымъ, прямымъ и даже иногда неловкимъ обращеніемъ. Онъ не выскакиваетъ впередъ, а напротивъ, обыкновенно остается въ сторонѣ и молча слѣдитъ за дѣйствіями другихъ.

Вскорѣ онъ сближается со своими товарищами и раньше всего съ тѣми, которые вслѣдствіе суровости своего нрава, непривлекательной внѣшности или бѣдности, не пользуются вниманіемъ своихъ товарищей и даже преподавателей. Къ нимъ онъ обращается не съ ласками или внѣшними проявленіями нѣжности, а только со вниманіемъ и участіемъ, привлекая ихъ къ общенію съ другими.

При разговорѣ онъ прямо и откровенно смотритъ въ глаза, не стѣсняясь и не сбиваясь въ своей рѣчи. Когда онъ побольше познакомится и сблизится со своимъ наставникомъ, то оказывается очень разговорчивымъ ребенкомъ, который охотно спрашиваетъ и разсуждаетъ объ окружающихъ явленіяхъ, а въ особенности о нравственныхъ отношеніяхъ людей между собой, какъ будто постоянно провѣряя уже существующее у него въ этомъ отношеніи мнѣніе. У ребенка добродушнаго типа, при появленіи его въ школѣ часто наблюдается очень искренняя вѣра и религіозность, доходящая иногда до экстаза.

Въ классѣ онъ сначала даже невнимателенъ

къ объясненіямъ и словамъ преподавателя; на него дѣйствуетъ слишкомъ много новыхъ впечатлѣній, съ которыми онъ еще долженъ познакомиться. Мало по малу онъ начинаетъ слѣдить за объясненіями учителя съ большимъ вниманіемъ, если только они по слогу и содержанію соотвѣтствуютъ уровню его пониманія и удовлетворяютъ потребность его къ размышленію; въ послѣднемъ случаѣ интересъ къ занятіямъ растетъ въ немъ больше и больше по мѣрѣ постепеннаго и послѣдовательнаго увеличенія требуемой для нихъ умственной работы. При обращеніи преподавателя къ классу съ вопросомъ, требующимъ не повторенія сказанныхъ словъ и не припоминанія вычитаннаго изъ книги, а примѣненія какихъ-либо правилъ или формулъ или же выясненія и разбора тѣхъ или другихъ положеній, онъ часто вѣрнѣе и полнѣе другихъ въ состояніи дать требуемое рѣшеніе, но обыкновенно онъ либо выскажетъ его потихоньку своему сосѣду (который, если лицомѣръ, даже воспользуется этимъ безъ всякаго протеста со стороны автора), либо неловко, безъ всякой внѣшней обработки выскажетъ его преподавателю, и то неувѣренно и какъ бы съ сомнѣніемъ.

Онъ не отличается сильно развитой памятью, но усвоенныя имъ знанія онъ въ состояніи примѣнять на дѣлѣ, ибо всегда размышляетъ о тѣхъ фактахъ, съ которыми знакомится. Онъ такъ привыкъ задумываться надъ отдѣльными явленіями, что никогда не отвѣчаетъ вдругъ, а всегда раньше всего присмотрится, поразберетъ вопросъ и тогда уже скажетъ. При объясненіи какого-либо новаго для него явленія онъ даже скорѣе будетъ отри-

цать, чѣмъ соглашаться съ даннымъ объясненіемъ, и всѣми мѣрами будетъ стараться или выяснить несостоятельность его, или пріискать еще и другое объясненіе. Вообще онъ не скоро и не легко сдается на чужія мнѣнія и спорить большой охотникъ, совсѣмъ, конечно, не изъ желанія противорѣчить; напротивъ, онъ руководится только потребностью разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ и, по возможности, прійти къ истинному рѣшенію.

Провинившись въ чемъ либо, онъ всегда искренно сознается и ни въ какомъ случаѣ не допустить, чтобы за его погрѣшности или проступки пострадалъ кто-либо изъ его товарищей. Онъ даже способенъ представить свою погрѣшность съ болѣе невыгодной стороны, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Обвиненный несправедливо, онъ скорѣе промолчитъ, но товарища ни въ какомъ случаѣ не выдастъ; во первыхъ, потому что онъ всегдашній противникъ преслѣдованія, а во вторыхъ, потому что въ силу обычныхъ школьныхъ условій, воспитанники почти всегда стоятъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ надзирающимъ за ними. Спрошенный, онъ откровенно отвѣтитъ, что онъ не виноватъ, а если знаетъ истиннаго виновника, то только заявитъ, что на него не укажетъ. Въ этомъ отношеніи онъ твердъ и послѣдователенъ и поэтому всегда любимъ своими товарищами. Въ случаѣ обвиненія невиннаго или преслѣдованія слабого онъ является всегда горячимъ его защитникомъ и этимъ часто навлекаетъ на себя негодованіе и неудовольствіе своихъ наставниковъ. Всякая несправедливость вообще можетъ его возмутить до такой степени, что онъ въ состояніи мгновенно

вспылить и дойти до самых крайних выходовъ, при чемъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ выставить всю невзрачность и несправедливость поступка. Онъ никакъ не уживается съ ложью и насиліемъ, въ какой бы формѣ они ни проявлялись и, замѣтивъ хотя бы слѣды ихъ, онъ укажетъ на нихъ или, если они относятся только лично къ нему, отстранится, уйдетъ отъ нихъ.

Врагъ лицемѣровъ онъ, однако, не преслѣдуетъ ихъ систематически, а только разоблачаетъ и сторонится отъ нихъ. На настойчивое и послѣдовательное преслѣдованіе другихъ онъ неспособенъ. Лично изъ-за себя онъ никогда никого не преслѣдуетъ, если-бы даже ему причинили много непріятностей и страданій; онъ только отстранится отъ лицъ, причинившихъ ему такое зло.

Обыкновенно очень добрый и любящій ребенокъ, онъ всегда сильно привязанъ къ матери, къ нянѣ и вообще къ тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ выросъ и даже къ мѣсту, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство.

Онъ относится искренно, откровенно и просто, безъ внѣшней нѣжности ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходится встрѣчаться; никогда не думая о томъ, чтобы показаться лучше, онъ скорѣе выставитъ себя съ невыгодной стороны, это вовсе не противорѣчитъ его искренности и происходитъ отъ его неувѣренности въ своихъ силахъ. У него нѣтъ ни тѣни жадности, не говоря уже о желаніи присвоить себѣ или воспользоваться чужимъ добромъ; онъ никогда не ищетъ никакой льготы и выгоды, напротивъ, всегда готовъ всѣмъ подѣлиться и даже отдаетъ лучшую и большую часть, забывая себя и свои нужды. Онъ всегда готовъ

оказать посильную помощь и участіе всѣмъ окружающимъ и въ особенности нуждающимся, безъ всякой задней мысли или расчета; поступаетъ онъ такъ исключительно вслѣдствіе своей впечатлительности и отзывчивости при видѣ страданій и лишеній другихъ людей. Онъ хорошо и мягко относится къ низшимъ и прислуживающимъ, всегда уважая въ нихъ человека равнаго себѣ; поэтому онъ всегда любимъ окружающими, которые часто остаются преданными и привязанными къ нему въ продолженіе всей жизни.

Оставаясь наединѣ, онъ не бездѣйствуетъ и не скучаетъ, а всегда найдетъ себѣ дѣло и занятіе. Онъ охотно слѣдитъ за растеніями и животными, вообще за окружающимъ его міромъ и отличается при этомъ большою наблюдательностью; всѣ замѣчаемыя имъ при этомъ явленія служатъ ему богатымъ матеріаломъ для размышленія. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ дѣлится своими впечатлѣніями съ близкимъ и горячо любимымъ имъ человекомъ, добиваясь у него выясненія возникающихъ недоразумѣній или сомнѣній. Онъ хорошо знаетъ, чѣмъ можетъ огорчить или сдѣлать непріятное этому лицу, и потому старается избѣгать такихъ дѣйствій. Достаточно ему убѣдиться въ томъ, что его поступку не будутъ сочувствовать, и знать основанія этого несочувствія, чтобы вызвать у него сознаніе, что онъ неправильно или нехорошо поступилъ.

Эта черта особенно характерна и всегда существуетъ у ребенка добродушнаго типа. Не лаской, не прислуживаніемъ онъ желаетъ исправить свою вину, а полнымъ признаніемъ, при чемъ причину

своего проступка онъ непременно находитъ въ себѣ, а никакъ не въ другихъ. Такой ребенокъ требуетъ только, чтобы въ обращеніи съ нимъ всегда относились къ нему съ спокойнымъ разсужденіемъ и выясненіемъ его недостатковъ и проступковъ; требовательность, но справедливая, разумная только возбуждаетъ его энергію.

Если же стѣснять свободу такого ребенка, преслѣдовать его постоянными регламентаціями, напоминаніями, угрозами, наказаніями, заставляютъ его заучивать уроки и засаживать его за нихъ произвольно, какъ вздумается, требовать безусловнаго повиновенія „безъ разсужденій“,—словомъ, если вгонять его въ извѣстный шаблонъ, то онъ можетъ явиться въ видѣ крайне безпокойнаго, невыносимаго ребенка, который уже будетъ стоять на переходной ступени къ злостно-забитому типу. Онъ не повинуется никакимъ мѣрамъ, не поддается никакимъ наказаніямъ, постоянно замѣчаетъ всѣ промахи и слабости своего наставника и выставляетъ ихъ передъ своими товарищами въ самомъ смѣшномъ и преувеличенномъ видѣ. Подвижный, безпокойный, крайне наблюдательный, онъ замѣчаетъ всѣ слабыя стороны своихъ притѣснителей и выставляетъ ихъ въ самомъ карикатурномъ видѣ, бойко и храбро рѣшаясь на всевозможныя выходки и затѣи, даже самаго рѣзкаго характера. При этомъ онъ совершенно бросаетъ свои занятія и, доведенный въ продолженіе довольно долгаго времени различными мѣрами до высшей степени раздраженія, онъ въ состояніи нанести своимъ преслѣдователямъ всевозможныя оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ.

Подарки, награды и отличія на него не дѣйствуютъ; онъ обыкновенно не придаетъ имъ равно никакого значенія точно такъ же, какъ и другимъ матеріальнымъ выгодамъ и благамъ; поэтому онъ, понятно, и не стремится къ пріобрѣтенію ихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Вообще вся виѣшность его совсѣмъ не пользуется его вниманіемъ. Отзывчивость къ нуждамъ другихъ заставляетъ его часто давать имъ больше, чѣмъ это допускаютъ его средства. Сущестующее у него имущество вообще у него не держится, оно какъ-то исчезаетъ отчасти вслѣдствіе недостаточной къ нему внимательности, а отчасти вслѣдствіе всегдашней готовности при всякомъ случаѣ подѣлиться имъ со всѣми окружающими. Это качество при дальнѣйшемъ развитіи типа какъ будто даже растетъ; вмѣстѣ съ этимъ такія дѣти впослѣдствіи становятся неподкупными и объективно справедливыми. Откровенный, искренній и правдивый нравъ добродушнаго ребенка рѣзко выказывается въ школьныхъ играхъ и во всѣхъ отношеніяхъ къ товарищамъ. Молодые люди этого типа не знаютъ личныхъ выгодъ и интересовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они никогда не бываютъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ или ихъ слугами; они служатъ только выработаннымъ ими же самими принципамъ и идеямъ, за которые твердо стоятъ и часто страдаютъ.

Недостатокъ настойчивости въ дѣйствіяхъ, мягкость и уступчивость нрава, а иногда просто неподвижность и даже лѣнь дѣлаютъ возможнымъ, что лица такого типа часто недостаточно противодѣйствуютъ злу, но, впрочемъ, это замѣчается

преимущественно у взрослых и въ томъ только случаѣ, если при этомъ страдаютъ одни личные ихъ интересы; въ противномъ случаѣ, разъ убѣдившись во вредѣ, приносимомъ другому лицу или обществу, они сбрасываютъ съ себя свою лѣнь и являются энергичными и сильными борцами за правду. Во всякомъ случаѣ лѣнь ихъ болѣе физическая, чѣмъ умственная. Умственная ихъ дѣятельность при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выразиться преобладаніемъ фантазіи, постройкою всевозможныхъ несбыточныхъ проектовъ и воздушныхъ замковъ; но все же мысль будетъ постоянно работать. До бездѣйствія, до этой праздной жизни въ области фантазіи, человѣка добродушнаго типа чаще всего доводитъ его прямота и честность, не позволяющія ему уживаться съ ложью, нахальствомъ, насиліемъ и съ той дѣловитостью, единственной цѣлью которой, какъ будто въ силу круговой поруки, стало „урвать кусокъ“, а также съ однообразною или механическою дѣятельностью. Онъ не въ состояніи мириться съ ними; онъ оставляетъ тогда свою дѣятельность, хотя бы личное его положеніе было однимъ изъ выгодныхъ, и легко дѣлается „лишнимъ человѣкомъ“, который безъ матеріальныхъ средствъ строитъ планы, проекты и утоляетъ расходившуюся фантазію употребленіемъ наркотическихъ средствъ.

Въ добродушномъ типѣ всего ярче видны истинныя человѣческія проявленія и качества; побольше энергіи и настойчивости въ борьбѣ съ препятствіями, вотъ все, что должна дать школа такому ребенку, содѣйствуя, конечно, въ то же время постепенному совершенствованію его качествъ.

Условія, при которыхъ развивается подобный типъ, на сколько возможно было прослѣдить ихъ, слѣдующія: тихая, спокойная, въ особенности деревенская жизнь съ самаго рожденія на свѣтъ; любящая, добрая мать или другое близкое ребенку лицо, отсутствіе всякой похвалы и внѣшности, дѣйствующей на чувствованія, а также отсутствіе всякихъ мѣръ наказанія или преслѣдованія ребенка. Ребенокъ, напротивъ того, пользуется полною свободой; ко всѣмъ его нуждамъ и требованіямъ относятся со вниманіемъ и удовлетворяютъ ихъ, на сколько это возможно и насколько позволяютъ обстоятельства; въ противномъ случаѣ всегда выясняютъ ему причину отказа. Ребенокъ никогда не подвергается никакимъ произвольнымъ дѣйствіямъ или насилію; онъ всегда знаетъ причину тѣхъ требованій, которыя ему ставятъ. Все это дѣлается не по искусственному шаблону, а вслѣдствіе добрыхъ и простыхъ отношеній къ ребенку, только потому, что живутъ жизнью ребенка и изъ участія къ нему стремятся выяснить всѣ причины своихъ дѣйствій. Необходимыя для этого въ окружающихъ его сдержанность и привычка останавливаться надъ явленіями и обсуждать ихъ содѣйствуютъ также спокойному выясненію появляющихся у ребенка вопросовъ и сомнѣній. Ему ничего не навязываютъ, не втолковываютъ, не вбиваютъ, а только возможно просто выясняютъ и отвѣчаютъ на его же вопросы, а въ случаѣ незнанія или неумѣнія объяснить, прямо сознаются въ этомъ, не отдѣлываясь отъ ребенка непонятными для него фразами и не прогоняя его безъ всякаго разсужденія. Приходилось ви-

дѣтъ, что при безпечной матери, умная, простая и добрая няня воспитывала добродушнаго ребенка; она не баловала его и не бѣгала постоянно за нимъ, а дѣйствительно, съ замѣчательною искренностью и вниманіемъ относилась ко всему, что касалось этого ребенка и ко всѣмъ появляющимся у него вопросамъ. Уже молодымъ человѣкомъ онъ былъ искренно привязанъ къ своей нянѣ и часто рассказывалъ, какъ они вмѣстѣ выясняли себѣ то, что не удавалось ему одному. Она постоянно слѣдила за каждымъ поступкомъ ребенка и всегда замѣчала ему то, что казалось ей дурнымъ, выясняя, почему и въ чемъ она видитъ нехорошее. Слова старухи и впослѣдствіи имѣли большое вліяніе на молодого человѣка.

Къ числу необходимыхъ условій при воспитаніи ребенка добродушнаго типа должно быть отнесено отсутствіе всякихъ искусственныхъ мѣръ, служащихъ для развлеченія ребенка, какъ, напр., торжественные обѣды, пиршества, балы, театры и т. п. Игры и занятія онъ самъ себѣ отыщетъ, доставляйте только ему все необходимое для нихъ. Въ случаѣ его собственныхъ заявленій ему помогаютъ при его занятіяхъ и устройствѣ его развлеченій. Занятія постепенно усложняются соотвѣтственно требованіямъ и понятіямъ ребенка, но никогда его не забрасываютъ непосильнымъ трудомъ и не навязываютъ занятій, не соотвѣтствующихъ степени его развитія; до школьнаго періода ему предоставляется свободный выборъ ихъ, при чемъ всегда съ участіемъ относятся ко всѣмъ его требованіямъ и заявленіямъ. Здѣсь нѣтъ еще школьной системы; толковое, простое, правдивое

отношеніе близкаго человѣка, слово и дѣло котораго никогда не расходятся и, который всегда готовъ помочь и указать необходимое, способствуетъ, повидимому, главнымъ образомъ, развитію ребенка добродушнаго типа.

Постараемся теперь разсмотрѣть ту связь, какая существуетъ между замѣчаемыми явленіями и приведенными причинами, содѣйствующими развитію добродушнаго типа.

Главные характеристическія явленія этого типа, какъ сказано, составляютъ: наблюдательность, привычка размышлять надъ явленіями окружающей среды, чтобы выяснить, по возможности, ихъ причинную связь, ихъ значеніе, ихъ внутренній смыслъ; мягкость, правдивость, прямота и простота въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ окружающимъ. Онъ всегда защищаетъ слабыхъ и подвергающихся несправедливости, очень строго относится къ своимъ обязанностямъ, но легко отступаетъ отъ дѣла, если оно касается только лично его и при этомъ для него не интересно.

Раньше уже говорилось, что сильныя и быстро смѣняющіяся внѣшнія вліянія должны вызывать рефлекторныя явленія.

Далѣе упоминалось, что болѣе медленныя, но упорно, настойчиво дѣйствующія вліянія будутъ способствовать развитію памяти и вызывать имитационныя дѣйствія. Внѣшнія вліянія и здѣсь дѣйствуютъ быстро, но все же медленнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, такъ что остается время для разъединенія отдѣльных представленій и субъективнаго воспріятія ихъ.

Съ уменьшеніемъ быстроты смѣны впечатлѣ-

ній, при болѣе постепенномъ и послѣдовательномъ ихъ дѣйствіи, дана большая возможность для субъективнаго восприниманія, результатами котораго являются разъединеніе различныхъ впечатлѣній по ихъ степени и качеству, сравненіе ихъ, что даетъ мысли и знанія, которыя слѣдовательно разъединяются производимымъ здѣсь анализомъ.

Дальнѣйшій психическій актъ вводитъ насъ въ область идей и понятій, въ область разума, гдѣ дѣятельность происходитъ на основаніи сравненія мыслей и знаній и вполне точнаго опредѣленія ихъ существеннаго сходства и различія. Slѣдовательно дѣятельность разума даетъ пониманіе знаній, а не простое усвоеніе ихъ, такъ какъ производимымъ здѣсь синтезомъ знанія расширяются.

Выше также говорилось, что здѣсь же, въ области дѣятельности разума, вырабатываются общія истины или ясно сознанныя идеи, строго соотвѣтствующія характеру образовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи. Разъ постепенная и послѣдовательная умственная работа довела человѣка до этого уровня психической жизни, разъ онъ выработалъ идею правды и дошелъ до истины, онъ въ состояніи каждому новому явленію отвести его истинное мѣсто, отвѣчающее его существенному значенію. Только тогда каждое его дѣйствіе, каждое намѣреніе составляетъ примѣненіе выводовъ изъ общихъ идей и тѣхъ ясно сознанныхъ образовъ и представленій, которые лежатъ въ ихъ основаніи. Составляя такимъ образомъ проявленія истины, эти дѣйствія прямо, справедливо и выгодно ведутъ къ достиженію опредѣленной цѣли и потому называются „разумными“. На этомъ уровнѣ развитія

дѣйствіями и намѣреніями чловѣка уже не могутъ руководить минутныя выгоды или чувствованія; тогда понятія о добрѣ и злѣ тверды, опредѣленны.

Ребенокъ достигаетъ этого уровня развитія въ томъ случаѣ, когда около него есть близкое лицо, къ которому онъ постоянно можетъ обращаться, которое выясняетъ первые появившіеся у него вопросы, разрѣшаетъ его сомнѣнія и вмѣстѣ съ нимъ обсуждаетъ и выясняетъ непонятныя для него явленія.

Наблюдательность ребенка добродушнаго типа объясняется его впечатлительностью, которая не была понижена и ослаблена никакими рѣзкими дѣйствіями, лишеніями, никакими поощреніями или наказаніями. Онъ всегда имѣлъ возможность спокойно слѣдить за окружающими его явленіями, усваивать болѣе выдающіяся изъ нихъ и задумываться надъ ихъ значеніемъ. Ребенокъ этого типа наглядно показываетъ, какъ существенно сохраненіе впечатлительности ребенка. Съ самаго появленія на свѣтъ младенца обыкновенно подвергаютъ различнымъ искусственнымъ мѣрамъ, которыя всѣ понижаютъ его впечатлительность. Позже къ нему примѣняютъ различные способы поощреній и наказаній; онъ приучается всегда все дѣлать съ цѣлью личной выгоды и удовлетворенія своихъ чувствованій. При нормальныхъ условіяхъ развитія ребенка, когда его не ограничиваютъ постоянными регламентаціями, онъ всегда отличается наблюдательностью, при чемъ сейчасъ же повторяетъ подмѣченное имъ дѣйствіе и затѣмъ уже разсуждаетъ надъ нимъ. Это самый

выгодный способъ развитія ребенка, который необходимо поддерживать; при этомъ ребенокъ всего болѣе останавливается надъ тѣми явленіями, которыя ему доступны. Онъ самъ ихъ подмѣчаетъ, они ему не навязаны, соотвѣтствуютъ его силамъ и способностямъ и поэтому онъ легче ихъ усваиваетъ. Ребенка нельзя искусственно приучить къ наблюденію, можно только устранить всякія сильныя вліянія, которыя могли бы понизить его впечатлительность; кромѣ того можно еще содѣйствовать постепенному видоизмѣненію матеріала, необходимаго для его образованія. При всякомъ искусственномъ способѣ, примѣняемомъ для возбужденія наблюдательности ребенка, недостаетъ перваго момента, и именно онъ не самъ наталкивается на новыя явленія, а его вниманіе останавливаютъ на тѣхъ явленіяхъ, съ которыми хотятъ его познакомить. Въ такомъ случаѣ легко впасть въ ошибку при оцѣнкѣ силъ ребенка и его подготовки, между тѣмъ какъ всякое такое несоотвѣтствіе приводитъ къ тому, что ребенокъ недостаточно усваиваетъ воспринимаемое.

Послѣ наблюденія и повторенія наблюдаемаго, ребенокъ обыкновенно охотно разсуждаетъ надъ значеніемъ воспринятаго и повтореннаго имъ; это драгоцѣнное качество, главнымъ образомъ, и содѣйствуетъ его образованію, а также ограниченію произвола его дѣйствій и выясненію личныхъ качествъ человѣка. Обыкновенно находятъ, что ребенокъ долженъ только исполнять обращенныя къ нему требованія, что онъ долженъ набирать матеріаль и знанія для будущей своей дѣятельности. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться на

основаніи слѣдующаго психологическаго положенія: „смотря по тому, какимъ образомъ человекъ относится къ какимъ-либо явленіямъ при первой встрѣчѣ съ ними, соответственно этому скорѣе всего онъ будетъ къ нимъ относиться и впослѣдствіи“.

Объективно наблюдая за дѣтьми, находящимися въ школѣ, нельзя не убѣдиться, что искренняя, никогда не расторгаемая дружба, является только между разсуждающими дѣтьми, сходящимися въ понятіяхъ о правдѣ. Между лицемерами и честолюбивыми нѣтъ дружки и не можетъ быть ея. Она можетъ быть только между дѣтьми добродушнаго типа или между ребенкомъ добродушнаго и злостно-забитаго типа; послѣднее, впрочемъ, только при служеніи какой-либо идеѣ. Всякая другая дружба, основанная на матеріальныхъ выгодахъ и разсчетахъ,—временна и проходитъ безъ всякаго слѣда и серьезныхъ послѣдствій или, вѣрнѣе сказать, это будетъ уже не дружба. Предположеніе, что у ребенка 9—10 лѣтъ при появленіи его въ школѣ еще не можетъ быть идеи и понятія о правдѣ,—невѣрно. Непосредственныя наблюденія показываютъ противное, и можно положительно убѣдиться въ ихъ существованіи въ самомъ точномъ и опредѣленномъ видѣ. Одинъ учитель народной деревенской школы увѣрялъ даже, что большинство его учениковъ принадлежитъ къ дѣтямъ добродушнаго типа. Это свѣдѣніе очень правдоподобно и согласно съ тѣмъ, что приходится наблюдать въ деревнѣ.

Разсужденіемъ и провѣркою ребенокъ добродушнаго типа приучается отличать и понимать

правду, что и ложится въ основаніе его нравственной жизни и его откровенности и искренности въ отношеніяхъ къ окружающимъ и въ особенности къ товарищамъ. Онъ всегда любимъ ими за свою справедливость и непосредственность, а правдивость его обезпечиваетъ за нимъ его хорошее вліяніе на товарищей.

Разсужденіемъ онъ выясняетъ себѣ также значеніе принимаемой на себя обязанности и поэтому очень строго относится ко всему, что связано съ какимъ-либо принятымъ на себя обязательствомъ, всегда его очень точно исполняетъ, совершенно забывая при этомъ свои личныя выгоды и удобства. Вообще онъ мало заботится о послѣднихъ, а также о своей внѣшности, ибо чуткая впечатлительность и привычка разсуждать неминуемо заставляютъ его болѣе останавливать свое вниманіе на значеніи окружающихъ явленій, въ особенности на психическихъ проявленіяхъ, на выясненіи „внутренняго человѣка“. Все это отвлекаетъ его отъ несущественныхъ внѣшнихъ явленій и отъ удовлетворенія различныхъ чувствованій, которыя у него и не имѣли возможности развиться. Наконецъ, выработанное понятіе о правдѣ не позволяетъ ему казаться другимъ, чѣмъ каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Невнимательность его къ своей внѣшности доходитъ иногда даже до неряшливости, которая есть послѣдствіе отсутствія привычки слѣдить за своею внѣшностью, а также нежеланія заниматься своимъ тѣломъ и производить своей внѣшностью какое-либо впечатлѣніе.

Невыгодныя качества ребенка добродушнаго типа состоятъ въ недостаточной провѣркѣ его раз-

сужденій физическими приёмами и вообще въ недостаткѣ его физическаго развитія. Онъ вообще не охотникъ до физической работы, ибо охотнѣе всего онъ разсуждаетъ надъ замѣчаемыми имъ явленіями, строитъ планы, составляетъ проекты и вообще легко предается различнымъ фантастическимъ предположеніямъ, въ особенности если наблюденіемъ онъ недостаточно набралъ себѣ матеріала для болѣе производительной умственной дѣятельности.

Конечно, недостаточно, если условія, необходимыя для развитія этого типа, дѣйствуютъ въ раннемъ возрастѣ и остаются затѣмъ неизмѣнными; для дальнѣйшаго развитія положительно требуется, чтобы вліянія непремѣнно постепенно и послѣдовательно усиливались и тѣмъ возбуждали къ большей дѣятельности. Это общій экономическій законъ во всякомъ организмѣ, по которому какъ части, такъ и цѣлое органовъ растительной и животной жизни совершенствуются и прогрессируютъ только при постепенно и послѣдовательно увеличивающемся возбужденіи ихъ къ дѣятельности; въ противномъ случаѣ они останавливаются въ своемъ развитіи, а затѣмъ подвергаются обратному измѣненію и распаденію (регрессивному метаморфозу). Всякій трудъ, переходящій за предѣлы дѣятельности этихъ органовъ, легко приводитъ ихъ къ истощенію и обусловитъ болѣзненные явленія. Это въ особенности хорошо можно изучить надъ отправленіями органовъ движенія, а затѣмъ обобщить и для всѣхъ другихъ органовъ тѣла.

Ребенокъ добродушнаго типа всего нагляднѣе

и убѣдительно показываетъ, какъ легко совершенно разстроить его жизнь неумѣлымъ обращеніемъ и неразумными требованіями. Онъ привыкъ самъ распоряжаться своимъ временемъ и всѣми своими дѣйствіями, медленно и спокойно заниматься дѣломъ. Онъ, наконецъ, исполнялъ все только справедливыя и необходимыя требованія, основательность которыхъ ему всегда выясняли. Можетъ ли ребенокъ послѣ этого вдругъ войти въ неподвижныя рамки шаблона, выработаннаго въ другой странѣ, для другого типа, живущаго при совершенно другихъ условіяхъ? Можетъ ли онъ вдругъ, безъ всякаго разсужденія, зазубривать всевозможныя знанія только потому, что они требуются по той табели, которая составлена по знакомству со всѣми этими предметами, а не на основаніи пониманія умственнаго склада ребенка и условій, необходимыхъ для развитія его человѣческихъ качествъ и достоинствъ? Понятно, что все это положительно невозможно, и всегда, и вездѣ неминуемо приведетъ только къ извращенію ребенка и къ искорененію лучшихъ его качествъ. Въ такомъ случаѣ ребенка учатъ только для того, чтобы запрудить его знаніями, извергаемыми имъ въ различныхъ случаяхъ, иногда впадаютъ, а иногда и нѣтъ, или же только для того, чтобы онъ выдерживалъ экзамены и никогда не былъ въ состояніи понимать себя и своего ближняго и цѣнить человека во всѣхъ его проявленіяхъ.

При изученіи организма человека слагается твердое убѣжденіе, что всѣ органы умственной дѣятельности развиваются только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи ихъ, и,

если какая-либо часть ихъ находится внѣ этого условія, то эти органы понижаютъ свою дѣятельность, и, такимъ образомъ, нарушается общая гармонія отправленій организма. Такое пониженіе умственныхъ отправленій нарушаетъ цѣлостность проявленій дѣятельности человѣка, — оно обуславливаетъ невозможность проявлять возможно большую дѣятельность въ возможно малый промежутокъ времени. Послѣднее условіе достигается только отвлеченнымъ мышленіемъ, пониманіемъ идей, лежащихъ въ основаніи ряда явленій.

Ребенокъ рождается на свѣтъ съ опредѣленнымъ темпераментомъ, зависящимъ отъ постройки его сосудистой системы съ ея центральнымъ органомъ. Индивидуальность ребенка должна устанавливаться въ семьѣ, до школьнаго періода, развитіемъ умственныхъ его способностей и понятія о правдѣ. Въ школѣ же онъ долженъ развивать въ полномъ соотношеніи всѣ свои способности и научиться управлять собой; здѣсь должны быть даны условія, содѣйствующія установленію его характера: ребенокъ долженъ быть въ состояніи индивидуально проявляться и справляться съ своими чувствованіями, связанными какъ съ активно-физической его дѣятельностью, такъ и съ отправленіями органовъ растительной жизни.

Повидимому, вопросъ о томъ, чѣмъ руководствоваться при выборѣ предметовъ въ школѣ долженъ бы рѣшаться въ томъ смыслѣ, что при этомъ можно руководствоваться только послѣдовательностью развитія умственныхъ отправленій и условіями, при которыхъ они всего выгоднѣе проявляются. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы

учитель преподавалъ, напр., математику только для знакомства съ счисленіемъ или для рѣшенія различныхъ практическихъ вопросовъ; или географію — для знанія, гдѣ лежитъ такой-то городъ, протекаетъ такая-то рѣка (чѣмъ однако-жъ преподаваніе часто только и ограничивается). Въ школѣ раньше всего необходимо научить ребенка разъединять отдѣльныя, получаемыя имъ впечатлѣнія, ознакомить его съ анализомъ и синтезомъ встрѣчающихся явленій, научить его сравненіемъ отдѣльныхъ представленій отдѣлять существенныя изъ нихъ отъ второстепенныхъ, чтобы, на основаніи этихъ существенныхъ образовъ или мыслей, онъ могъ вырабатывать понятія и идеи, чтобы строгой провѣркой пріобрѣтенныхъ имъ знаній онъ дошелъ до ихъ пониманія; это дастъ ему возможность познавать истину. Изъ сказаннаго ясно, что споръ о томъ, при посредствѣ изученія какихъ предметовъ получается серьезное образованіе, совершенно праздный. Очевидно, при посредствѣ тѣхъ, которые больше содѣйствуютъ разсужденію, которые ведутъ къ выясненію и пониманію истинъ. Совершенно непригоденъ въ школѣ методъ образованія, ведущій исключительно къ усвоенію однихъ знаній, когда занятія содѣйствуютъ развитію только обширной памяти, при чемъ молодой человѣкъ все же не пріучается самостоятельно примѣнять собранныя знанія. Какъ древніе языки, такъ и естественныя науки и математика могутъ имѣть несомнѣнное общеобразовательное значеніе и всѣ они, при извѣстномъ способѣ ихъ преподаванія, забьютъ ребенка и ни въ какомъ случаѣ не будутъ содѣйствовать умственному его

развитію. Развѣ не все равно, будетъ ли ребенокъ заучивать совершенно чуждые ему звуки, формы и правила ихъ примѣненія, или же названія всевозможныхъ животныхъ, растеній или ископаемыхъ, ихъ части и отдѣлы, или массу различныхъ математическихъ дѣйствій и формулъ, если при этомъ онъ никогда спокойно не задумывается и не разсуждаетъ надъ значеніемъ всѣхъ этихъ звуковъ, формъ, формулъ и т. д. Только послѣднимъ путемъ онъ разовьетъ у себя тѣ необходимыя ему человѣческія способности, для развитія которыхъ онъ и явился въ школу.

Кромѣ того, педагоги упускаютъ изъ виду еще одно, очень важное условіе, несоблюденіе котораго указываетъ на ихъ полное незнакомство съ природою ребенка и съ взаимною связью всѣхъ его отправленій. Выше было уже сказано, что для исполнѣ сознательнаго умственнаго акта необходима болѣе продолжительная и настойчивая умственная работа, требующая, конечно, и продолжительнаго времени. Каждый, занимающійся умственной работою, изъ собственнаго опыта знаетъ, какъ сильно утомляетъ серьезный однообразный умственный трудъ, и что подобныя продолжительныя занятія возможны только либо послѣ долгаго и настойчиваго упражненія, либо при частомъ измѣненіи качества труда или, наконецъ, при смѣнѣ умственнаго труда физическимъ. При томъ же мало образовать умнаго и понимающаго человека, необходимо еще, чтобы онъ могъ настойчиво и энергично проявлять свои волевыя отправленія и былъ въ состояніи твердо держаться выработанныхъ истинъ и принциповъ. Другими словами,—

научить ребенка владѣть и управлять собой, а также создать условія, содѣйствующія развитію его характера, вотъ—несомнѣнная и даже *главная* задача школы. Слѣдовательно, не утомлять ребенка непосильнымъ умственнымъ трудомъ, а помогать ему выработать изъ себя стойкаго, неуклоннаго и энергичнаго борца за свои идеи, за истину,— вотъ очень существенныя требованія, которыя, однакожъ, обыкновенно совершенно упускаются изъ виду педагогами именно вслѣдствіе того, что они недостаточно изучаютъ природу ребенка.

Въ древней классической Греціи воспитатели были болѣе наблюдательны и лучше понимали условія образованія характера ребенка и юноши. Кромѣ бесѣдъ и разсужденій (а не зазубриваній) молодыхъ людей съ наставниками, которые, между прочимъ, помогали воспитанникамъ выяснять значеніе различныхъ проявленій внутренняго міра человѣка, а также явленій окружающей ихъ жизни, тамъ обращали еще особенное вниманіе на отношеніе волевыхъ отправленій къ чувствованіямъ, сопровождающимъ отправленія органовъ движенія и растительной жизни. Они приучали молодыхъ людей подчинять волѣ такія сильныя чувствованія какъ голодъ, жажду, половое возбужденіе и т. п. Въ ихъ гимназіяхъ существовали особыя помѣщенія для обмыванія тѣла холодною и теплою водою, помѣщенія для различныхъ игръ, бѣга и другихъ физическихъ упражненій. Но они играли не для того, чтобы развлекаться и упражнялись не для того, чтобы умѣть прыгать, бѣгать, метать и т. д., а для того, чтобы приучиться владѣть всѣми движеніями, существующими въ организмѣ, чутко

пользоваться чувствованіями, сопровождающими всѣ эти движенія и даже положенія своего тѣла.

Не трудно также убѣдиться въ томъ, что, приучаясь владѣть и управлять различными частями двигательнаго аппарата, приучаются вмѣстѣ съ тѣмъ владѣть и управлять тѣми чувствованіями, которыя связаны съ дѣятельностью этого аппарата, и переводить затѣмъ приобрѣтенную такимъ образомъ способность на всѣ свои отправленія.

Выше уже было сказано, что ребенокъ добродушнаго типа можетъ дойти въ школѣ до такого состоянія, что его даже исключаютъ оттуда, опасаясь его вреднаго вліянія на товарищей. Въ сущности, ребенокъ здѣсь не при чемъ: онъ привыкъ разсуждать, привыкъ къ мягкому, справедливому и прямому обращенію, а методисты вдругъ начинаютъ вколачивать его въ свой шаблонъ, къ которому онъ никакъ не подходитъ, и изъ мягкаго, добраго, разсуждающаго и правдиваго ребенка выходитъ отчаянный человѣкъ, готовый на самыя крайнія дѣйствія и выходки. Здѣсь являются послѣдствія ими же созданныхъ причинъ,—они должны быть и неминуемо явятся.

Въ школѣ, въ которой не поддерживаютъ разсужденій ребенка и ничего не дѣлаютъ для развитія характера, добродушный типъ, въ лучшемъ случаѣ, при мягкомъ съ нимъ обращеніи, будетъ выполнять главныя требованія и нѣсколько разовьетъ память. Онъ могъ бы быть вполне самостоятельнымъ и даже плодотворнымъ дѣятелемъ, однако, часто бросаетъ свою дѣятельность, потому что „духъ замираетъ“, „жить нельзя“, но обвиняетъ при этомъ всегда себя во всѣхъ своихъ

неудачахъ. Чѣмъ меньше школа повліяетъ на такого ребенка, тѣмъ легче онъ явится или мечтателемъ, или въ видѣ типа, такъ мастерски представленнаго въ „Обломовѣ“, — этого лишняго чело­вѣка чистой души, плохо ужившагося съ тою средою, въ которой ему приходилось вращаться, и страдавшаго отсутствіемъ настойчивости и энергіи. Наконецъ, въ худшихъ случаяхъ, при преслѣдованіи и наказаніяхъ, образуется злостный, отчаянный чело­вѣкъ, но все же съ доброю и правдивою душою, у котораго даже послѣ страшнаго злодѣянія простымъ, мягкимъ и справедливымъ словомъ можно вызвать слезы и самое искреннее раскаяніе.

Наблюдая за развитіемъ добродушнаго типа и за условіями, при которыхъ онъ появляется, можно убѣдиться, какое огромное вліяніе имѣетъ добрая, любящая, *умная* мать. Иногда, при относительно неблагопріятныхъ условіяхъ, появляется подобный типъ, если только на него вліяетъ простой, добрый, внимательный чело­вѣкъ, никогда не забѣгающій впередъ своими совѣтами и распоряженіями, а спокойно разсуждающій съ ребенкомъ о тѣхъ вопросахъ, которые у послѣдняго являются.

Человѣкъ съ пониманіемъ (разумный) мало обращаетъ вниманія на внѣшность своей рѣчи; онъ доказываетъ и убѣждаетъ логическимъ разборомъ, на основаніи собственнаго психическаго анализа. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ отличается самостоятельностью и всегда богатъ творческою силою и инициативою. Онъ можетъ явиться либо мечтателемъ и идеалистомъ, либо чрезвычайно плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ,

отличающимся всегда богатством своихъ мыслей и идей. Онъ обыкновенно дѣйствуетъ на основаніи *пониманія* своихъ обязанностей. Внѣшность его простая, нѣтъ у него ничего напускного, предвзятого. Онъ твердо держится выработанныхъ имъ принциповъ и идеаловъ и всегда отличается философскимъ направленіемъ. Онъ очень остороженъ во всѣхъ выводахъ и заключеніяхъ и всегда готовъ подвергнуть ихъ новой провѣркѣ. Въ его методикѣ всегда выражается личная его особенность, и онъ ее видоизмѣняетъ, смотря по условіямъ, при которыхъ ему приходится дѣйствовать; поэтому дѣятельность его живая.

Въ изложенномъ читатель познакомился съ тремя типами, соотвѣтствующими главнымъ образомъ тремъ степенямъ дѣятельности мозговыхъ центровъ: простой рефлексорной, сложной рефлексорной, или разсудочной, и самостоятельной — творческой, или разумной. Теперь перейдемъ къ типамъ, развитію сознательной дѣятельности которыхъ препятствовали или предупредительная ласка, или внѣшнее насиліе, или угнетающія условія жизни.

4. Мягко-забитый типъ.

Типъ этотъ лучше всего назвать мягко-забитымъ типомъ. Онъ забитъ не строгими взысканіями и наказаніями, не розгою, а внѣшнею, животною ласкою, которая забиваетъ не хуже розги и приводитъ къ такимъ же печальнымъ результатамъ, а также отсутствіемъ условій, необходимыхъ для образованія. Его можно было бы еще назвать и „заласканнымъ“, только этимъ послѣднимъ назва-

ніемъ не удастся охарактеризовать всѣ его проявленія.

Появляясь въ школѣ, ребенокъ такого типа сильно стѣсняется своей новой обстановкой: онъ не рѣшается самъ по себѣ ни пройти, ни встать, ни сѣсть; запустивши палецъ въ ротъ онъ смотритъ, что дѣлаютъ другіе, и мелочно подражаетъ имъ. Принужденный сдѣлать что-нибудь, независимо отъ другихъ, онъ оказывается обыкновенно очень неловкимъ, неумѣлымъ и очень слезливымъ. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ онъ чаще всего прибѣгаетъ къ слезамъ; да и плачетъ онъ, какъ 3—4-лѣтній ребенокъ, съ крикомъ и воемъ, закрывая глаза тыльной стороной руки и распуская слюни изъ раскрытаго рта.

Когда онъ нѣсколько попривыкнетъ къ школьной обстановкѣ, онъ входитъ въ стадо, и имъ управляетъ лидеръ или честолюбецъ, а защищаетъ добродушный. Вообще, ребенокъ этого типа находится подъ покровительствомъ или вліяніемъ какого-либо другаго товарища, и его дѣйствія и разсужденія вполне зависятъ отъ послѣдняго. Поэтому онъ является то не злымъ, мягкимъ, послушнымъ, то, напротивъ того, очень требовательнымъ, недовольнымъ, непокорнымъ. Съ другими дѣтьми онъ и пошалитъ, но и то больше повторяя видѣнное и слышанное. Къ товариществу онъ относится стадно; никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій у него не бываетъ; онъ является только слѣпымъ исполнителемъ предъявленныхъ ему требованій и начертаній и отличается, главнымъ образомъ, своими отрицательными качествами: онъ зла не сдѣлаетъ, потому что мама сказала, что это

нехорошо, что такъ дѣлать не слѣдуетъ, грѣхъ. Онъ исполняетъ всѣ внѣшніе обряды, но при этомъ зѣваетъ и смотритъ въ сторону. Онъ обыкновенно не лжетъ, а если скажетъ неправду, то покраснѣетъ и сдѣлаетъ рядъ безобразныхъ движеній, закрывая свое лицо рукою и отворачиваясь отъ того, кому сказалъ эту неправду. Иногда онъ говоритъ неправду и держится высказаннаго просто потому, что не въ состояніи дать себѣ отчета въ сказанномъ и измѣнить разъ принятое положеніе.

Къ своимъ занятіямъ такой ребенокъ относится равнодушно, исполняя все то, что требуется и выучивая заданное. Онъ совсѣмъ не прочь, если это возможно, освободиться отъ какого-либо дѣла, охотно пропустить задачу или обойдетъ не особенно строго проводимое правило. Въ проступкахъ онъ легко сознается и также легко указываетъ на зачинщика и участниковъ, поэтому онъ ненадежный товарищъ. Онъ всегда бываетъ „умникомъ“ и благихъ намѣреній ребенкомъ. Выдаетъ онъ своихъ товарищей вовсе не съ намѣреніемъ подслужиться и не изъ личной выгоды, а просто потому, что спрашиваютъ.

Холодный и равнодушный, онъ въ сущности никого не любитъ, а только, такъ сказать, прицѣпляется къ кому-нибудь и не отходитъ отъ него ни на шагъ точно такъ же, какъ раньше не отходилъ ни на шагъ отъ матери или отъ няни. Оставленный одинъ, онъ и впослѣдствіи совершенно теряется. Величайшее горе, какое только можетъ быть у этого ребенка, это—такое положеніе, гдѣ онъ предоставленъ самому себѣ, своимъ

собственнымъ силамъ, гдѣ нѣтъ никакой посторонней помощи и заботы. Выражаясь гиперболически, можно сказать, что онъ умретъ съ голода, сидя около каравая хлѣба, если ему никто не укажетъ, какъ отрѣзать. Если эта гипербола нѣсколько преувеличена, то тѣмъ рѣзче она показываетъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ этого типа.

Такое горе для него, конечно, самое сильное, потому что всѣ остальные появляющіяся у него тревоги и безпокойства скоро проходятъ совсѣмъ безъ слѣда послѣ легко наступающаго, безмятежнаго сна. Наединѣ онъ всегда скучаетъ, и самъ никогда не можетъ пріискать себѣ никакого занятія или развлеченія. Всѣ неудачи, препятствія или неожиданныя явленія ставятъ его втупикъ, и онъ совершенно не въ состояніи справиться съ ними безъ посторонней помощи. Онъ не сдѣлаетъ ни малѣйшаго усилія, чтобы преодолѣть ихъ, а безпомощно остановится передъ ними и, если никто не придетъ ему на помощь, то слезы, рыданія и внѣшнія проявленія тревоги будутъ единственнымъ отвѣтомъ съ его стороны. Исполнить порученіе онъ можетъ только тогда, когда все необходимое ему раньше было показано, потому что дѣйствовать онъ можетъ только по имитациі и по указанію. Терпѣть боли или какія-либо физическія страданія онъ также не въ состояніи онъ раскисаетъ при этомъ и оказывается въ высшей степени трусливымъ. При всякомъ болѣе сильномъ возбужденіи онъ сдѣлаетъ непременно какую-либо песообразность либо словомъ, либо дѣйствіемъ.

Въ школѣ онъ можетъ оказаться прилежнымъ

и исполнительнымъ, выучить все, что ему зададутъ, стараясь запомнить и приготовить только такъ и настолько, насколько требуетъ учитель. Стоитъ только уменьшить требованія или понизить бдительность за нимъ, и онъ окажется лѣнивымъ и нерадивымъ ученикомъ. Смирный, боязливый и даже трусливый при строгомъ обращеніи съ нимъ, онъ дѣлается капризнымъ и подражательно-требовательнымъ при противоположныхъ условіяхъ.

При занятіяхъ онъ скоро дѣлается самоувѣреннымъ, предполагая, что онъ все знаетъ, по крайней мѣрѣ всѣ тѣ науки, которыя обыкновенно значатся въ такомъ большомъ числѣ въ росписаніяхъ нашихъ учебныхъ заведеній. Что сегодня онъ выучить, то готовъ завтра преподавать другимъ, при чемъ во всемъ будетъ имитировать своихъ преподавателей. Наблюдательности у него очень мало, поэтому онъ имитируетъ только болѣе рѣзкія явленія, что иногда выходитъ очень карикатурно.

Полное отсутствіе сознательнаго отношенія къ своимъ нуждамъ выражается въ высшей степени во всѣхъ его проявленіяхъ: онъ съ искусствомъ шаркаетъ ножкой, гладокъ, чистъ и изященъ, когда ему все приготовлено и показано, и, наоборотъ, неряшливъ, оборванъ и грязенъ и при появленіи чужого или совершенно не поклонится, или же убѣжитъ и даже спрячется, если только никто раньше въ этомъ отношеніи о немъ не позаботится и не дастъ ему соотвѣтственныхъ распоряженій.

Оставшись безъ надзора, онъ будетъ неумѣренъ во всемъ, что ему понравится и что произведетъ

на него болѣе сильное впечатлѣніе. Пища, питье, танцы и всевозможныя развлеченія, не имѣющія чисто эстетическаго значенія, а вліяющія только переменною и сильною степенью возбужденія, легко могутъ служить даже причиною заболѣванія его, вслѣдствіе неумѣренности въ употребленіи или въ пользованіи ими. Удовлетворяя свои потребности онъ никогда не думаетъ и не принимаетъ въ расчетъ требованій другихъ: ему бы только насытить себя и удовлетворить свои требованія. Чтеніе литературныхъ произведеній и вообще серьезное чтеніе обыкновенно его не привлекаетъ; по собственному побужденію онъ чтеніемъ не занимается.

Подъ вліяніемъ школы мягко-забитый ребенокъ развѣ нѣсколько разовьетъ свою память, но пользоваться прибрѣтенными знаніями онъ все же обыкновенно, не въ состояніи. Неопытный, совершенно незнакомый съ жизнью, неподготовленный къ какой-либо самостоятельной дѣятельности, онъ все-таки обыкновенно очень доволенъ собою, а также и своею жизнью, если только ему не приходится заботиться о своемъ существованіи и терпѣть лишенія. Никакихъ отвлеченныхъ понятій у него нѣтъ; онъ реалистъ во всѣхъ отношеніяхъ, но всегда, по подражанію, и реализмъ его доходитъ часто до цинизма.

Такія дѣти встрѣчаются главнымъ образомъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя ихъ приходится встрѣчать и въ мужскихъ, какъ въ среднихъ, такъ даже и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ типъ сохраняется довольно чисто и гдѣ онъ отличается тѣмъ же богатствомъ отрицательныхъ качествъ: ни пониманія, ни опыт-

ности и здѣсь у него нѣтъ, вездѣ онъ смотритъ телянкомъ, отыскивающимъ свое стадо и слѣдующимъ за пастухомъ.

Въ лучшемъ случаѣ онъ трудолюбивъ и исполнителенъ; все выучить, все зазубрить, но совершенно особенно, по своему, чисто-механически. Если послѣдить за нимъ, когда онъ занимается наединѣ, то можно подмѣтить очень характерныя особенности: сосредоточиться надъ дѣломъ онъ долго не можетъ и потому, принявшись съ приступомъ, твердо повторяетъ вслухъ по нѣскольку разъ отдѣльныя фразы, затѣмъ отдѣльныя ихъ части, отдѣльныя слова, слоги, звуки, тоны, далѣе слѣдуетъ переходъ на знакомый мотивъ—отдыхъ, при этомъ напироска, хожденіе вдоль и поперекъ комнаты, затѣмъ опять приступъ и т. д. Неспособность долго останавливаться надъ дѣломъ и неумѣнье распорядиться и воспользоваться своимъ временемъ затягиваютъ занятія и приготовленія уроковъ до безконечности, а въ результатѣ выходитъ развѣ только выдержанный экзаменъ, къ дѣлу же полная негодность, полное отсутствіе интереса, всякой инициативы и самостоятельности при крайней внутренней распушенности и нерѣшительности. Привязанности, любви—никакой; одинъ лишь эгоизмъ и полное самодовольство. У дѣвочекъ мягко-забитаго типа всѣ эти явленія выступаютъ въ такой же характеристической формѣ, а нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ иногда считаются очень цѣнными даже у взрослыхъ дѣвушекъ, и принимаются за выраженіе наивности. Каждое новое или болѣе сильное впечатлѣніе у нихъ, всегда сопровождается аханьемъ, вскрикиваньемъ,

вздрагиваніемъ,—словомъ, рядомъ безцѣльныхъ движеній или ломаній, которыми онѣ реагируютъ на всѣ подобныя впечатлѣнія. Лицо совершенно застывшее, неподвижное, съ безучастнымъ и безпечнымъ выраженіемъ; глаза, направленные безучастно куда-то вдаль, такая-же беззаботная рѣчь, постоянная слезливость и всевозможныя украшенія составляютъ всегда характеристическіе признаки людей этого типа. Непостоянство и измѣнчивость ихъ поразительны: всѣ ихъ дѣйствія зависятъ всегда отъ окружающихъ лицъ, которыхъ они имитируютъ во всѣхъ отношеніяхъ, воспроизводя все, что произвело на нихъ болѣе сильное впечатлѣніе. Къ технической дѣятельности они еще болѣе годны, но только въ томъ случаѣ, если при этомъ не требуется ни видоизмѣненія показаннаго, ни малѣйшаго творчества. Слѣдя за мягко-забитымъ типомъ по выходѣ изъ школы, легко убѣдиться, что онѣ все же удерживаютъ главныя характеристическія черты. Люди этого типа остаются мягкими „добрыми малыми“, очень самодовольными и самоувѣренными, готовыми взяться всегда за всякое дѣло, которое они непременно испортятъ и разстроятъ. Въ сущности, они остаются все тѣми же холодными безучастными эгоистами, безъ всякаго пониманія и самостоятельности, въ какой бы дѣятельности они не появились, до ученой или профессорской включительно. Обладая властью, они отличаются наивною важностью и напыщенностью передъ подчиненными и большою трусостью и малодушіемъ передъ начальствомъ.

Появляется такой типъ во всѣхъ тѣхъ случа-

яхъ, когда всякая дѣятельность ребенка предупреждается, когда все для него готово, и онъ никогда не возбуждается къ разсужденію и къ самостоятельному распоряженію своимъ временемъ и своими дѣйствіями. Честолюбивая или раздражительная мать, не терпящая никакихъ противорѣчій, желая похвалиться своими дѣтьми, старается ласками и угодою ихъ чувствованіямъ сдѣлать ихъ умниками и послушными и, такимъ образомъ, всего болѣе содѣйствуетъ развитію дѣтей мягко-забитого типа. То же самое бываетъ при постоянномъ требованіи отъ ребенка внѣшнихъ обрядностей, а также при предупрежденіи всѣхъ его требованій и желаній. Гораздо хуже строгихъ наказаній, хуже розги забиваетъ это безтолковое заласкиваніе ребенка, когда при этомъ его окружаютъ еще возможно большею пышностью и роскошью и съ ранняго возраста подвергаютъ сильнымъ впечатлѣніямъ, вывозя его на собранія, вечера, балы, концерты, театры, путешествуя съ нимъ по всевозможнымъ странамъ, и при этомъ постоянно удовлетворяютъ всѣ его нужды, предупреждая всѣ его желанія, никогда не допуская никакихъ лишеній; въ то же время дѣятельность ребенка, обыкновенно, стѣснена безконечнымъ рядомъ краткихъ и бессмысленнѣйшихъ моралей вродѣ: „не шали“, „такъ умники не дѣлаютъ“, „не приставай съ своими разсужденіями“, „объ этомъ хорошія дѣти не говорятъ“, „не разсуждай, а дѣлай то-то и то-то“ и т. д., и т. д.; но все это безъ малѣйшаго смысла, безъ всякихъ сколько нибудь разумныхъ объясненій, а путемъ постоянныхъ начитываній и напоминаній, но безъ примѣненія какихъ-

либо насильственныхъ мѣръ. Однимъ словомъ, здѣсь замѣчается совершенно внѣшнее, безучастное отношеніе къ ребенку, удовлетвореніе преимущественно растительныхъ и животныхъ его потребностей и проявленіе вниманія къ нему однѣми внѣшними ласками, при отсутствіи или устраненіи всякихъ условій, возбуждающихъ къ умственной дѣятельности.

Прослѣдить связь между всѣми явленіями, наблюдаемыми у ребенка этого типа, и причинами, подъ вліяніемъ которыхъ они развиваются, теперь уже не трудно.

Выдающимися качествами ребенка этого типа будутъ: отсутствіе наблюдательности, опытности, самостоятельности и инициативы.

Раньше уже было сказано, что ребенокъ лицемернаго типа, предоставленный большею частью самому себѣ, вскорѣ усваиваетъ себѣ нѣкоторую опытность, которою и руководствуется при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Гдѣ онъ разъ обжегся, туда онъ во второй разъ не полѣзетъ, а направится, по возможности, туда, гдѣ легко удовлетворилъ свою потребность; онъ только замѣчаетъ условія, сопровождающіяся выгодными или невыгодными для него явленіями,—въ этомъ именно и состоитъ его практическая опытность, которою онъ всегда пользуется при своихъ дѣйствіяхъ. Ребенка же мягко-забитаго типа постоянно предупреждаютъ о томъ, чтобы онъ не обжигался, постоянно заботятся о томъ, чтобы его потребности были, по возможности, удовлетворены; вслѣдствіе этого нѣтъ стимула, заставляющаго замѣчать явленія и добывать себѣ хотя бы практическую опыт-

ность лицомъбра. Кромѣ того, такой ребенокъ никогда ничего самъ не начиналъ; ему всегда говорили, что дѣлать, куда идти, что сказать, чѣмъ, какъ и когда развлекаться, когда ѣсть, когда пить, когда гулять, когда спать; ему ни о чемъ не приходилось заботиться, его всегда и во всемъ предупреждали; поэтому у него нѣтъ ни инициативы, ни самостоятельности. Умственную дѣятельность такого ребенка никогда ничѣмъ не поддерживали на его вопросы ему чаще всего отвѣчали, чтобы, онъ не шумѣлъ и не рассуждалъ, былъ умникомъ и велъ себя прилично. Безъ разсужденія у него, конечно, не могла развиваться умственная его дѣятельность и ужъ ни въ какомъ случаѣ волевыя проявленія. Безъ опытности, инициативы, самостоятельности и воли ему остается только подражать тому, кто на него вліяетъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность такого ребенка преимущественно имитационная; онъ поэтому и старается прицѣпиться и слѣдовать за кѣмъ-либо другимъ, быть въ стадѣ и исполнять распоряженія пастуха. Всякое дѣйствіе, требующее какой-либо инициативы и самостоятельности, которое вызывается случайными обстоятельствами, для него положительно невозможно и вызываетъ съ его стороны только рядъ безцѣльныхъ, беспорядочныхъ движеній или ломаній. Послѣднія являются какъ результатъ подействовавшихъ на него возбужденій или раздраженій и соотвѣтствуютъ степени и качеству послѣднихъ. Ломанія и безцѣльные движенія всегда указываютъ на отсутствіе умственной дѣятельности, ибо раздраженіе прямо переходитъ въ мышечную работу.

Предупредительное удовлетвореніе всѣхъ потребностей содѣйствуетъ развитію и постепенному усиленію чувствованій, какъ, напр., усиленное кормленіе вызываетъ развитіе чувствованій, сопровождающихъ насыщеніе. Оказывается, что дѣти этого типа часто охотно принимаютъ большое количество пищи, и чѣмъ больше имъ давать ее, тѣмъ больше увеличивается ихъ требовательность. Поэтому у нихъ часто встрѣчается страданіе кишечнаго канала. Кажется, все у нихъ есть и съ лихвою, нѣтъ, они постоянно высматриваютъ, какъ бы еще что получить; часто они бываютъ даже неразборчивы въ пищу, ѣдятъ все, что попадется. Это доказываетъ, что они не руководствуются вкусовыми впечатлѣніями, а желаютъ только набить себѣ желудокъ пищею, чтобы, растянувъ его, вызвать ощущеніе полноты и насыщенія. Какъ только желудокъ нѣсколько освободился и этого чувствованія уже нѣтъ, они опять готовы принять новое количество пищи до появленія того же чувствованія. Выше уже было сказано, что характеръ человѣка развивается изъ отношенія волевыхъ проявленій къ чувствованіямъ. Если, слѣдовательно, эти проявленія не развиты, то молодой человѣкъ будетъ слабаго характера; опъ не въ состояніи справиться съ своими чувствованіями и потребностями и при появленіи ихъ до тѣхъ поръ будетъ тревожиться, беспокоиться и производить рядъ беспорядочныхъ движеній, пока не удовлетворитъ ихъ. Отсюда безхарактерность и неустойчивость лицъ этого типа, а такъ какъ условія для развитія физическаго и нравственнаго характера совершенно одинаковы, то вмѣстѣ съ этимъ

выясняются и причины того малодушія, той трус-ливости и боязливости, которыя наблюдаются у такихъ лицъ. Не только у ребенка, но и у взрослого наблюдаются совершенно тѣ же самыя явленія, какъ только будутъ дѣйствовать соотвѣтственныя при-чины. Вообще, человѣкъ, которому постоянно все приготавливаютъ и предупреждаютъ всѣ его требо-ванія и желанія, [мало-по-малу до такой степени отвыкаетъ слѣдить за собой и за своими потреб-ностями, что не замѣтитъ, что части его туалета въ невозможномъ безпорядкѣ. Волосы не чесаны, не въ мѣру имъ сѣдено и т. д. Бдительность окружающихъ нѣсколько ослабла и онъ дѣлается поразительнымъ неряхой, у него являются ка-тарры желудка и тому подобныя страданія. Разница только въ томъ, что у взрослого все это можетъ ограничиваться только внѣшними проявленіями, а у ребенка неряшливость и беззаботность выра-зятся во всѣхъ его дѣйствіяхъ и проявленіяхъ.

Если ребенка этого типа не подвергали силь-нымъ впечатлѣніямъ, а только предупреждали всѣ его желанія и требованія, и не содѣйствовали его умственному развитію, не поддерживали его стрем-леній и разсужденій, то впечатлительность его все же отчасти сохраняется, но воспринятые имъ извнѣ впечатлѣнія не вызываютъ въ немъ умственной работы; онъ только повторяетъ воспринятое, а болѣе сильныя возбужденія и раздраженія вызы-ваютъ у него рядъ безцѣльныхъ движеній и дѣй-ствій: онъ очень бурно радуется, вскрикиваетъ и вздрагиваетъ, а при малѣйшей непріятности горько плачетъ и тревожится. Все это очень легко у него появляется и обыкновенно такъ же легко

исчезаетъ; проспится и все пройдетъ, если только причина перестала дѣйствовать. Понятно, что съ такимъ ребенкомъ все еще относительно легко справиться, и серьезная идеальная школа можетъ содѣйствовать выработкѣ изъ него даже лица съ человѣческими проявленіями. Но у ребенка, котораго подвергали сильнымъ впечатлѣніямъ, котораго рано стали вывозить въ свѣтъ, на балы, обѣды, вечера, театры, концерты и т. п., котораго постоянно окружали роскошью, приучали къ пестрымъ нарядамъ и всевозможному внѣшнему блеску, впечатлительность вслѣдствіе этого притуплена, и онъ всегда отличается вялостью и апатіей, изъ которыхъ его можно вывести только сильными впечатлѣніями, сильными раздраженіями.

Дѣвочку съ ранняго возраста украшаютъ, одѣваютъ въ платья самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ, обвѣшиваютъ блестящими украшениями въ видѣ браслетъ, серегъ, запонокъ и т. п.; съ семи или восьмилѣтняго возраста на нее уже надѣваютъ лифчикъ изъ плотной матеріи, прошитый толстыми шнурами и служащій для слабаго стягиванія грудной клѣтки, въ особенности, въ ея нижней половинѣ; съ десяти или двѣнадцатилѣтняго возраста на нее надѣваютъ корсетъ съ металлическими пластинками, который постепенно затягиваютъ все сильнѣе. Ее приучаютъ извѣстнымъ образомъ стоять, вытягиваться, складывать руки на животъ, даютъ правила для губъ, глазъ и носа, приучаютъ въ извѣстномъ положеніи сидѣть и по опредѣленнымъ правиламъ кланяться, заставляютъ заучивать фразы, различныя позиціи при танцахъ,—однимъ словомъ, заколачиваютъ въ такую тѣсную

рамку, въ которой можетъ двигаться развѣ только маріонетка. Правила нравственности также заучены: они раздѣляются на „стыдно“ и не „стыдно“, „прилично“ и „неприлично“; такъ какъ заученныя правила исключаютъ пониманіе, то они, понятно, могутъ постоянно мѣняться и иногда являются даже въ самомъ безобразномъ видѣ; критерія ихъ вѣрности или правды у нея нѣтъ. Всѣ украшенія, которыми онѣ обвѣшиваются, замѣняютъ внутреннія достоинства, которыя, обыкновенно, отсутствуютъ. Это—мишура, которой прикрывается пустота. Дѣйствительно-интеллигентный человѣкъ отличается простотою своею внѣшности, и можно на самомъ дѣлѣ убѣдиться, что чѣмъ выше степень образованія и развитія женщины, тѣмъ проще ея внѣшность относительно требованій той среды, въ которой она находится. Зачѣмъ же изъ ребенка дѣлать вѣшалку различныхъ украшеній? Зачѣмъ подвергать его сильнымъ впечатлѣніямъ и вносить ложь, хотя бы въ его внѣшній видъ? Ясно, что это можетъ только притупить его впечатлительность и развратить его.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ частей туалета могутъ положительно вредно вліять на молодой организмъ, въ особенности это относится къ корсету. При вдыханіи, въ силу существующихъ здѣсь механическихъ условій, съ наименьшею тратою силы и съ наибольшимъ эффектомъ расширяется нижняя часть грудной клѣтки, а вмѣстѣ съ этимъ растягивается нижняя часть легкихъ. Подвижность въ этой части развивается только постояннымъ упражненіемъ мышцъ, которыя еще болѣе облегчаютъ эту работу. Корсетомъ стягиваютъ

главнымъ образомъ эту нижнюю половину груди и дѣлають расширеніе ея при вдыханіи почти невозможнымъ. Въ такомъ случаѣ работа эта переводится на верхнюю половину груди, гдѣ работа труднѣе, требуетъ большихъ усилій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣльшей траты и *никогда* не можетъ растянуть легкія настолько, насколько это возможно при расширеніи груди въ нижней части. Обыкновенно даже говорятъ о женскомъ или верхнемъ дыханіи и о мужскомъ или нижнемъ дыханіи; но такого полового различія на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и оно не признается въ механикѣ человеческого организма. Наблюденія показываютъ, что женщины, не носившія въ молодомъ возрастѣ корсета, дышатъ такъ же, какъ мужчины; кромѣ того, при опытахъ надъ щенятами удалось стягиваніемъ нижней (или задней) половины груди вызвать у каждаго щенка женское дыханіе. Корсетъ, такимъ образомъ, содѣйствуетъ уменьшенію вѣса и емкости при одинаковомъ ростѣ. Абсолютный вѣсъ легкихъ у мужчинъ среднимъ числомъ равняется 1320 гр., а у женщинъ 1050 гр. По наблюденіямъ емкость легкихъ у женщинъ на 1000 и на 1500 куб. сант. меньше, чѣмъ у мужчинъ при одинаковомъ ростѣ; между тѣмъ какъ среднія числа емкости легкихъ у молодыхъ дѣвицъ, никогда не носившихъ корсета, сходятся съ числами, полученными у молодыхъ людей соотвѣтственнаго роста и возраста. Уменьшенный приходъ воздуха непременно понижаетъ дѣятельность во всѣхъ частяхъ тѣла и содѣйствуетъ развитію цѣлаго ряда явленій, которыя, обыкновенно, причисляются къ половымъ различіямъ. Недостаточное окисленіе

въ организмъ и пониженіе его дѣтельности содѣйствуютъ отложенію жира и большей нервной раздражительности. Кромѣ того, мышцы позвоночнаго столба и нижней части грудной клѣтки мало-по-малу измѣняются отъ бездѣйствія, вслѣдствіе вызванной корсетомъ неподвижности, а уменьшеніе ихъ дѣтельности приводитъ въ свою очередь къ общему пониженію обмена веществъ въ тѣлѣ, въ особенности если, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, и умственные отправленія бездѣйствуютъ. Сжатіемъ грудной клѣтки сдавливаются книзу брюшныя внутренности; вслѣдствіе давленія послѣднихъ, растягиваются брюшныя стѣнки, [а такимъ образомъ понижается дѣтельность мышцъ, входящихъ въ составъ этихъ стѣнокъ. Ослабленіе этихъ послѣднихъ и отложеніе въ нихъ большого количества жира всегда служитъ причиною различныхъ страданій и непременно дѣйствуетъ неблагоприятно при актѣ родовъ. Опыты, произведенныя надъ щенятами, которымъ сжимали корсетомъ нижнюю (заднюю) половину грудной клѣтки, показали, что они первоначально жирѣли, затѣмъ у нихъ развивались явленія малокровія, отъ чего они всѣ и погибли. При изслѣдованіи оказалось, что грудь ихъ приняла форму такъ называемой женской груди, легкія были сжаты въ нижнихъ частяхъ, сердце нѣсколько смѣщено къ средней линіи тѣла, и брюшныя стѣнки растянуты. Понятно, что эти признаки, полученные въ продолженіе 6—7 мѣсяцевъ, очень рѣзки, потому что опыты производились надъ совершенно молодыми животными, а чѣмъ они моложе, тѣмъ рѣзче долженъ быть получаемый эффектъ. Относительно

корсета можно еще сказать, что, чѣмъ раньше и сильнѣе начнутъ имъ затягиваться, тѣмъ слабѣе будутъ развиты умственные способности лица. Въ вѣрности этого положенія убѣдиться не трудно: въ самомъ дѣлѣ, выше уже сказано, что при сжатіи грудной клѣтки въ нижней ея части уменьшается количество вдыхаемаго воздуха, а слѣдовательно, и приходъ кислорода; вслѣдствіе этого понижается дѣятельность самыхъ энергичныхъ органовъ, между которыми первое мѣсто будутъ занимать центры, съ отправленіями которыхъ связана сознательная дѣятельность человѣка. Кромѣ того, при стягиваніи грудной клѣтки увеличивается препятствіе для возврата крови изъ полости черепа, гдѣ помѣщается головной мозгъ; вслѣдствіе этого создаются препятствія для мозгового кровообращенія, что, несомнѣнно, должно привести къ пониженію энергіи умственной дѣятельности лица. Такъ какъ нравственное развитіе лица находится въ прямой зависимости отъ степени умственного его развитія, то пониженіе умственной дѣятельности, связанное съ пониженіемъ общаго образованія, непременно должно привести къ пониженію уровня нравственного развитія лица. Слѣдовательно, корсетъ, несомнѣнно дѣйствуетъ положительно вредно какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи; поэтому въ школьномъ возрастѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ, тѣмъ болѣе, что единственное его назначеніе состоитъ въ искусственномъ искаженіи тѣла съ ложно-эстетическою цѣлью. Все это не имѣетъ ничего общаго съ задачею школы. То же самое можно ска-

затъ и о другихъ частяхъ нарядовъ, а также объ обуви.

Самодовольство и ложная самонадѣянность ребенка мягко-забитого типа составляютъ, несомнѣнно, прямое слѣдствіе апатіи и отсутствія желанія расширять и провѣрять свою дѣятельность. Ограничиваясь въ своей дѣятельности имитацией, онъ очень легко достигаетъ удовлетворенія формальныхъ требованій, при чемъ у него является увѣренность въ томъ, что онъ въ состояніи исполнить всякое требованіе и разрѣшить всякій вопросъ. Чѣмъ меньше человекъ знаетъ, тѣмъ больше ему кажется, что онъ все усвоилъ и въ состояніи все рѣшить. Ребенокъ, который только что началъ читать, всегда скажетъ, что умѣетъ читать, и не прочь даже прибавить слово „хорошо“. Покажите ребенку какіе-либо опыты изъ физики и химіи, и онъ при первомъ случаѣ скажетъ, что онъ знаетъ и физику и химію; все это такъ легко ему далось, что онъ предполагаетъ, что если какіе-либо знанія онъ себѣ еще и не усвоилъ, то, изученіе ихъ не составитъ для него ни малѣйшаго затрудненія. Только настойчивыя и серьезныя занятія, провѣряемыя различными методами, показываютъ, сколько вниманія, сколько труда, сколько напряженія умственныхъ силъ необходимо для того, чтобы дѣйствительно усвоить себѣ научныя истины.

Притупленная впечатлительность или апатія дѣлаетъ его невоспріимчивымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ, поэтому онъ меньше останавливаетъ свое вниманіе на этихъ вліяніяхъ, меньше задумывается надъ ними, а вмѣстѣ съ этимъ и тре-

бованія его къ самому себѣ уменьшаются, что приводитъ къ самодовольству и умственной неподвижности. Имитація и вѣшнія отношенія ребенка мягко-забитого типа доходятъ до того, что онъ ласкается и прицѣпляется къ тому, за кѣмъ ему проще и легче идти, и кто больше удовлетворяетъ его главныя потребности. Истинной привязанности и любви у него положительно нѣтъ, онъ относится ко всѣмъ холодно и равнодушно. Такой забитый, апатичный ребенокъ чрезвычайно трудно поддается образованію и развитію; отъ него какъ-то все отражается, все скользитъ по поверхности, а въ глубину не идетъ. Въ школѣ, гдѣ на индивидуальныя проявленія не обращаютъ никакого вниманія, этотъ типъ часто принимаетъ рѣзко нахальный характеръ; претензій и самоувѣренности очень много, а умѣнья чрезвычайно мало. На словахъ онъ все знаетъ, всему обучался, обо всемъ можетъ или, по крайней мѣрѣ, берется говорить, а на дѣлѣ же не въ состояніи сдѣлать ничего. Онъ можетъ только имитировать и то грубо и неловко; передъ первымъ препятствіемъ онъ останавливается, опускаетъ руки и либо сейчасъ же отворачивается отъ начатаго дѣла, либо слезами и различными звуками выразитъ всю свою неспособность и полную непригодность къ нему. Такъ какъ такой ребенокъ никогда не останавливается надъ нуждами другихъ и не въ состояніи выяснитъ себѣ послѣдствія этихъ нуждъ, то онъ долженъ отличаться узкимъ эгоизмомъ, что у него, дѣйствительно, и наблюдается постоянно.

Предупреждая всѣ требованія и постоянно направляя ребенка во всѣхъ его дѣйствіяхъ и раз-

мышленіяхъ, всегда дѣлають его совершенно негоднымъ къ жизни; такія дѣти становятся развѣ только исполнительными, но, къ сожалѣнію, очень эгоистичными и самоувѣренными. Приходилось встрѣчать молодыхъ людей, даже студентовъ, до такой степени неопытныхъ и наивныхъ, что они вполне напоминали настоящую институтку. Занимаясь математикой, они зазубриваютъ самыя сложныя формулы, не подозрѣвая даже внутренняго ихъ смысла. Каждый разъ, какъ одинъ изъ такихъ молодыхъ людей желалъ идти куда-нибудь, онъ спрашивался у маменьки. Однажды, желая показать свою самостоятельность, молодой человѣкъ рѣшился самъ себѣ купить шапку, и тутъ вышло плохо: купилъ скверную шапку, а заплатилъ много.

Такія лица совершенно негодны къ какой-либо серьезной дѣятельности и могутъ прожить всю жизнь, не сдѣлавшись никогда взрослыми. Этотъ типъ въ особенности распространенъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ высшихъ, гдѣ онъ встрѣчается иногда въ самомъ чистомъ видѣ. Школа какъ будто совершенно не вліяетъ на нихъ. Холодность, апатія, отсутствіе всякой любви и привязанности, отсутствіе понятія о правдѣ характеризуютъ ихъ всюду. Равнодушіе, внѣшность, имитация и развѣ только циническое стремленіе удовлетворить свои, большею частью чувственныя потребности,—все это составляетъ наслѣдіе, данное имъ воспитаніемъ и вносимое ими въ жизнь.

5. Злостно-забитый типъ.

Появляясь въ школѣ, ребенокъ такого типа отличается настойчивой молчаливостью, стѣсня-

ющимся, конфузливый видъ, при чемъ иногда у него прорываются рѣзкія безцѣльныя движенія, особенно въ тѣ минуты, когда онъ думаетъ, что на него никто не смотритъ. Добиться отъ него какого-либо слова чрезвычайно трудно; онъ вмѣсто отвѣта иногда вдругъ фыркнетъ, сдѣлаетъ какое-либо грубое движеніе или произнесетъ со-отвѣтственные звуки. Онъ никогда не посмотритъ мягко и ласково, все больше сбоку и исподлобья. Отъ товарищей онъ то сторонится, то какъ бы печально толкнетъ или щипнетъ кого-нибудь. На всѣ ихъ предложенія и разспросы онъ либо вовсе не отвѣтитъ, либо отвѣтитъ отрицательно, либо начнетъ потѣшать ихъ различными рѣзкими выходками и сценами. Къ занятіямъ онъ относится совершенно равнодушно, исполняя только необходимыя требованія; если же онъ можетъ и отъ нихъ отдѣлаться, то охотно этимъ пользуется. Ко всѣмъ окружающимъ, въ особенности къ старшимъ, онъ относится чрезвычайно подозрительно, и на всѣ ласки и внѣшнія проявленія нѣжности онъ всегда отвѣчаетъ рѣзкимъ, отталкивающимъ движеніемъ и даже бѣгствомъ. Движенія его вообще очень угловаты, рѣзки; стѣсняясь, онъ отворачивается, закрывается рукою или локтемъ, изъ-за котораго иногда вдругъ покажетъ языкъ.

Въ разсужденія онъ никогда не пускается, даже избѣгаетъ ихъ; вообще неразговорчивъ, въ особенности съ незнакомыми ему лицами. Къ преслѣдованіямъ и наказаніямъ онъ относится съ напускнымъ индифферентизмомъ; на мелкія же обиды или даже на невниманіе часто легко обижается, а иногда грубо и некстати говоритъ дер-

зости. Товарищество онъ цѣнитъ; скорѣе всего онъ сходится съ однороднымъ типомъ, соединяясь болѣе для взаимной защиты, чѣмъ для искреннихъ дружескихъ отношеній. Съ товарищами же добродушнаго типа онъ сближается болѣе потому, что видитъ со стороны послѣднихъ признаніе его равенства со всѣми окружающими. Своего товарища онъ, въ случаѣ общаго преслѣдованія, никогда не выдастъ, и даже жесточайшія наказанія не могутъ принудить его къ этому. Вообще онъ выдерживаетъ самыя сильныя наказанія съ замѣчательной стойкостью и терпѣніемъ. Ребенокъ злостно-забитаго типа часто беретъ подъ свое покровительство какое-нибудь животное, съ которымъ охотно дѣлитъ все, что имѣетъ.

Когда такого ребенка подвергаютъ преслѣдованію или какому-нибудь строгому дисциплинарному взысканію, то онъ дѣлается какъ-то особенно подвиженъ и часто избираетъ себѣ самыя дикія развлеченія, которыя характеризуются, вообще тѣмъ, что онъ мучитъ, истязаетъ, уничтожаетъ различныхъ животныхъ, наноситъ людямъ, особенно своимъ надзирателямъ, всякія непріятности, оскорбленія, а если можетъ, то и прямой физическій вредъ. Онъ рветъ ноги и крылья насѣкомыхъ, давитъ мелкихъ животныхъ, топить въ водѣ крупныхъ, вѣшаетъ на гвоздь или на сукъ кошку, привязанную за хвостъ или лапу, казнить собаку, и, чѣмъ сильнѣе страданіе животнаго, тѣмъ, по видимому, больше удовольствія испытываетъ виновникъ его, тѣмъ болѣе дикъ его хохотъ, тѣмъ рѣзче его движенія.

Подобныя дѣти послѣ продолжительнаго, спо-

койнаго и даже напряженнаго положенія выскакиваютъ иногда изъ класса, испуская самыя дикіе крики, производя самыя безобразныя движенія, бросаясь другъ на друга, на всѣхъ и на все, встрѣчающееся имъ на пути, даже на стѣну.

При постепенно увеличивающейся строгости, при постоянныхъ запрещеніяхъ, при произвольномъ отказѣ иногда въ самомъ необходимомъ ребенокъ начинаетъ добиваться всего тайкомъ, присваивая себѣ то, что плохо лежитъ, и никогда не останавливаясь передъ препятствіями. Беретъ онъ то, что ему нужно, или то, чего онъ прямо получить не можетъ. Онъ не прочь и подѣлиться добычею со своими товарищами по типу; затѣмъ онъ вмѣстѣ съ ними отрекается отъ своего поступка и ни одинъ изъ нихъ не выдастъ другъ друга. Онъ лжетъ, но здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, ложь его состоитъ болѣе въ отрицаніи, чѣмъ въ выдумкѣ. Иногда онъ беретъ даже цѣнныя вещи, но только для того, чтобы ихъ разрушить и бросить. Вообще такой ребенокъ никогда не прочь что-нибудь испортить, исковеркать, изрѣзать, сжечь. Онъ не прочь при случаѣ пробѣжать огромное пространство, съѣсть большое количество какого-либо вещества, напр., брюквы или кочерыжекъ, даже клоповъ, мухъ и т. п., выпить какого-нибудь крѣпкаго напитка и, по возможности, больше накуриться махоркою такъ, чтобы въ ушахъ зазвенѣло, и все это, не столько для того, чтобы похвастать, а преимущественно для того, чтобы потѣшить себя. Всѣ его игры и развлеченія связаны у него непременно съ сильными ощущеніями. Слабость, мягкость, нѣжность

въ обращеніи вызываютъ у него всегда рѣзкія дѣйствія, отталкиваютъ его. Всякое зрѣлище, связанное съ сильными впечатлѣніями—бойкій, быстрый бѣгъ, травля животныхъ и людей, крупная драка и т. п.—все это, дѣйствительно, занимаетъ его и даже развлекаетъ. При своемъ появленіи въ школѣ онъ всегда готовъ уцѣпнуть, уколоть или ударить какъ своего сверстника, такъ и каждаго изъ младшихъ своихъ товарищей; онъ такъ же относится даже и къ маленькимъ дѣтямъ. Сдѣлавшись постарше, онъ обыкновенно перестаетъ трогать маленькихъ дѣтей, иногда даже относится къ нимъ, напротивъ, очень внимательно.

У ребенка злостно-забитаго типа бываютъ иногда очень добрые порывы, и онъ можетъ отнестись съ замѣчательной мягкостью и предупредительностью къ другому ребенку, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній подвергается явно несправедливымъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, или когда немощный остается безъ всякаго призрѣнія. Религіозность этого ребенка ограничивается болѣе исполненіемъ внѣшней обрядности, рѣдко она бываетъ глубокою, искреннею.

Къ своимъ занятіямъ онъ относится очень вяло и безъ собственной инициативы, даже охотно отъ нихъ отдѣляется, а иногда впадаетъ въ какое-то инертное состояніе, въ которомъ онъ или совершенно не реагируетъ на обращенное къ нему требованіе или только послѣ примѣненія самыхъ сильныхъ мѣръ; но эти послѣднія еще болѣе ухудшаютъ его состояніе, еще болѣе притупляютъ его. Обыкновенно онъ усваиваетъ все памятью, не вникая особенно въ значеніе усвоеннаго. Внѣшнія

формы и обрядность составляют его единственное умственное достояніе, котораго онъ твердо держится. Мало-по-малу такой ребенокъ принимаетъ внѣшній видъ и шаблонную форму даннаго заведенія, дѣлается пугливымъ и все болѣе и болѣе замыкается въ свой личный міръ, который онъ какъ будто охраняетъ проявленіемъ мелкаго самолюбія. При болѣе рѣзко выраженной формѣ этого типа ребенокъ старается сдѣлать всегда какъ разъ противоположное тому, что отъ него требуется. Онъ какъ будто принимаетъ всѣ мѣры, чтобы на него обращали вниманіе, призывали къ порядку и выискиваетъ случай, чтобы имѣть возможность отказаться отъ исполненія какихъ-либо требованій. Стоитъ только установить его въ рядъ съ другими, онъ непременно обратится спиной къ преподавателю; попросятъ его сѣсть на одно мѣсто, онъ непременно сядетъ на другое и т. д.; въ особенности онъ любитъ отрицать все, что къ нему относится, и отвѣчаетъ отрицательно на всѣ обращенныя къ нему вопросы. Привыкая относиться съ большимъ расчетомъ къ своимъ занятіямъ, онъ начинаетъ такъ же относиться къ исполненію всѣхъ остальныхъ своихъ обязанностей, стараясь отрѣзать только самое необходимое и не передать ничего лишняго, оцѣнивая, по возможности, дороже свой трудъ.

Подобно тому, какъ такіе ученики, выбѣгая изъ класса, бросаются на всѣхъ и на все окружающее, такъ и выходя на волю изъ школы, подобные молодые люди накидываются на всѣхъ и на все; въ особенности же они падки на всякія сильныя впечатлѣнія; большія количества разнообразной пищи

съ примѣсью пряныхъ веществъ, крѣпкіе напитки, искусственныя или естественныя половыя излишества, шумныя оргіи, драки, пошлыя возбуждающія рѣчи, лошади, скачки, травли и т. д. Все это продѣлывается чаще всего самымъ безшабашнымъ, шумнымъ и безобразнымъ образомъ. Нѣтъ ни одного вида и ни одной формы безобразій, которымъ не предаются эти молодые люди, какъ только они хотя бы не надолго вырвутся на свободу. Они обыкновенно имитируютъ самые крайніе и грубые образцы, которые имъ приходилось встрѣчать, какъ въ отношеніи своей рѣчи, одежды, такъ и въ отношеніи всѣхъ своихъ потребностей. Все это выражается въ крайне рѣзкой и грубой формѣ и часто доходитъ до самыхъ нахальныхъ дѣйствій. По существу, проявленія этого типа совершенно одинаковы какъ у мальчика, такъ и у дѣвочки; цинизмъ ихъ выступаетъ въ одинаковой степени. Самоувѣренность и требовательность ихъ облакаются въ очень рѣзкія и бессмысленныя формы; притязанія ихъ часто трудно удовлетворить, до того они назойливы и безпощадны.

Подозрительность, рѣзкость и угловатость дѣйствій, замкнутость, тугая и сдержанная реакція на внѣшнія впечатлѣнія, проявленія мелкаго самолюбія и рѣзкія выходки, смѣняющія апатичную жизнь, стѣсненную мѣрами и правилами, — вотъ тѣ крупныя черты, которыя характеризуютъ молодыхъ людей злостно-забитаго типа. Выше уже было сказано, что ко всѣмъ своимъ занятіямъ и даже къ обычнымъ развлеченіямъ они относятся отрицательно, всегда стараясь отъ нихъ отдѣлаться и освободиться, и что они въ особенности отли-

чаются умственной вялостью и неподвижностью. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются молодые люди, у которыхъ при отсутствіи рѣзкихъ выходокъ и кутежей являются различныя занятія, служащія имъ развлеченіемъ или утѣшеніемъ. Къ такимъ занятіямъ принадлежатъ: безобразная, рѣзкая игра на какомъ-нибудь инструментѣ, игра неумѣлая, но сильно раздражающая слуховой органъ, игра въ карты, малеванье какъ будто картинъ, и ремесла, вообще, всякія грубыя работы, связанныя съ сильными мышечными ощущеніями, какъ напр., сгребаніе снѣга, пиленіе и рубка дровъ и т. п. Если нѣтъ и этого, то они отдаются различнымъ слабостямъ, напр., половымъ, выражающимся въ видѣ порока, куренію или, наконецъ, употребленію крѣпкихъ напитковъ и т. п. Все это дѣлается, по возможности, наединѣ или въ небольшомъ кружкѣ; напр., пьетъ горькую одинъ или же является почти рабомъ лицемерной или честолюбивой женщины, исполняя безпрекословно всѣ ея прихоти и приказанія. Въ своемъ дѣлѣ онъ является строгимъ безжизненнымъ формалистомъ, дѣйствующимъ точно по опредѣленному шаблону и не отступающимъ отъ него ни на шагъ.

Въ жизни злостно-забитый типъ является въ одномъ случаѣ, признаваемомъ обыкновенно за лучшій, въ видѣ подозрительнаго, заскорузлаго служаки, не допускающаго никакого разсужденія и твердо исполняющаго всѣ данныя ему порученія. Онъ молчаливъ, трудно воспринимаетъ незнакомыя ему раньше мысли и дѣйствія. Онъ можетъ молча присутствовать или даже участвовать въ разборѣ и выясненіи различныхъ мѣръ

и предложеній, но затѣмъ опять будетъ дѣйствовать по привычкѣ и по заученному способу. Онъ— послушный слуга высшихъ и требовательный начальникъ низшихъ, рѣзко реагирующій какъ противъ первыхъ, такъ и противъ послѣднихъ во всѣхъ, по его воззрѣніямъ, несправедливыхъ дѣйствіяхъ, требованіяхъ или претензіяхъ. Онъ всегда слѣпо подчиняется какой-либо слабости, служащей ему развлеченіемъ въ его однообразной жизни. Въ крайнемъ случаѣ все его существованіе можетъ сузиться до простой потребности въ службѣ, махоркѣ, водкѣ и ненависти къ всему окружающему, при чемъ на все новое и чужое онъ отвѣчаетъ фырканьемъ. Въ другомъ случаѣ злостно-забитый типъ явится въ видѣ самаго отъявленнаго врага общества, мстящаго безпощадно этому послѣднему за всѣ несправедливости и страданія, которыя ему были причинены, и которыми были отравлены раньше все его дѣтство, а затѣмъ и вся жизнь.

Причины, содѣйствующія появленію и развитію такого типа въ семьѣ, будутъ главнымъ образомъ: запрещеніе разсуждать, примѣненіе различныхъ насильственныхъ мѣръ для понужденія и укрощенія ребенка и всякія несправедливыя и произвольныя требованія. Злая и раздражительная матиха запрещаетъ ребенку съ самаго малолѣтства всякія разсужденія, безотчетно и произвольно останавливаетъ и понукаетъ его и постоянно ограничиваетъ всѣ его дѣйствія, находя ихъ нехорошими, невѣрными и даже безобразными. Лицо, воспитывающее такого ребенка, обыкновенно держится въ отношеніи его того правила, что его не слѣдуетъ баловать, а главное не слѣдуетъ про-

пускать какого-либо изъ его проступковъ безъ наказанія. Если ребенокъ, напр., возьметъ что-нибудь, что произвело на него сильное впечатлѣніе или же удовлетворило той или другой его потребности, и его застаютъ при этомъ, то его громкогласно обзываютъ „воромъ“; или же, если несчастный случай сдѣлалъ его невольною, совершенно безсознательною причиною страданій или даже смерти другого, его называютъ „извергомъ“, „убійцею“. Заклейменный такимъ прозвищемъ, онъ слышитъ его съ малолѣтства, подвергается за него преслѣдованію своихъ домашнихъ, а иногда даже всѣхъ дѣтей околodka. Или же, предполагая, что онъ сказалъ неправду, его обзываютъ „лгуномъ“, не насдинѣ, не случайно и не одинъ разъ, а громкогласно, намѣренно и постоянно. Вообще здѣсь играютъ главную роль настойчивыя, постоянныя, безотчетныя и произвольныя преслѣдованія, вызываемыя большею частью личнымъ раздраженіемъ, оскорбленіе личности ребенка и униженіе его передъ другими и передъ товарищами, въ особенности же передъ чужими и нелюбимыми лицами.

Развитію этого типа также много содѣйствуетъ строгое распредѣленіе времени ребенка съ обязательными занятіями, и невозможностью самостоятельно распоряжаться даже своими играми и развлеченіями, строгія и постоянныя взысканія за всякое нарушеніе установленныхъ правилъ или, такъ называемыхъ, порядковъ, при отсутствіи всякой любви и добраго отношенія къ ребенку. Къ этому еще часто присоединяется неумѣлое, грубое или служебное отношеніе къ дѣлу со стороны воспитателей и наставниковъ, полное ихъ незна-

комство съ правами и потребностями дѣтей и преслѣдованіе всякаго проявленія ихъ личности, ихъ думъ и разсужденій.

Связь между приведенными явленіями и причинами ихъ не трудно прослѣдить, если принять въ расчетъ все раньше сказанное. Внѣшними насильственными мѣрами, полнымъ ограниченіемъ всякой самостоятельности и настойчивымъ сопротивленіемъ всякому разсужденію препятствуютъ обыкновенно развитію всѣхъ лучшихъ и истинно-человѣческихъ качествъ. Знакомство съ условіями развитія этихъ качествъ уже отчасти выясняетъ ту связь, которая здѣсь существуетъ между причиною и слѣдствіемъ. Но, чтобы вполне понять все значеніе этой связи, необходимо остановиться надъ вліяніемъ различныхъ „мѣръ“, примѣняемыхъ при воспитаніи дѣтей.

Представимъ себѣ, что въ семьѣ, гдѣ находятся маленькія дѣти, двухгодовалому ребенку вздумается ткнуть пальцемъ въ лицо младшему ребенку или даже онъ это сдѣлаетъ нечаянно. Последній, пораженный внезапностью и болью, закричитъ; мать, присутствующая при этой сценѣ, начинаетъ бранить задиру, возвышая голосъ и усиливая впечатлѣніе своихъ словъ движеніемъ рукъ. Виновный ребенокъ смотритъ на все это, и ему можетъ даже понравиться такая картина, такъ какъ онъ получаетъ такимъ образомъ рядъ болѣе сильныхъ впечатлѣній какъ со стороны маленькаго, который сильно рефлектируетъ на раздраженіе, такъ и со стороны матери, которая при этомъ отчасти также рефлектируетъ. При первомъ подобномъ случаѣ, въ особенности при неудоволь-

ствѣи или усталости, вліяющей угнетающимъ образомъ, онъ повторяетъ свой поступокъ; недовольная мать или няня уже сильнѣе возвышаетъ свой голосъ, дѣлаетъ болѣе рѣзкія движенія, а то и шлепнетъ непослушнаго ребенка. Такимъ образомъ, кромѣ возбуждающихъ картинъ, онъ получитъ и угнетающій его ударъ, но прекратится ли послѣ этого новое повтореніе того же самаго? Обыкновенно нѣтъ, онъ повторитъ его явно или скорѣе тайно, чтобы избѣжать повторенія угнетенія, и въ послѣднемъ случаѣ еще съ большею силою. Примѣненная къ нему мѣра ни къ чему не послужила и ни въ чемъ его не убѣдила; она не изгладила у него картины, которая произвела на него довольно сильное впечатлѣніе; она не уничтожила той ассоціаціи ощущеній или того состоянія апатіи, подѣ вліяніемъ котораго ребенокъ вторично ткнулъ пальцемъ въ лицо маленькому; напротивъ, она тѣмъ самымъ дала еще болѣе шій поводъ къ повторенію того же поступка; кромѣ того, она обратила вниманіе на послѣдній и сдѣлала его еще болѣе заманчивымъ.

Было бы гораздо цѣлесообразнѣе *сумѣть не замѣтить* самаго поступка и уничтожить, по возможности, весь эффектъ картины, вызываемой такимъ поступкомъ. Понятно, что выгоднѣе всего было бы съ самаго начала быть болѣе сдержаннымъ и не обращать вниманія на случайное явленіе, внѣшне не придавать ему никакого значенія и не превращать простую случайность въ проступокъ. Гдѣ меньше надзирающихъ глазъ и карающихъ рукъ, тамъ такія явленія легче проходятъ безслѣдно: умная мать всегда сумѣетъ во-время про-

молчать и неважное не замѣтить. Поставьте, напри-
мѣръ, на столъ тарелочку съ вареньемъ и запретите
строго-на-строго трогать его хотя бы четырехлѣт-
нему ребенку, общайте ему наказаніе въ случаѣ
неповиновенія; если ребенокъ знаетъ, что такія
угрозы дѣйствительно исполняются, то, оставшись
одинъ въ комнатѣ, онъ непременно соблазнится ла-
ковымъ блюдомъ и ткнетъ цѣлымъ кулакомъ въ та-
релочку съ тѣмъ, чтобы потомъ облизать его, и тот-
часъ убѣжитъ изъ этой комнаты, оставивъ слѣды
варенья на губахъ и на платѣ. Иначе поступить
ребенокъ, котораго *никогда* не наказывали, кото-
рому даже никогда ничего строго и сурово не при-
казывали. Если ему *любящая* мать только серьезно
скажетъ, чтобы онъ съ тарелочки ничего не бралъ,
и объяснить причину, почему не слѣдуетъ брать,
то онъ на самомъ дѣлѣ не возьметъ.

Подобныхъ примѣровъ всегда много; они на-
глядно показываютъ значеніе простого и теплаго
отношенія къ ребенку.

Сила мягкаго, любящаго слова такъ велика,
что съ нею не можетъ сравниться никакое нака-
заніе. Къ сожалѣнію, это слишкомъ часто забы-
ваютъ при воспитаніи и прибѣгаютъ къ мѣрамъ,
положительно пагубнымъ по своимъ послѣдствіямъ.
Дѣйствуя обыкновенно подъ вліяніемъ личнаго
раздраженія, воспитатели примѣняютъ свои мѣры
недостаточно сознательно, не отдають себѣ пол-
наго отчета въ значеніи ихъ и даннаго проступка,
а просто тѣшатъ себя, переводя свое раздраженіе
въ рядъ беспорядочныхъ, безцѣльныхъ движеній.
Приходилось видѣть въ закрытомъ учебномъ за-
веденіи одного воспитателя, который очень строго

подтягивалъ свой классъ, въ особенности когда ожидали появленія какого-либо начальства. Онъ всегда внушалъ воспитанникамъ, что при начальствѣ они должны даже задерживать дыханіе и не шевелиться на мѣстѣ. Зато послѣ онъ предоставлялъ имъ полную свободу дѣйствій. Трудно описать, что дѣлали тогда воспитанники: они выпускали самые дикіе крики, бросались другъ на друга, на окружающихъ и даже на стѣну; было не безопасно попадаться имъ въ это время навстрѣчу, можно было подвергнуться какому-либо непріятному дѣйствию съ ихъ стороны. Явленія, которыя наблюдаются въ такихъ случаяхъ, можно себѣ объяснить на основаніи вышеуказанныхъ качествъ нервной системы. Болевые ощущенія, получаемыя при периферическомъ раздраженіи какой-либо вѣтви нервного ствола, совершенно исчезаютъ при болѣе сильномъ раздраженіи концовъ другой вѣтви того же ствола. Боль зубовъ, напримѣръ, на нижней челюсти можетъ совершенно исчезнуть при раздраженіи кожи височной области больной стороны. Болѣе сильное раздраженіе, видимо, понижаетъ всякую дѣятельность въ остальныхъ проводникахъ даннаго ствола; послѣ того, какъ вліяніе примѣненнаго раздражителя прошло, болевые ощущенія являются снова, но уже съ бѣльшимъ упорствомъ. Чтобы уничтожить и эту боль, требуется примѣненіе болѣе сильнаго раздражителя; такимъ образомъ можно дойти до самыхъ сильныхъ раздражителей, какими только можно пользоваться; наконецъ и они перестаютъ дѣйствовать.

То же самое приходится наблюдать и въ психическихъ проявленіяхъ у ребенка; такъ, напр.,

какое-либо возбужденіе или раздраженіе вызываетъ у него извѣстныя дѣйствія; наставникъ, желая прекратить ихъ (чаще, просто раздраженный поступкомъ ребенка), примѣняетъ къ нему болѣе сильное раздраженіе въ видѣ выговора, крика или даже болѣе ощутительнаго наказанія. Этимъ, какъ говорятъ, возбуждаются задерживающіе центры, но въ то же время угнетается умственная дѣятельность и сознательное управленіе своими движеніями. Въ приведенномъ примѣрѣ отправления нервной системы болевые ощущенія, несомнѣнно, появятся вновь, такъ какъ причина, вызывающая ихъ, продолжаетъ дѣйствовать, она не удалена и не уничтожена; она только заглушена и угнетена. Точно также и въ послѣднемъ случаѣ: прежнія дѣйствія опять появятся, но только съ болѣею рѣзкостью и упорствомъ, степень которыхъ будетъ прямо пропорціональна силѣ и продолжительности угнетающаго вліянія. Какъ тамъ каленое желѣзо, такъ и здѣсь самое сильное наказаніе можетъ, наконецъ, остаться почти безъ послѣдствія.

Приходилось наблюдать слѣдующій случай: мать, желая заставить 6-лѣтняго ребенка раньше вставать, съ каждымъ утромъ должна была усиливать крики и брань для того, чтобы добиться исполненія своего требованія; наконецъ, когда это уже перестало дѣйствовать, она вытащила ребенка изъ кровати и подвергла его звѣрскому тѣлесному наказанію, измочаливъ о тѣло ребенка весь пучекъ розогъ, отъ котораго остались только мелкіе прутики, рассыпавшіеся по полу. Ребенокъ во все время не пикнулъ и только по окончаніи неистов-

ства своей матери сказалъ съ злобною улыбкою на лицѣ, указывая на разбросанные прутики: „вотъ какъ поступаетъ мать со своимъ ребенкомъ!“ и продолжалъ спать по утрамъ попрежнему. Ребенокъ этотъ, теперь уже взрослый, представлялъ, сколько извѣстно, всѣ характеристическіе признаки злостно-забитого типа.

Въ одномъ изъ благотворительныхъ заведеній, въ которое берутъ дѣтей съ 3-лѣтняго и содержатъ ихъ до 12-лѣтняго возраста, былъ 9-лѣтній ребенокъ, который сталъ издавать журналъ, гдѣ представлялъ своихъ наставниковъ и воспитателей въ каррикатурномъ видѣ. Когда начальство заведенія узнало объ этомъ изданіи, то оно посмотрѣло на дѣло серьезно и рѣшило примѣрно наказать ребенка. Въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ заведенія виновника подвергли жестокому тѣлесному наказанію. Впослѣдствіи его перевели въ другое учебное заведеніе, изъ котораго его собирались исключить, такъ какъ никакія тѣлесныя наказанія на него не дѣйствовали, послѣ нихъ онъ только злобно смѣялся. Такихъ примѣровъ можно привести громадное количество; всѣ они вполне выясняются вышеприведеннымъ положеніемъ. Они доказываютъ, что всѣ эти мѣры положительно нравственно убиваютъ ребенка и превращаютъ его въ озлобленнаго и апатичнаго человѣка.

Но иногда, впрочемъ, и механическое дѣйствіе можетъ вредно вліять на организмъ ребенка. Поставить ребенка въ уголъ или среди комнаты признать обывновенно за незначительное наказаніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ.

Обыкновенно полагаютъ, что постоять нѣкоторое время ничего не значитъ, судя по вліянію такого положенія на взрослога. Для ребенка же это много значитъ; у него основа туловища, или позвоночный столбъ, еще не вполне развита и не въ состояніи удерживаться въ положеніи условіями равновѣсія отдѣльныхъ частей, какъ это бываетъ у взрослога, поэтому организмъ ребенка удерживается въ положеніи только мышечною дѣятельностью. Однообразная же мышечная работа очень быстро приводитъ къ утомленію, которое дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на ребенка и дѣлаетъ его совершенно неспособнымъ къ какой-либо дѣятельности. Искусственное утомленіе ребенка и доведеніе его до неспособности приняться за какую-либо дѣятельность наврядъ ли можетъ служить хорошею мѣрою для исправленія его.

Чтобы убѣдиться, насколько тягостно и мучительно бываетъ мышечное утомленіе, стоитъ только поднять руку до уровня плеча и поддержать ее въ горизонтальномъ положеніи въ продолженіе 15—20 минутъ. Не всякій взрослый въ состояніи удержать такъ долго руку въ этомъ положеніи, а если и продержитъ, то послѣ этого будетъ такъ утомленъ, что не скоро окажется способнымъ спокойно продолжать свою дѣятельность. То же самое будетъ, если ребенка поставить на колѣни или заставить его принимать различныя неудобныя положенія, въ выдумкѣ которыхъ иногда изощряются педагоги. Оставленіе ребенка безъ пищи или на одномъ хлѣбѣ—тоже мѣра, совершенно непонятная съ точки зрѣнія экономіи организма, въ особенности во время его роста. Понижая приходъ,

необходимо понизить и расходъ, т. е. понизить требованія въ отношеніи дѣятельности ребенка.

Тѣлесныя наказанія, кромѣ указанныхъ угнетающихъ вліяній на психическую дѣятельность ребенка и притупленія его впечатлительности, причиняютъ его организму еще и другой значительный вредъ. Таская ребенка за волосы или надѣлая его пощечинами, легко произвести у него сотрясеніе мозга со всѣми его послѣдствіями. Наказывая розгами, раздражаютъ область, богатую сосудами и нервами, выходящими изъ тѣхъ же стволовъ, отъ которыхъ идутъ сосуды и нервы къ сосѣднимъ половымъ органамъ. Общность сосудовъ содѣйствуетъ тому, что при приливѣ крови къ ягодичной области подъ большимъ давленіемъ кровь притекаетъ въ увеличенномъ количествѣ и къ половымъ органамъ и вызываетъ ихъ возбужденіе; слѣдовательно, при раздраженіи ягодичной области неизбѣжно возбуждается также и дѣятельность половыхъ органовъ. Послѣднее особенно невыгодно въ школьномъ возрастѣ, когда именно развиваются эти органы. Подобное искусственное возбужденіе легко можетъ довести до порока, что въ самомъ дѣлѣ и наблюдалось въ такихъ случаяхъ. Кромѣ того, чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ менѣе твердо установились основы его организма; между отдѣльными частями этой основы происходитъ процессъ окостенѣнія; здѣсь находятся нѣжныя образовательные элементы и сильно развиты сосудистыя петли, при посредствѣ которыхъ приносится увеличенное количество питательныхъ веществъ, необходимыхъ для роста, развитія и оплотнѣнія этихъ частей основы. При уси-

ленномъ мѣстномъ раздраженіи нормальный фізіологическій процессъ легко переходитъ въ ненормальный, патологическій; слѣдовательно, опять же искусственно создаются причины, приводящія непременно къ страданіямъ, иногда очень серьезнымъ. Все это необходимо имѣть въ виду и не прибѣгать къ мѣрамъ, наносящимъ положительный вредъ ребенку и ни въ какомъ случаѣ не соответствующимъ цѣлямъ и задачамъ образованія.

Въ школѣ должна быть не внѣшняя, мѣрами вынужденная дисциплина, а необходимо развить у ребенка нравственную дисциплину, умѣнье владѣть и управлять собой и подчинять свои дѣйствія разумнымъ волевымъ отправленіямъ. Наказанія должны быть исключены изъ школы, это—хирургическіе приемы, которыхъ нельзя допустить при нормальныхъ условіяхъ воспитанія. Мнѣніе, что маленькаго ребенка можно наказывать тѣлесно, а того, который постарше, нельзя, тоже невѣрно, потому что, чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ менѣе стоекъ его организмъ, и тѣмъ легче появляются у него различныя страданія. Подобныя мѣры непременно ограничиваютъ и понижаютъ умственную дѣятельность ребенка. Къ какой бы дѣятельности ни готовился онъ, къ административной, военной или какой-либо другой, все равно, въ школѣ необходимо придерживаться только одного основанія: содѣйствовать развитію человѣка со всѣми присущими ему качествами. Забитый человѣкъ можетъ быть только слѣпымъ исполнителемъ, а гдѣ нужно дѣйствовать самостоятельно и толково, съ пониманіемъ дѣла, тамъ

онъ не будетъ годеиъ, онъ будетъ только дичиться и фыркать, чѣмъ, понятно, дѣлу не пособить.¹

Здѣсь было разсмотрѣно вліяніе угнетенія на психическое и тѣлесное состояніе ребенка. Теперь уже не трудно прослѣдить всю связь, существующую между основными явленіями этого типа и ихъ причинами. Замѣчаемая у ребенка злостно-забитого типа апатія и умственная вялость — несомнѣнныя послѣдствія сильныхъ возбужденій или постоянныхъ понуканій, которымъ онъ подвергается, и которыя ведутъ къ его угнетенію; стоитъ только удалить эти прибавочныя возбужденія, апатія и вялость явятся какъ неминуемое послѣдствіе. Кромѣ того, при работѣ съ постояннымъ принужденіемъ обыкновенно почти не выясняется ни значеніе, ни цѣль ея. Нѣтъ ничего убійственнѣе совершенно безцѣльной и непонятной для исполнителя работы; она дѣлается совершенно вѣишней, механическою и вовсе не возбуждаетъ къ умственной работѣ.

Предположеніе, что ребенка необходимо постоянно понукать и принуждать къ занятіямъ, совершенно невѣрно; напротивъ, необходимо, чтобы онъ *самъ* приискивалъ себѣ занятія, непременно *самъ* распредѣлялъ ихъ и распоряжался своимъ свободнымъ временемъ. При привычкѣ спокойно разсуждать надъ работою трудъ распредѣляется между органами умственной и физической жизни, слѣдовательно, увеличивается поверхность отправления, и поэтому дѣятельность можетъ продолжаться безъ перерыва, она не скоро утомляетъ. Кромѣ того, физическій трудъ подъ вліяніемъ умственной дѣятельности постоянно видоизмѣняется, и вмѣстѣ съ

этимъ самыя занятія переводятся отъ однѣхъ мышечныхъ группъ къ другимъ, и такимъ образомъ мышцы не доводятся до утомленія. Если ребенокъ самъ распоряжается своими занятіями, то, утомившись умственнымъ трудомъ, онъ непремѣнно перейдетъ къ физическому, и обратно. Непосильный умственный или физическій трудъ потребуетъ отъ него большого напряженія, поэтому онъ скоро утомится и перейдетъ къ другой работѣ. Если ребенокъ, предоставленный себѣ, бездѣйствуетъ, то это указываетъ на его пониженную впечатлительность и апатію, которыя составляютъ послѣдствія бывшихъ сильныхъ возбужденій и раздраженій.

Лѣнь ребенка будетъ во всякомъ случаѣ результатомъ пониженной впечатлительности, апатіи или утомленія, слѣдовательно, всегда будетъ слѣдствіемъ угнетающихъ его условій. При нормальныхъ условіяхъ проявленіе лѣности у ребенка немислимо. Если занятія при нормальныхъ условіяхъ скучны ребенку, то это значитъ, что они его утомляютъ. Слѣдовательно, чтобы не забивать ребенка занятіями, необходимо видоизмѣнять его дѣятельность и постепенно и послѣдовательно увеличивать ее; иначе являются скука, вялость, апатія, лѣнь, какъ неминуемыя послѣдствія непомѣрныхъ или однообразныхъ требованій.

Въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ весь день ребенка регламентированъ; въ его распоряженіи никогда не остается болѣе одного или полутора часа въ продолженіе всего дня, все остальное время у него распредѣлено по табели. Даже играть или поговорить съ товарищами онъ дол-

женъ въ опредѣленное время; спокойно разсуждать и обдумывать свои дѣйствія и появляющіеся у него вопросы онъ совершенно не имѣетъ времени. Развѣ удивительно, что при такихъ условіяхъ у него являются безобразные и даже дикіе поступки, что онъ привыкаетъ вяло и апатично относиться къ своему дѣлу и постоянно уходитъ и уклоняться отъ него. Необходимость постоянно усиливать примѣняемыя мѣры все болѣе и болѣе озлобляетъ его противъ его преслѣдователей, а встрѣчающіяся несправедливости и неисполненіе данныхъ обѣщаній дѣлаютъ его подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. Постоянное исполненіе всѣхъ существующихъ регламентацій невозможно; отсюда непрерывное нарушеніе ихъ. Поэтому число проступковъ доходитъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ до поразительныхъ чиселъ.

Въ хорошую недѣлю число записанныхъ взысканій въ заведеніи съ 325 воспитанниками бываетъ около 750, кромѣ не записанныхъ (выговоръ, стойка, тасканье за ухо, за чубъ и т. д.), которыхъ будетъ вдвое больше, и кромѣ серьезныхъ, которыя рѣшаются на педагогическомъ совѣтѣ. Огромное число примѣняемыхъ въ такихъ заведеніяхъ наказаній уже должно показать всю несостоятельность принятаго шаблона и неминуемо требовать его измѣненія; однако, до сихъ поръ нѣтъ и признаковъ чего либо подобнаго.

Первыя явленія замѣчаемой у ребенка злостно-забитаго типа подозрительности состоятъ въ упорномъ отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ новымъ явленіямъ и предложеніямъ. Она составляетъ, конечно, несомнѣнное послѣдствіе несправедливости,

произвола и неисполненія даннаго слова и обѣщанія со стороны окружающихъ ребенка лицъ. Развившаяся у него подозрительность ведетъ къ недовѣрчивости, къ отрицанію всего добраго, правдиваго и истиннаго и къ злему смѣху надъ всѣмъ, что сколько-нибудь приближается къ нравственному идеалу; людей, руководящихся идеалами, онъ не признаетъ, для него всѣ люди—носители грубой силы, произвола и угодники собственнаго мамона; онъ презираетъ всѣхъ и все и поэтому иногда недостаточно строгъ въ отношеніи избѣганія грѣха.

Несправедливость и произволъ, окружающіе ребенка, 'содѣйствуютъ этому послѣднему явленію, а также то, что ему даютъ оскорбительныя прозвища, совершенно несправедливо и неосновательно къ нему примѣняемыя.

Вотъ еще примѣры, указывающіе на послѣдствія произвола и несправедливости въ обращеніи съ дѣтьми. Мальчикъ былъ отданъ въ закрытое заведеніе въ городѣ, въ которомъ у него не было ни одного родственника или знакомаго. Родители присылали ему на гостинцы ежемѣсячно нѣсколько карманныхъ денегъ, которыя выдавались ему по праздникамъ, при отпускѣ его для прогулки по городу. Воспитатель вздумалъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ для примѣненія его въ видѣ наказанія. За проступки ребенка (12 лѣтъ) онъ лишалъ его прогулки въ воскресный день и не выдавалъ ему денегъ; такимъ образомъ мальчикъ лишенъ былъ своего единственнаго удовольствія въ продолженіе трехъ недѣль. Онъ видѣлъ, какъ товарищи возвращались изъ отпуска, при-

нося съ собою лакомства, и слышалъ ихъ рассказы о пріятно проведенномъ на свободѣ времени; все это такъ подѣйствовало на него, что онъ выбралъ удобный моментъ, вскрылъ ящикъ, гдѣ лежали лакомства одного изъ товарищей, и присвоилъ ихъ себѣ. Онъ не сѣлъ ихъ украдкой, а пошелъ показывать ихъ другимъ товарищамъ, говоря имъ, что и онъ имѣетъ лакомства, чѣмъ, конечно, сейчасъ же себя и выдалъ. Названіе „вора“ и карцеръ за „кражу со взломомъ“ были послѣдствіями такого поступка. Выпущенный послѣ недѣльнаго сидѣнія въ карцеръ и опять лишенный воскреснаго отпуска и денегъ, онъ вторично вскрылъ ящикъ и взялъ лакомства своего товарища, принесенныя послѣднимъ изъ дому. Родителямъ мальчика было предложено или тѣлесное наказаніе, или исключеніе изъ заведенія, или переводъ въ бездушнѣйшее исправительное заведеніе. Можно ли придумать какое либо болѣе черствое, произвольное и несправедливое отношеніе къ ребенку, чѣмъ это было въ данномъ случаѣ? Вся жизнь ребенка испорчена безчеловѣчнымъ отношеніемъ воспитателя.

Шестилѣтній деревенскій мальчикъ купался со своимъ товарищемъ и, балуясь, сѣлъ на него верхомъ: тотъ сталъ барахтаться и тонуть; первый принялъ это за шутку и не сходилъ съ него до тѣхъ поръ, пока, дѣйствительно, не убѣдился въ томъ, что тотъ тонетъ. Спасти его оказалось уже поздно, и съ этихъ поръ этотъ мальчикъ прослылъ въ деревнѣ за „убійцу“. Это прозвище отдѣлило его отъ всего юнаго поколѣнія деревни. Понятно, какое сильное, угнетающее вліяніе должно имѣть

такое явленіе, какой глубокой отпечатокъ оно должно оставить на всю жизнь.

Приучившись отвѣчать только на сильныя впечатлѣнія, молодой человѣкъ злостно-забитаго типа выбираетъ и развлеченія, отличающіяся самыми рѣзкими формами. У него цѣнится тотъ, кто въ состояніи выпить огромное количество крѣпкихъ напитковъ, кто можетъ сильнѣе затянуться табакомъ, выдержать самыя страшныя пытки и истязанія, съѣсть огромное количество, въ особенности трудно варимой пищи, обогреть огородъ, фруктовъ садъ, кладовую, вообще—выкинуть изъ ряда выходящую штуку, соединенную съ сильнымъ ощущеніемъ. Цѣнность лица увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе поразитъ самый поступокъ. Несмотря на то, что между товарищами цѣнятся честность и вообще нравственныя качества, тѣмъ не менѣе крайнія проявленія, совершенно несогласныя съ этими качествами, не только не отвергаются, но даже засчитываются въ заслугу и возвышаютъ совершившаго такой поступокъ во мнѣніи товарищей. Все это указываетъ на степень апатіи и потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, которыя дали бы возможность встрепенуться и выйти изъ гнетущаго ихъ состоянія. Даже религіозность ихъ выражается своеобразно, въ видѣ безчисленнаго множества земныхъ поклоновъ, словеснаго поста, т. е. рѣшенія во время поста не говорить съ товарищами ни единого слова, не произносить ни единого звука, иногда же въ видѣ рѣзкихъ дѣйствій противоположнаго свойства.

Понятно, что нѣжность и ласки при такихъ условіяхъ не допускаются. Вѣрнѣе, повидимому, и

надежнѣе другой способъ, *это—справедливое, внимательное простое отношеніе*, при чемъ ребенку мало-по-малу предоставляется болѣе самостоятельности и свободы. Если сначала и могутъ являться безобразныя дѣйствія, то при послѣдовательномъ возбужденіи его къ умственной работѣ эти явленія исчезнутъ скорѣе, чѣмъ при какихъ либо другихъ условіяхъ. Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать нѣжными словами и внѣшнею ласкою; они вызовутъ только подозрѣніе со всѣми его послѣдствіями. Трудно себѣ представить такого злостно-забитого человѣка, на котораго не подѣйствовало бы правдивое, простое и справедливое обращеніе. Наблюденіе показываетъ, что это самое сильное орудіе, которое только возможно примѣнять въ такихъ случаяхъ, но къ которому, къ сожалѣнію, рѣдко прибѣгаютъ.

У ребенка злостно-забитого типа часто наблюдается своеобразное отношеніе какъ къ нѣкоторымъ дѣтямъ, такъ и къ животнымъ. Это замѣчается въ особенности въ отношеніяхъ къ дѣтямъ, страдающимъ какими-нибудь недостатками, уродливостями, служащимъ посмѣшищемъ для другихъ или подвергающимся какимъ-либо преслѣдованіямъ или несправедливостямъ. Къ нимъ онъ особенно внимателенъ, угождаетъ и исполняетъ всѣ ихъ желанія, дѣлится всѣмъ, что имѣетъ, отдавая имъ всегда лучший кусокъ, укрываетъ ихъ отъ всякихъ невзгодъ и защищаетъ, насколько онъ въ силахъ это сдѣлать. Его предупредительность и внимательность въ такихъ случаяхъ дѣйствительно поразительны; онъ охотно исполняетъ даже прихоти своихъ пріятелей. То же самое за-

мѣчается и по отношенію къ животнымъ; онъ избираетъ при этомъ обыкновенно грязныхъ, कु-дластыхъ, часто паршивыхъ дворняжекъ, всѣми изгоняемыхъ и преслѣдуемыхъ, дѣлитъ съ ними свою трапезу, никогда ничего не пожалѣетъ, охотно имъ подстиляетъ даже свою одежду и раздѣляетъ съ ними свое ложе. Все это только показываетъ, насколько онъ знакомъ съ различными страданіями, недостатками и насмѣшками, и насколько у него еще сохранились душевныя его качества. Какъ въ приведенныхъ случаяхъ, такъ точно и тогда, когда признаютъ на дѣлѣ его человѣческія права и достоинства, онъ совершенно измѣняется и настолько привязывается къ другому лицу, со стороны котораго онъ встрѣчаетъ такое признаніе, что становится его покорнымъ слугою и даже полнымъ рабомъ и исполняетъ всѣ обращенныя къ нему требованія и желанія. Всѣ его стремленія и дѣйствія направляются тогда къ исполненію всѣхъ требованій его кумира, отъ котораго онъ все готовъ перенести и которому готовъ во всемъ повиноваться. Эти черты злостно-забитаго ребенка очень типичны, онѣ всего рельефнѣе указываютъ, насколько такой ребенокъ дорожитъ признаніемъ его личности и справедливымъ къ нему отношеніемъ; какъ онъ умѣетъ оцѣнивать страданія другихъ, терпящихъ вслѣдствіе различныхъ нуждъ, природныхъ недостатковъ или произвола окружающихъ лицъ. Между тѣмъ часто полагаютъ, что ребенокъ не понимаетъ значенія личныхъ къ нему отношеній, что у него нѣтъ еще понятія о лицѣ и личной его неприкосновенности. Родители обыкновенно думаютъ, что ихъ дѣти со-

ставляютъ ихъ собственность, что они должны быть безличны и находиться въ полной зависимости отъ ихъ требованій и дѣйствій. Съ такими грубыми воззрѣніями, понятно, никакъ нельзя согласиться, потому что, чѣмъ раньше у ребенка пробуждается понятіе о своей личной неприкосновенности и о своихъ человѣческихъ правахъ, тѣмъ болѣе онъ приучается дорожить ими и цѣнить эти права у другихъ; но такія понятія могутъ у него сложиться не изъ словъ, а исключительно изъ дѣйствій и обращенія съ нимъ; они слагаются не по слову, а только по дѣлу. Наблюденія надъ дѣтьми злостно-забитаго типа всего убѣдительнѣе подтверждаютъ вѣрность сказаннаго.

Если раньше, при разборѣ лицемѣрнаго типа, выяснились послѣдствія лжи и отсутствія умственной работы, при разборѣ честолюбиваго типа значеніе однороднаго, всеподавляющаго чувствованія и эгоизма и въ добродушномъ типѣ вліяніе правды, разсужденія, подчиненія и сообразованія личныхъ требованій съ нуждами и требованіями другихъ, то при знакомствѣ съ настоящимъ типомъ всего сильнѣе выступаетъ значеніе несправедливости и произвола при воспитаніи, связанныхъ съ угнетеніемъ и оскорбленіемъ человѣческаго достоинства ребенка. Любовь, основанная на идеѣ правды, возвышаетъ человѣка и заставляетъ уважать его, безъ чего немыслимо развитіе истинныхъ человѣческихъ качествъ и достоинствъ; поэтому-то самый главный и существенный агентъ при воспитаніи, это — искренняя, неподдѣльная и глубокая любовь, могущество которой во всей ея полногѣ выступаетъ еще рѣзче и яснѣе при знакомствѣ

съ злостно-забитымъ типомъ, такъ какъ онъ развивается, именно, при полномъ отсутствіи любви.

Разсматривая злостно-забитый типъ, можно замѣтить въ основаніи его проявленій одну черту, общую съ честолюбивымъ типомъ, а именно, возбужденіе различныхъ чувствованій какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Въ первомъ случаѣ возбуждается чувство оскорбленія, въ послѣднемъ—чувствованіе первенства, превосходства или даже величія. Возбужденіе всякаго рода чувствованій неминуемо ведетъ къ соотвѣтственной степени угнетенія, за которой уже слѣдуетъ апатія.

Проявленія злостнаго типа отличаются большою рѣзкостью и грубостью; онъ чаще лѣнивъ, циниченъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и развлеченіяхъ. Честолюбецъ же прилеженъ, онъ скорѣе эстетикъ во всемъ, что касается его внѣшности; соотвѣтственно этому и всѣ внѣшнія проявленія его болѣе мягки и изящны.

Подобно тому, какъ проявленія радости и горя, смѣхъ и плачъ, въ крайнихъ своихъ степеняхъ сливаются, совершенно теряя отличительныя черты, точно такъ же исчезаютъ мало-по-малу и различія между этими двумя типами въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ: оба они встрѣчаются на водкѣ и преступленіи; въ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ личной цѣли стремится покорить весь міръ, другой стремится уничтожить его за нанесенныя ему оскорбленія и страданія.

6. Угнетенный типъ.

Ребенокъ угнетеннаго типа появляется въ школу обыкновенно блѣднымъ, слабымъ и отличается

всегда своимъ тихимъ и смирнымъ нравомъ. Лицо его серьезно, озабочено, какъ будто онъ постоянно отыскиваетъ работу или же занимается ею. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ отличается своею замѣчательною скромностью, что и составляетъ одинъ изъ самыхъ характеристическихъ его признаковъ. Такой ребенокъ, кромѣ того, весьма трудолюбивъ; онъ постоянно чѣмъ-либо занятъ и всегда вполне сосредоточенъ надъ своимъ дѣломъ. Онъ отдалается отъ своихъ товарищей, отыскиваетъ себѣ болѣе спокойный уголокъ, чтобы наединѣ воспользоваться временемъ для своихъ работъ. Онъ никогда не выходитъ впередъ, а всегда остается позади, въ послѣднихъ рядахъ, и внимательно слѣдитъ за всѣми происходящими въ классѣ занятіями. Въ играхъ и развлеченіяхъ товарищей онъ обыкновенно не принимаетъ никакого участія; такъ же скромно выражаетъ свою радость, какъ подавляетъ свое горе; онъ не легко плачетъ и не выражаетъ своей скорби различными внѣшними проявленіями. Всякая похвала и отличіе его очень стѣсняютъ и заставляютъ спрятаться, уйти.

При разговорѣ даже съ чужимъ для него лицомъ онъ всегда просто и прямо смотритъ въ глаза, отличается большою искренностью и откровенностью, всегда вездѣ видитъ свои недостатки и неумѣнье и во всѣхъ неудачахъ обвиняетъ себя. Ласки онъ положительно не терпитъ и всегда удаляется отъ нея; внѣшнихъ проявленій и движеній вообще у него очень мало, а украшеній—никогда никакихъ. Себя онъ ни въ какомъ случаѣ не жалѣетъ; никогда не останавливается передъ препятствіями, если только можно преодолѣть ихъ

трудомъ. Стойкость и настойчивость его громадна; лишенія, бѣдность, страданіе, нужда никогда его не останавливаютъ, такъ какъ онъ можетъ ограничить свои требованія до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Къ товарищамъ и окружающимъ онъ всегда относится мягко и не требовательно; теоретически защищаетъ ихъ передъ другими и старается объяснить ихъ дѣйствія и поступки въ лучшую сторону. Конечно, онъ надежный товарищъ, никогда никого не выдаетъ и спокойно подвергается при этомъ всякому преслѣдованію и несправедливости. Отъ оскорбленій онъ молча уйдетъ. Къ страждущимъ и оскорбленнымъ онъ относится съ участіемъ и готовъ просиживать около нихъ цѣлые дни и ночи, не жалѣя себя и забывая о собственныхъ своихъ нуждахъ и лишеніяхъ. Все для себя необходимое онъ въ состояніи сдѣлать самъ, никогда не унывая въ случаѣ неудачи, напротивъ, стараясь отыскать ея причину и удвоенными усиліями преодолѣть ее. За своими занятіями онъ слѣдитъ съ большимъ вниманіемъ и всегда исполняетъ всѣ обращенныя къ нему требованія и старательно выучиваетъ всѣ заданные уроки. Обыкновенно религіозность такого ребенка очень искренна и глубока, а также нравственныя его понятія о добрѣ и злѣ тверды и основаны на глубокой вѣрѣ. Онъ никогда не жалуется на пужды и лишенія; о нихъ онъ даже избѣгаетъ говорить, такъ что часто только болѣзнь или непосредственное наблюденіе могутъ указать на крайне неблагоприятныя условія его существованія. Боли и страданія онъ переноситъ стойко, не выказывая ихъ никакими рѣзкими движеніями или жалобами, напро-

тивъ того, онъ старается увѣрить окружающихъ, что его страданія не сильны и не имѣютъ никакого значенія. Выносливость его относительно физическихъ страданій и лишеній такъ же велика, какъ его скромность. Всѣ свои растительныя потребности онъ можетъ довести до крайне малыхъ предѣловъ и удовлетворяться, на примѣръ, очень скромными количествами пищи и питья. Не находя обыкновенно у себя никакихъ талантовъ и способностей, онъ часто отказывается отъ занятій, требующихъ иниціативы и самостоятельности, не всегда и не скоро рѣшаясь на новое для него дѣло, въ особенности, если оно требуетъ нѣкоторой самоувѣренности и предприимчивости; но, разъ рѣшившись, твердо преслѣдуетъ свою цѣль и не останавливается передъ затрудненіями, которыя можетъ преодолѣть трудомъ и лишеніями.

Въ школѣ онъ всегда очень внимательно слѣдитъ за объясненіями и разсказами преподавателя и очень тщательно исполняетъ всѣ требованія; однако, когда онъ не вполне увѣренъ въ своихъ знаніяхъ, то прямо заявляетъ, что не знаетъ, и потому иногда навлекаетъ на себя неудовольствіе преподавателя.

Онъ отличается всегда своею спокойною наблюдательностью и опытностью, которыя и служатъ главными основаніями его дѣйствій. Эгоистическихъ проявленій у него не существуетъ; онъ всегда мягко и внимательно относится къ другимъ, никогда не унижаясь передъ ними, но никогда и не оскорбляя ихъ и даже уходя или убѣгая отъ оскорбителя. Онъ съ благодарностью относится ко всякой оказанной ему услугѣ и всѣми

мѣрами старается отплатить за нее съ лихвою. Онъ всегда очень стѣсняется при обращеніи къ другимъ, въ особенности, если это вызвано личными требованіями или нуждою, при чемъ самъ аттестуетъ себя всегда съ невыгодной стороны, указывая на свою неспособность и неумѣлость. Музыкою, пѣніемъ, живописью и вообще эстетическими занятіями онъ не такъ заинтересованъ; ими онъ занимается рѣдко, точно такъ же, какъ и поэтическими произведеніями. Скромность, трудолюбіе и стойкость его въ своихъ рѣшеніяхъ всегда остаются характеристическими его качествами; они у него не измѣняются и въ школѣ. Матеріальный расчетъ или личная выгода никогда не ложатся въ основаніе его дѣйствій; онъ имъ всегда чуждъ, не смотря даже на крайнюю нужду и лишенія, которыя онъ часто терпитъ. Согрѣшить противъ этого онъ можетъ развѣ только по ошибкѣ, такъ какъ имъ руководитъ всетаки не отвлеченная идея. Онъ всегда отличается правдивымъ и строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, а также простымъ, откровеннымъ и искреннимъ отношеніемъ къ другимъ. Онъ трудно и не скоро дружится, но въ случаѣ дружбы онъ строго и свято (въ смыслѣ вѣры) соблюдаетъ товарищество; онъ не является однако-жъ вѣдше сильнымъ, активнымъ защитникомъ интересовъ своихъ друзей точно такъ же, какъ и не бываетъ открытымъ и горячимъ защитникомъ страждущихъ и оскорбленныхъ; въ крайнемъ случаѣ онъ скажетъ грубо и уйдетъ, потому что его участіе всегда мирное, дѣловое. У него нѣтъ достаточно самоувѣренности и бойкости, чтобы выступить

открыто и внѣшне-горячо, но его участіе всегда глубоко въ отношеніи чувствованія, постоянно и неизмѣнчиво. Онъ твердый другъ и товарищъ, никогда не оставляетъ близкаго человѣка и готовъ добровольно терпѣть съ нимъ крайнюю нужду и лишенія. Всѣ эти явленія могутъ быть какъ у дѣвочки, такъ и у мальчика; въ своихъ основаніяхъ проявленія у нихъ будутъ совершенно одинаковы.

Въ жизни онъ не измѣняется, а остается вѣренъ себѣ. Онъ здѣсь не является слѣпымъ исполнителемъ и нѣмымъ труженикомъ, а, напротивъ, наблюдательность и опытность его, развиваясь все болѣе, позволяютъ ему всегда видоизмѣнить свою дѣятельность и быть часто опытнымъ творцомъ. Не довѣряя самъ добытымъ имъ результатамъ и постоянно умаляя ихъ значеніе, онъ не заявляетъ о нихъ публично и часто даетъ лицемѣру или чѣстолюбцу случай ими воспользоваться. Онъ вообще низко цѣнитъ свой трудъ и иногда просто ставитъ его ни во что. Правдивость никогда не позволяетъ ему быть слѣпымъ орудіемъ другихъ и подчиняться ихъ требованіямъ; такое подчиненіе можетъ быть только въ отношеніи его личныхъ интересовъ, но не нравственныхъ качествъ, которыя у него неподкупны и тверды. Нерѣдко приходится видѣть, что молодые люди этого типа, студенты и слушательницы, имѣя на всѣ свои расходы и нужды по 10—15 р. въ мѣсяцъ, уже не жалуются на нужду и недостатокъ, а находятъ свое положеніе хорошимъ. Если средства ихъ случайно увеличиваются, то они не будутъ улучшать раньше всего свою житейскую обстановку, а непременно приобрѣтутъ лишнюю книгу, микроскопъ

или какое-либо вспомогательное средство для своего учения, или же подѣлятся съ домашними, къ которымъ они всегда очень привязаны. Часто непосильный трудъ и нужда скоро сказываются: жизнь въ углахъ и различныхъ дешевыхъ помѣщеніяхъ, питаніе впроголодь въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ нерѣдко благотворительствуютъ во вредъ призрѣваемымъ и въ пользу призрѣвающихъ, — все это неминуемо приводитъ къ страданію, къ медленной изнурительной болѣзни, которая заставляетъ этихъ людей искать пріюта въ больницѣ, гдѣ они часто и погибаютъ.

Развитію этого типа въ чистомъ видѣ содѣйствуютъ любящая, мягкая, трудящаяся мать или другіе близкіе, живущіе въ постоянноой нуждѣ и недостаткахъ; эти то лишенія и являются здѣсь угнетающими моментами. Сюда относятся, слѣдвательно, всѣ условія, требующія постоянной борьбы съ экономическими затрудненіями, и пріучающія преодолевать ихъ трудомъ и настойчивостью. Этотъ типъ развивается въ бѣдной семьѣ, въ которой добрые и трудолюбивые родители все дѣлятъ со своими дѣтьми и всегда отдаютъ имъ лучшую часть, но эта часть почти никогда не удовлетворяетъ ихъ самыхъ скромныхъ потребностей. Ребенокъ привыкъ постоянно видѣть передъ собою нужду и недостатокъ своихъ родителей и лицъ, съ которыми онъ близко связанъ, къ которымъ пріучился относиться искренно и съ любовью. Онъ знаетъ и достаточно убѣдился на дѣлѣ, что ему даютъ и удѣляютъ все возможное; онъ видѣлъ, какъ часто дорогіе ему люди остаются сами безъ всего, и какъ вся жизнь ихъ про-

ходить въ трудѣ и лишеніяхъ. Никогда ему не приходилось слышать ихъ жалобъ и выраженія недовольства своею участію; они терпятъ молча, весь свой досугъ они отдають ребенку, охотно съ нимъ бесѣдуютъ и внимательно относятся ко всѣмъ его требованіямъ, удовлетворяя ихъ по мѣрѣ силъ и возможности. Онъ привыкаетъ видѣть въ трудѣ и лишеніи явленія обычныя, нормальныя. Онъ видѣлъ, какъ дома копили и собирали гроши, чтобы отправить его въ школу или дать возможность доѣхать до мѣста, гдѣ онъ можетъ продолжать свое образованіе или познакомиться съ извѣстнымъ ремесломъ или искусствомъ. Онъ не тревожится о томъ, какъ ему тамъ придется жить, хотя и не надѣется на гроши, которые могли бы ему прислать изъ дому; онъ даже скорѣе не желаетъ ихъ получать, зная, какимъ лишеніямъ черезъ это подвергаются самыя дорогія ему лица. Онъ надѣется только на работу и на свое умѣнье справляться съ нуждою. Вотъ главные условія для развитія чистаго угнетеннаго типа.

Въ этомъ случаѣ нѣтъ примѣненія какихъ-либо оскорбляющихъ ребенка мѣръ; онъ видитъ во всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ какую-то неотразимую необходимость, которой и покоряется.

Разсмотримъ теперь связь между приведенными явленіями угнетеннаго типа и причинами, содѣйствующими развитію этихъ явленій. Къ самымъ выдающимся изъ нихъ принадлежатъ: скромность, трудолюбіе и стойкость, развившіяся подъ вліяніемъ борьбы съ угнетающими внѣшними условіями жизни при благопріятной нравственной

обстановкѣ. Если прослѣдить за ходомъ развитія ребенка угнетеннаго типа, то нельзя не замѣтить у него отсутствія собственно дѣтскаго возраста; онъ какъ будто рано возмужалъ подъ вліяніемъ суровой дѣйствительности, которая его окружала. Онъ является въ школу съ такою привычкою къ труду, что даже избѣгаетъ здѣсь развлеченій своихъ товарищей, посвящая все свободное время учебнымъ занятіямъ или какой-либо другой работѣ. Привычка къ труду, усвоенная первоначально имитационно, потому что кругомъ всѣ трудятся, становится затѣмъ какъ бы фізіологической потребностью. Съ перваго момента своей сознательной жизни ребенокъ видѣлъ, какъ близкіе и любимые имъ люди безъ ропота и жалобъ заботятся и работаютъ для добыванія необходимыхъ средствъ. Онъ никогда не слышитъ отъ нихъ выраженія неудовольствія, а только иногда подмѣчаетъ заботливое выраженіе на лицѣ матери; видитъ, какъ часто она обдѣляетъ себя, чтобы только удовлетворить его потребности и, сколько возможно, избавить отъ нужды. Такое отношеніе заставляетъ ребенка внимательнѣе присматриваться ко всѣмъ дѣйствіямъ окружающихъ и больше подмѣчать то, о чемъ не говорятъ, но что бываетъ на дѣлѣ. Онъ замѣчаетъ, какъ иногда ему отдаютъ послѣднее, безропотно оставаясь безъ необходимаго. При этомъ онъ много остается наединѣ; окружающіе его не свободны; они находятся при дѣлѣ и потому не могутъ предупредить всѣхъ случайностей и не въ состояніи всегда устранить ихъ неблагопріятныя дѣйствія, такъ что онъ самъ научается избѣгать ихъ, узнавая изъ опыта ихъ послѣдствія. Всѣ

эти условія содѣйствуютъ развитію наблюдательности ребенка и увеличиваютъ его опытность, приобрѣтенную имъ при ранней встрѣчѣ съ суровою дѣйствительностью.

Привязанность и любовь окружающихъ составляютъ необходимое условіе развитія этого типа, иначе непременно явится забитый типъ. Только при этихъ условіяхъ ребенокъ внимательно будетъ присматриваться и слѣдить за всѣми дѣйствіями своихъ близкихъ и воспринимать ихъ, а также замѣчать тѣ лишенія, которыя его мать часто безмолвно терпитъ, отказываясь иногда въ его пользу отъ удовлетворенія самыхъ существенныхъ своихъ потребностей. Подмѣчая такой именно способъ дѣйствія матери, ребенокъ привязывается къ ней не внѣшнею ласкою и нѣжностью, а на основаніи замѣченныхъ имъ дѣйствій, указывающихъ на то вниманіе и участіе, съ которымъ къ нему относятся. Все это содѣйствуетъ той внимательности и деликатности въ отношеніяхъ такого ребенка, которыми онъ отличается; такое явленіе замѣчается еще только у добродушнаго ребенка; у всѣхъ же остальныхъ его нѣтъ; всѣ они эгоисты, знаютъ только свою личную выгоду и никогда не замѣтятъ нужды и требованій другого. Внѣшнія ласки и нѣжности приводятъ къ ложнымъ и лицемернымъ отношеніямъ къ матери и вообще къ людямъ, между тѣмъ какъ отсутствіе ихъ и правдивое, внимательное и теплое отношеніе, а главное, преимущество, даваемое на дѣлѣ интересамъ любимаго лица передъ своими, всегда всего сильнѣе сближаютъ и связываютъ людей между собою.

Ребенокъ постоянно видитъ, сколько труда

стоитъ окружающимъ добыть необходимое; онъ на опытѣ убѣдился въ томъ участіи, съ которымъ къ нему относятся; поэтому онъ непремѣнно постарается помочь и этимъ, по возможности, облегчить трудъ и заботы матери. Онъ этимъ какъ будто отвѣчаетъ на то внимательное и деликатное отношеніе, которое раньше подмѣтилъ и которое уже научился цѣнить. Уже съ раннихъ лѣтъ онъ, такимъ образомъ, приучается къ труду; результатъ этого труда не великъ, да онъ ему и не придаетъ никакого значенія; онъ вполне счастливъ, если замѣтитъ, что хотя нѣсколько облегчилъ трудъ матери или чѣмъ-либо содѣйствовалъ при исполненіи извѣстной работы.

Серьезность, съ которой ребенокъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ, замѣчательна; онъ обыкновенно готовъ взяться за всякую, даже подчасъ очень трудную задачу, поэтому онъ часто терпитъ неудачи. Это, однако, не останавливаетъ его; онъ только съ большей настойчивостью стремится добиться извѣстной цѣли и исполнить начатое. Такимъ образомъ развивается его трудолюбіе и настойчивость при работѣ; частныя же неудачи дѣлаютъ его неувѣреннымъ въ своихъ силахъ и приучаютъ его чрезвычайно скромно относиться къ себѣ. вмѣстѣ съ этимъ онъ убѣждается, что настойчивымъ трудомъ все же можно преодолѣть различныя препятствія, съ которыми приходится встрѣчаться, и часто исправить неудачи.

Постоянный трудъ и непрерывная работа не совсѣмъ согласуются со спокойнымъ разсужденіемъ надъ этою работою, такъ какъ при этомъ является, обыкновенно, слишкомъ много механи-

ческих занятій, при которыхъ приходится дѣйствовать преимущественно внѣшними приѣмами. На опытѣ легко убѣдиться, что напряженный умственный трудъ чрезвычайно утомляетъ даже привыкшаго къ такому труду человѣка. Послѣдовательная умственная работа, продолжающаяся съ одинаковымъ напряженіемъ приблизительно около трехъ часовъ, требуетъ, несомнѣнно, большого навыка и подъ конецъ этого времени все же придется или усваивать памятью, или работать съ меньшимъ напряженіемъ. Повидимому, умственная работа съ наибольшимъ напряженіемъ, при желаніи, напримѣръ, уловить основную идею какого-либо явленія или обобщить значеніе цѣлаго ряда аналогическихъ явленій и прійти такимъ путемъ къ истинѣ, возможна только въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ или даже моментально. Поэтому обыкновенно и предполагаютъ, что творческая работа можетъ быть только случайная, подъ вліяніемъ особеннаго свѣтлаго момента или врожденной способности. Врожденнаго тутъ ничего нѣтъ, необходима только извѣстная подготовка, чтобы въ моментъ полной бодрости поработать умственно съ наибольшимъ напряженіемъ и уловить или выяснить какую-либо идею или подмѣтить болѣе широкое ея значеніе. Это происходитъ обыкновенно подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія, возбуждавшаго мгновенно наибольшее напряженіе уже заранѣе подготовленныхъ способностей. Послѣ такихъ крайне сосредоточенныхъ и напряженныхъ умственныхъ усилій, наступаетъ непремѣнно утомленіе и даже изнуреніе, продолжающееся довольно долго. Спокойный, медленный анализъ возможенъ въ гораздо

большей мѣрѣ, но все же и онъ приводитъ даже привычнаго человѣка къ скорому утомленію. Разсужденіе, въ основаніи котораго лежатъ явленія и образы привычной для насъ области, всего менѣе утомляетъ, но только въ томъ случаѣ, если оно постоянно чередуется съ механическимъ или физическимъ трудомъ; вслѣдствіе привычки оно не требуетъ такого напряженія, а потому можетъ продолжаться болѣе долгое время. Такимъ образомъ, умственная работа, ведется ли она путемъ анализа или синтеза, необходимо требуетъ времени и отдыха.

Но эти условія могутъ быть удовлетворены только при отсутствіи всякаго принужденія и насилія; только свободный и спокойный умственный трудъ безъ принужденія можетъ быть, дѣйствительно, плодотворенъ, хотя бы онъ продолжался даже небольшой промежутокъ времени, между тѣмъ какъ настойчивый, постоянный трудъ, направляемый имитацией, привычкой или гнетущими обстоятельствами, можетъ развить память и часто вести къ неудачамъ, такъ какъ онъ знакомитъ насъ съ частными явленіями, не освѣщая ихъ отвлеченными понятіями и истинами.

Угнетенный типъ намъ показываетъ, какъ первоначально имитационный, затѣмъ привычный трудъ можетъ сдѣлаться физиологическою потребностью, но все же онъ не будетъ содѣйствовать широкому умственному развитію. Ребенокъ этого типа не пріучается спокойно, безъ внѣшняго вмѣшательства наблюдать за разнообразными явленіями жизни и разсуждать надъ ними, и тѣхъ размышленій, которыя появляются у него, онъ не смѣняетъ весе-

лою игрою, простыми развлеченіями и свободными проявленіями своихъ желаній и дѣйствій; напротивъ, его рано угнетаютъ тѣ сильныя, постоянныя и неотразимыя условія, которыя молчаливо переносятся любимыми имъ людьми, и которымъ онъ также молча покоряется, не рѣшаясь проявлять своихъ желаній или предаваться какимъ-либо развлеченіямъ или играмъ.

Условія ихъ жизни могутъ содѣйствовать развитію трудолюбія, стойкости, скромности и деликатности; они приучаютъ наблюдать за явленіями и будутъ содѣйствовать появленію опытности, но не выработаютъ ни анализа, ни пониманія явленій на основаніи отвлеченія, ни ширины взглядовъ, ни проявленія самостоятельной творческой силы. На основаніи практическаго опыта можетъ быть творчество, но только практическое, реальное или, если такъ можно выразиться, „штучное“, а не отвлеченное, идейное.

То, что сказано въ отношеніи умственнаго труда, имѣетъ такое же значеніе и въ отношеніи физическаго. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ онъ подвижнѣе, тѣмъ чаще онъ долженъ переходить отъ одного занятія къ другому, отъ одной работы къ другой. Нѣжный организмъ его, въ которомъ отдѣльныя части основы еще разъединены прослойками образовательной ткани, богатой сосудами, не можетъ подвергаться продолжительной или усиленной работѣ; отъ нея онъ непременно будетъ страдать. Изслѣдованія основы туловища, и именно позвоночнаго столба, показали, что изъ всѣхъ скелетовъ, ежегодно приготавлиаемыхъ въ анатомическомъ кабинетѣ Военно-медицинской академіи,

47—48,56% оказываются съ явными измѣненіями, указывающими на бывшія здѣсь страданія. Скелеты эти принадлежатъ людямъ рабочаго класса, и страданія ихъ составляютъ прямыя послѣдствія непосильнаго труда, въ особенности въ молодомъ возрастѣ (скелеты большею частью взяты отъ людей, умершихъ въ 20 — 40-лѣтнемъ возрастѣ). Многіе, безъ сомнѣнія, погибли въ остромъ періодѣ такихъ страданій, не оставляющихъ явныхъ измѣненій формы, и потому не вошли въ эти процентныя числа. Въ зрѣломъ возрастѣ организмъ въ состояніи выдержать гораздо болѣе тяжелыя физическія работы, которыя возможны безъ вреда для его здоровья въ продолженіе гораздо большаго промежутка времени.

Слѣдовательно, и въ отношеніи физическаго труда ребенка необходима полная непринужденность дѣйствій, отсутствіе работъ, требующихъ большого напряженія и усилія. Здѣсь раньше всего необходима частая перемѣна въ занятіяхъ, постепенность и послѣдовательность ихъ, веселый, непринужденный нравъ и отсутствіе угнетенія. Плохія гигиеническія условія, главнымъ же образомъ отсутствіе истиннаго дѣтства, непременно содѣйствуютъ хилости, частому заболѣванію и ранней смертности, которая, сколько приходилось видѣть, часто встрѣчается у дѣтей и вообще у людей угнетеннаго типа.

Все это необходимо помнить при школьномъ преподаваніи, гдѣ часто хлопочутъ только о томъ, чтобы дѣти не разсуждали, а только учились, что совершенно несогласно съ задачею школы, съ требованіями гармоническаго развитія умствен-

ной дѣятельности и истинно-человѣческихъ качествъ.

Приходилось воочию видѣть всѣ грустныя послѣдствія угнетенія, предпринимаемаго для восстановления порядка въ учебныхъ заведеніяхъ. Общая апатія и проявленія самыхъ низкихъ животныхъ инстинктовъ были послѣдствіями его. Ихъ можно было ожидать, и они явились въ ужасающей формѣ. Водка, карты, развратъ, драки, клевета и т. д., и т. д.—вотъ что породило угнетеніе; идеи исчезли, отвлеченія не было и слѣда, исчезли люди, остались одни животныя.

Нерѣшительность и неудачи часто доводятъ до крайней неувѣренности въ личныхъ своихъ качествахъ и силахъ. Какъ это явленіе, такъ и отсутствіе истинныхъ эстетическихъ проявленій составляютъ не что другое, какъ слѣдствіе недостатка твердыхъ отвлеченныхъ основъ, при помощи которыхъ легче избѣгаются неудачи, и является возможность понимать значеніе эстетическихъ явленій. При характеристикѣ ребенка угнетеннаго типа была уже указана, въ числѣ его рѣзкихъ особенностей, стойкость въ отношеніи своихъ рѣшеній, выносливость различныхъ лишеній, сдержанность въ отношеніи чувствованій. Онъ очень стоекъ и твердъ и не легко поддается постороннимъ вліяніямъ. Раньше уже говорилось, что характеръ человѣка зависитъ отъ отношенія волевыхъ его проявленій къ чувствованіямъ. Съ раннихъ лѣтъ ребенокъ привыкъ подчиняться необходимости, сдерживать и ограничивать свои желанія и требованія. Онъ пріучился выносить голодъ и жажду и удовлетворять ихъ вообще небольшими

количествами пищи, при чемъ никогда не хлопоталъ объ удовлетвореніи вкусовыхъ ощущеній. Онъ знакомъ съ непосредственнымъ вліяніемъ холода, сырости и спокойно переносить ихъ; не привыкъ онъ также подвергать свое обоняніе пріятнымъ ощущеніямъ. Онъ можетъ не поддаваться утомленію и усталости и не ласкать свой слухъ одними гармоничными звуками. Онъ не баловался мягкими подушками и подстилками и не привыкъ ко внѣшнимъ ласкамъ и щекотаніямъ, а умѣетъ отдохнуть и на твердомъ и не всегда удобномъ ложѣ. Вслѣдствіе всего этого онъ пріучился первоначально владѣть всѣми чувствованіями, появляющимися при отправленіяхъ растительной жизни и движеніяхъ, и не допускать ихъ развитія. Затѣмъ совершенно такимъ же образомъ ребенокъ дѣйствуетъ и въ отношеніи психическихъ проявленій. Это—общее явленіе, общій законъ, по которому человѣкъ первоначально пріучается относиться извѣстнымъ способомъ ко всякимъ непосредственнымъ вліяніямъ и раздраженіямъ, а затѣмъ такимъ же образомъ относится и къ соотвѣтствующимъ психическимъ проявленіямъ.

Точнѣе всего это положеніе изучается, какъ уже сказано, на выраженіи лица: раньше всего человѣкъ пріучается производить сокращенія мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ, подъ вліяніемъ получаемыхъ послѣдними впечатлѣній, а затѣмъ производитъ такія же сокращенія подъ вліяніемъ чувствованій, соотвѣтствующихъ этимъ впечатлѣніямъ, при чемъ степень сокращенія и число участвующихъ мышечныхъ группъ прямо пропорціональны силѣ впечатлѣнія. То же самое

имѣть полное значеніе при развитіи характера человѣка. Наблюденіе угнетеннаго типа даетъ совершенное подтвержденіе этого положенія, на основаніи котораго можно хорошо выяснитъ себѣ причинную связь замѣчаемыхъ у него явленій. Ребенокъ этого типа приучается очень рано задерживать свои желанія и реальныя потребности, онъ привыкаетъ удовлетворять этимъ потребностямъ въ самой ограниченной степени и постоянно покоряться необходимости, не жалѣя при этомъ своихъ трудовъ и силъ. То же самое является потомъ во всѣхъ психическихъ и нравственныхъ его качествахъ.

Самое характерное различіе между угнетеннымъ и добродушнымъ типомъ составляетъ недостатокъ отвлеченія и привычки къ спокойному разсужденію надъ явленіями у перваго; усвоеніе имъ знаній, впечатлѣній и представленій болѣе, чѣмъ понятій, а вслѣдствіе этого недостатокъ въ инициативѣ и самостоятельности, въ умѣнъи обобщать и отвлеченно мыслить. Человѣкъ добродушнаго типа всегда идеалистъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и разсужденіяхъ, чего нельзя сказать о человѣкѣ угнетеннаго типа; послѣдній, напротивъ, реалистъ, вполне владѣющій своими чувствованіями и руководящійся въ дѣйствіяхъ своею наблюдательностью и опытностью. Доброе, мягкое отношеніе лицъ послѣдняго типа къ окружающимъ и товарищамъ составляетъ также слѣдствіе его опытности: онъ хорошо знакомъ съ неудачами, всякими лишеніями и страданіями; хотя онъ и переноситъ все это молча, но, увидавъ что-либо подобное у другого, онъ всегда готовъ, не жалѣя себя и какъ

бы забывая о себѣ, отдать все, чтобы только облегчить участь или помочь страждущему и оскорбленному. Объективная, не увлекающаяся натура его заставляет его быть всегда справедливымъ и правдивымъ и искать себѣ утѣшенія въ искренней и глубокой вѣрѣ. Искренно вѣруя самъ, онъ всегда очень остороженъ и терпимъ въ отношеніи другихъ, стараясь предупредить и избѣжать всего, что можетъ оскорбить или даже непріятно повліять на духовныя и нравственныя убѣжденія другихъ. Не допуская у себя никакихъ способностей и талантовъ, онъ скромно держится въ сторонѣ, иногда даже стѣсняется другихъ и избѣгаетъ или уходитъ отъ оскорбителей. Зная изъ опыта, какъ часто ошибаются въ людяхъ, и привыкши быть всегда правдивымъ, непосредственнымъ, участливымъ и искреннимъ въ своихъ дѣлахъ и мысляхъ, онъ всегда старается объяснить дѣйствія и поступки другихъ въ лучшую сторону, опасаясь ошибокъ и недоразумѣній или неточности сообщаемыхъ свѣдѣній.

Знакомство съ угнетеннымъ типомъ и выясненіе причинной связи замѣчаемыхъ у него явленій показываютъ все значеніе непосильнаго ранняго труда какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Угнетающее вліяніе лишеній и непосильнаго труда непременно должно неблагоприятно дѣйствовать на молодой, нѣжный организмъ и, при постоянствѣ этихъ явленій, неминуемо должно привести къ страданіямъ, что чрезвычайно часто и замѣчается у лицъ этого типа. Мертвенная блѣдность и всѣ послѣдствія истощенія и изнуренія часто наблюдаются у нихъ, и только терпѣніе, выносливость и привычка къ лишеніямъ за-

ставляютъ ихъ молчаливо страдать и часто даже отрицать у себя всякія страданія.

Этимъ заканчивается разборъ тѣхъ выдающихся типовъ, которые, обыкновенно, уже достаточно рѣзко выражены при появленіи дѣтей въ школѣ и составляютъ, стало-быть, главнымъ образомъ результатъ семейнаго воспитанія или слѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ ребенокъ провелъ свою до-школьную жизнь.

Приведенные типы прямо можно связать съ степенью умственного и нравственнаго развитія ребенка въ семьѣ. Лицемерный типъ отличается, главнымъ образомъ, внѣшними своими проявленіями; онъ видоизмѣняется и приспособляетъ свою внѣшность и всѣ свои дѣйствія къ условіямъ, при которыхъ онъ живетъ, и при которыхъ ему приходится дѣйствовать. Проявленія его настолько внѣшны, что, повидимому, они будутъ по существу преимущественно рефлексорно-опытныя и отчасти подражательныя. Внѣшнія проявленія, основанныя на непосредственномъ удовлетвореніи животныхъ потребностей, на матеріальной выгодѣ и подражаніи указываютъ, несомнѣнно, на слабое умственное развитіе и на недостатокъ нравственныхъ основаній. Типъ ребенка, слѣдовательно, находится въ прямой зависимости отъ степени умственного и нравственнаго его развитія; это—главная мысль, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ приведенныхъ наблюденій и ихъ теоретическихъ объясненій. Поэтому описанные здѣсь типы не произвольны и не случайны, но соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ умственного и нравственнаго развитія ребенка, причемъ первая степень, съ малосознатель-

ными отраженно-опытными проявленіями, соотвѣтствуетъ лицемѣрному и мягко-забитому типамъ; вторая степень, съ развитіемъ подражательно-разсудочныхъ проявленій и одностороннихъ чувствованій, соотвѣтствуетъ честолюбивому и злостно-забитому типамъ,—и, наконецъ, третья степень, съ разумно-самостоятельными проявленіями, выраженными либо въ видѣ разсужденій, либо въ видѣ физическаго труда, соотвѣтствуетъ добродушному и угнетенному типамъ. Правдивость является главнымъ характеристическимъ признакомъ ребенка этихъ послѣднихъ типовъ.

Эти три степени развитія соотвѣтствуютъ степенямъ развитія органовъ отраженно (рефлекторно)-опытной умственной дѣятельности, подражательно-разсудочной дѣятельности, выражаемой желаніемъ или хотѣніемъ или органовъ нагляднаго воспріятія и дѣйствія, и органовъ разумно-самостоятельной или волевой дѣятельности. Органовъ промежуточныхъ между ними нѣтъ, поэтому всевозможныя видоизмѣненія въ ихъ развитіи и проявленіи могутъ быть только въ этихъ, а не въ какихъ либо другихъ промежуточныхъ органахъ. Ясно, что и основныхъ типовъ можетъ быть поэтому только три.

Условія, задерживающія умственное развитіе, а также примѣненіе различныхъ мѣръ, понижающихъ впечатлительность, содѣйствуютъ появленію типовъ, описанныхъ подъ названіемъ мягко-забитаго или заласканнаго, злостно-забитаго и угнетеннаго; опять же и здѣсь нѣтъ ни случайности, ни произвола при описаніи. Здѣсь могутъ быть ошибки въ наблюденіи и, въ особенности, въ выясненіи,

но одно вѣрно: всѣ типичныя явленія, замѣчаемыя у ребенка въ школѣ, составляютъ неминуемое и неотразимое послѣдствіе условій, при которыхъ онъ жилъ въ до-школьномъ періодѣ.

Точно такъ же, какъ получится непременно опредѣленная химическая реакція при соединеніи опредѣленныхъ тѣлъ въ пробирномъ цилиндрѣ, точно такъ же, какъ вліяніе извѣстныхъ физическихъ силъ неминуемо проявится при существованіи необходимыхъ для этого условій, точно такимъ же образомъ неминуемо, неотразимо появятся и опредѣленные послѣдствія при дѣйствіи извѣстныхъ условій на организмъ человека.

Выясняя себѣ основную идею постройки человеческого организма и его отправления, твердо и неопровержимо убѣждаемся въ неминуемости опредѣленныхъ послѣдствій при дѣйствіи извѣстныхъ причинъ. Изученіе анатоміи положительно показываетъ существующую здѣсь причинную связь.

Рядомъ приведенныхъ типовъ желательно только выяснитъ значеніе лжи со всѣми ея видоизмѣненіями въ лицемѣрномъ типѣ, чувствованія первенства или величія—въ честолюбивомъ, правды—въ добродушномъ и гнета во всѣхъ остальныхъ типахъ, а также, по возможности, прослѣдить за причинами, послужившими основаніемъ для развитія этихъ чувствованій и идей. Понятно, что это только антропологическій этюдъ, который можетъ служить основаніемъ для выясненія метода наблюденій за ребенкомъ и установленія причинной связи замѣчаемыхъ у него явленій. Только на основаніи выясненія этой причинной связи возможно перейти съ почвы произвола къ собиранію

научныхъ истинъ и къ основаннымъ на нихъ объективнымъ дѣйствіямъ.

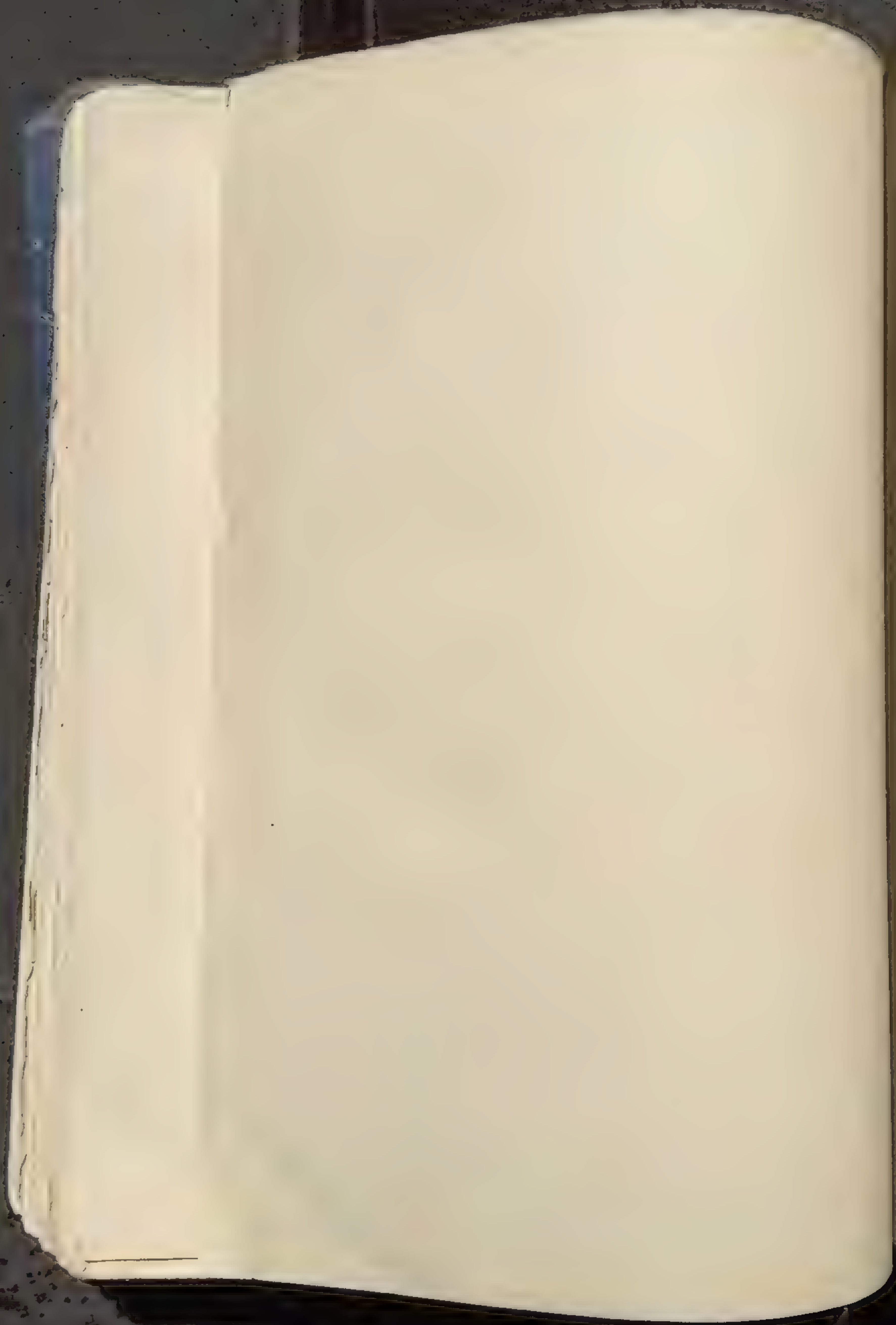
Только на идеяхъ и истинахъ можно сойтись и основать свои дѣйствія; ихъ, слѣдовательно, и необходимо раньше всего разработать, а затѣмъ уже говорить о наукѣ о воспитаніи.

2-50
151542

1880

ПОРТРЕТЪ
П. Ф. Лесгафта.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОФОРТЪ

Цѣна 5 руб.

Складъ изданія: Торговая, 25, кв. 11

60 коп.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Дополнение.

**В животном мире обман и ложь НЕ СЧИТАЮТСЯ чем
ТО ПЛОХИМ.**

**У животных обман это хорошо. Имейте это ввиду когда
сталкиваетесь с лжецами. У обезьян нет чувства угрызения
совести или сочувствия, обезьяны могут знать что у людей
имеются эти качества личности, но у самих обезьян нет этих
качеств людей.**

**Обезьяна испытывает
ТОЛЬКО радость от того что
удалось обмануть и печаль
если обман не удался. Это
научно доказанный факт.**

**Для большинства ложь не только не является
чем то плохим, наоборот, для большинства
ложь считается правильным и хорошим.**

**Для большинства ложь которая приукрашивает
и выставляет нужное в хорошем свете лучше
чем нелюбопытная правда.**

**Абсолютное большинство лжёт постоянно, не
стыдясь и не испытывая угрызений совести.**

**Для большинства неприятная правда не
нужна и искренне рассматривается как зло.**

**Научное
обоснование**

Доказательства

**Догмы
вбитые в мозг
как
«правильные»**

Факты

Логика

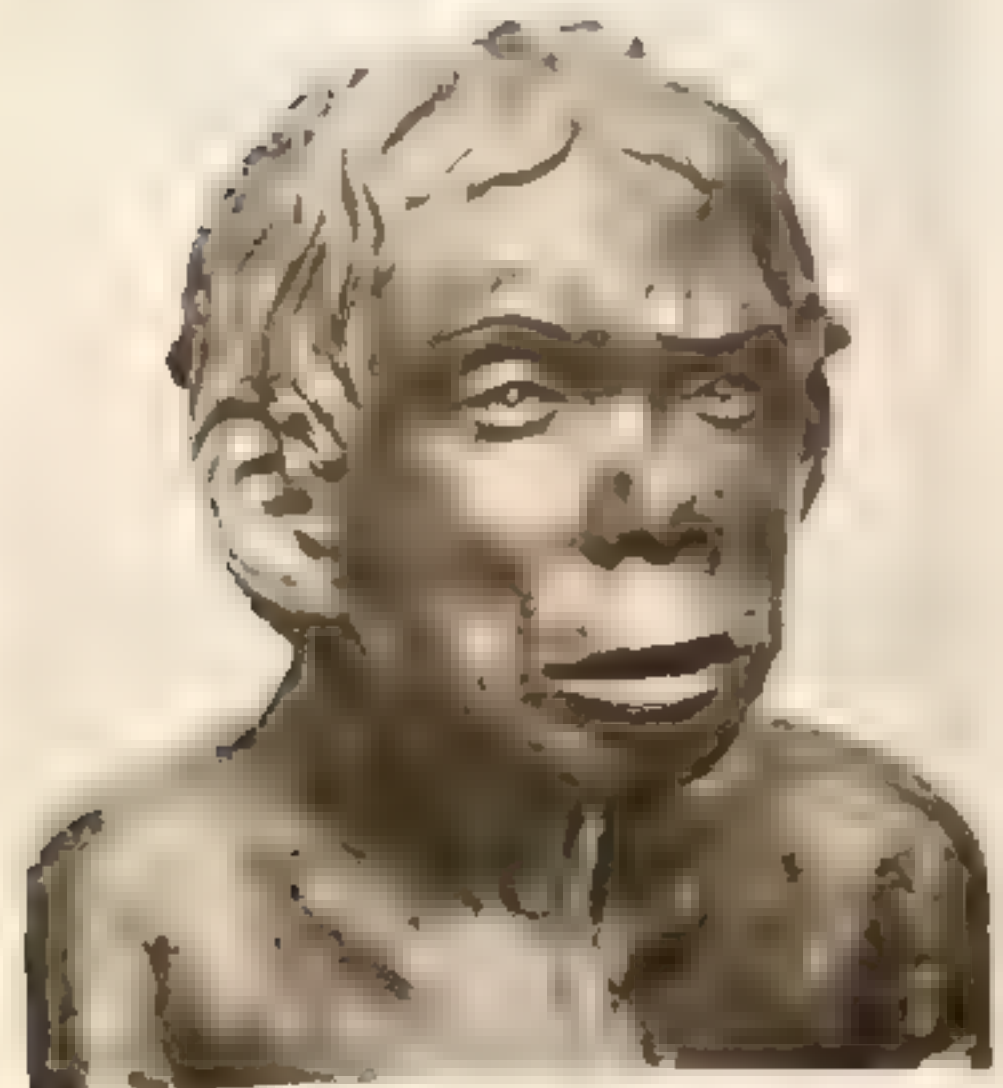
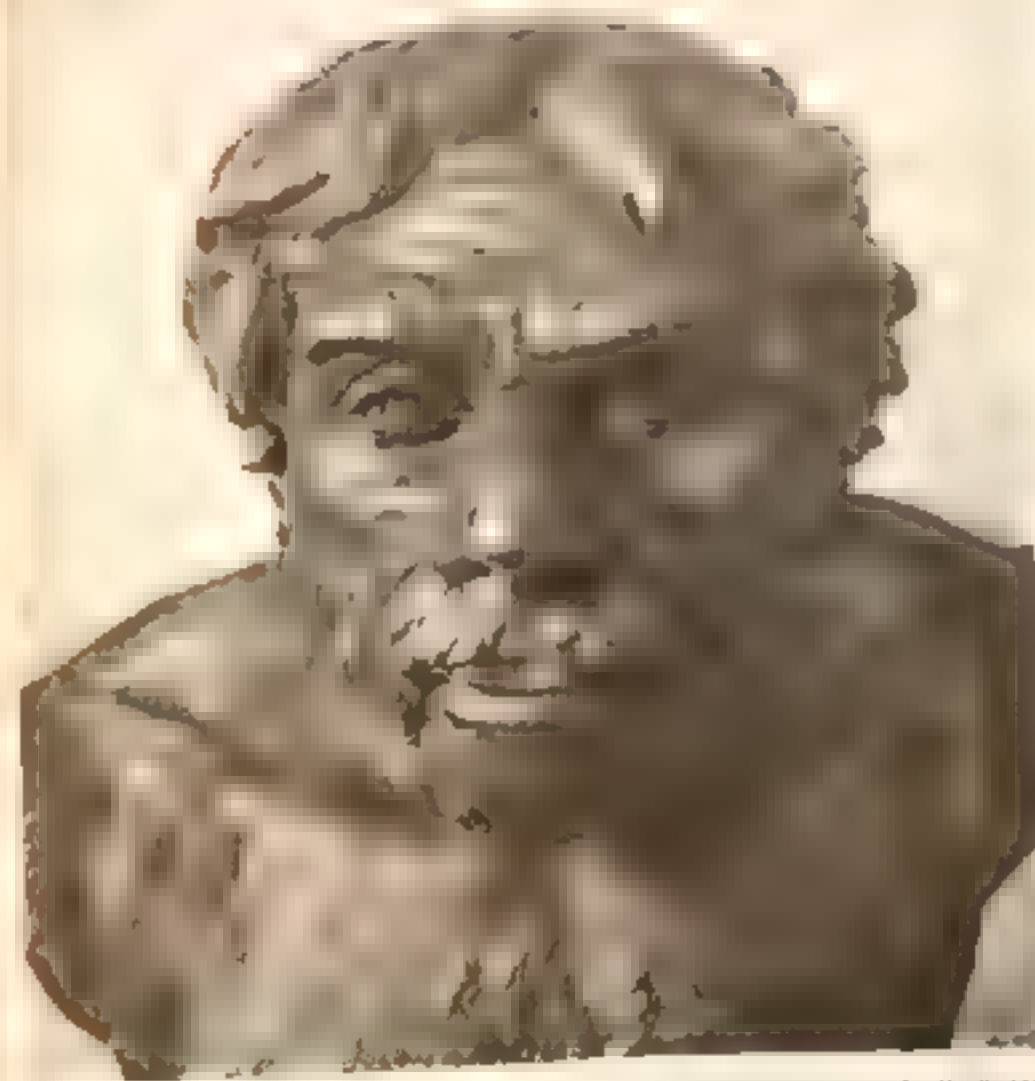
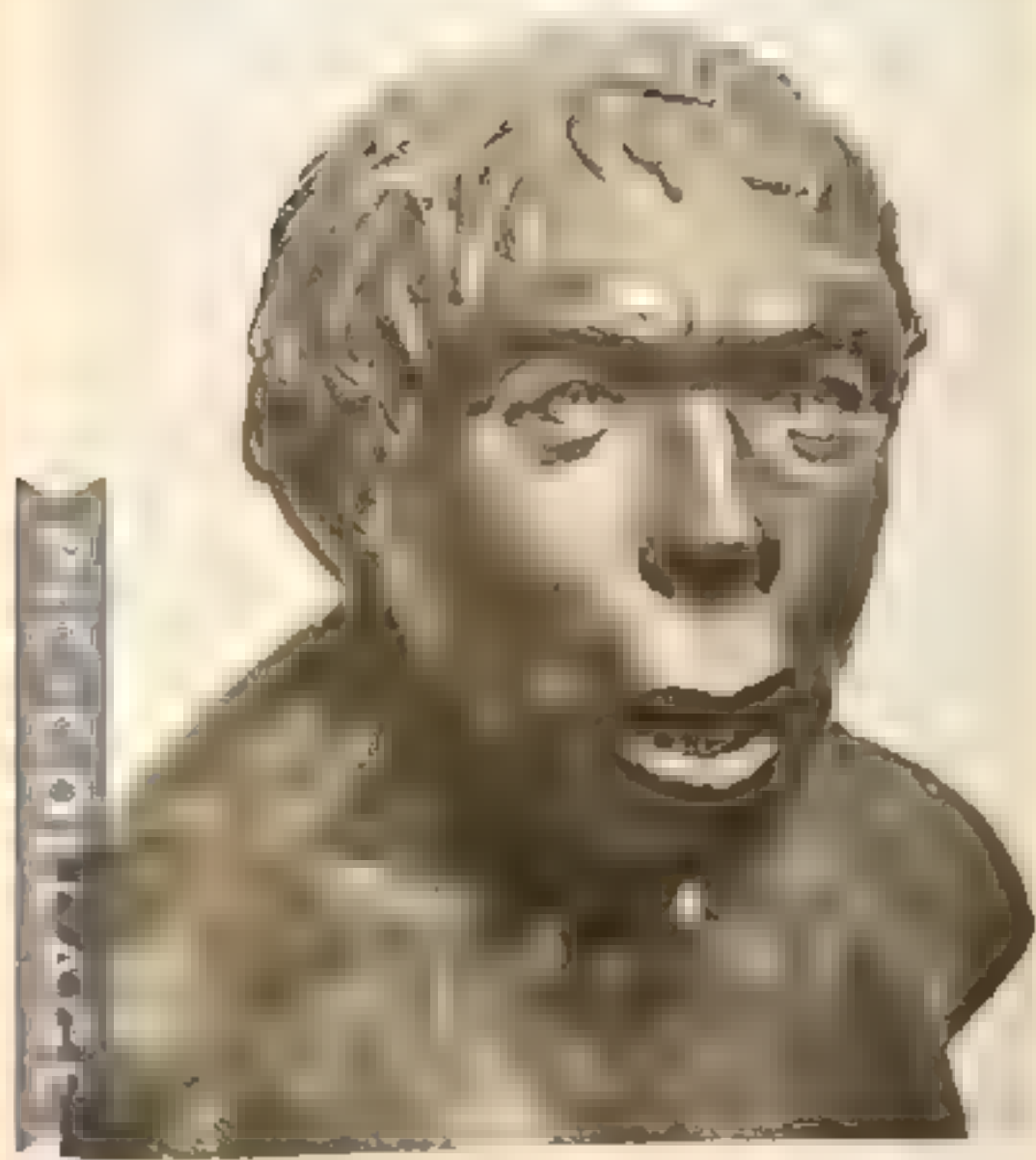
**Здравый
смысл**

Большинство

граждан УПРЯМЫ, КАПРИЗНЫ и ТУПОУМНЫ.

Всегда скептически относитесь к любым словам. Имейте ввиду что абсолютное большинство используют слова как звуки которым верят дураки, это означает что если вам говорят что либо, то вероятность того что слова соответствуют настоящим намерениям говорящего минимальна.

НЕДОСТАЮ-
ЩЕЕ
ЗВЕНО

**Для абсолютного
большинства
населения
ПРОЦЕСС ВСЕГДА
ВАЖНЕЕ результата.**

**Когда что либо делают, не важно что,
то почти всегда процесс интересен
больше чем результат. Почти всегда
процесс увлекает полностью,
отодвигая результат деятельности в
степень даже не второстепенную, а
вообще практически не имеющую
никакого значения.**

**Выстраивая
бессмысленные схемы в
своём мышлении
индивид сам находится в
полной уверенности в
правильности и
логичности его мышления.**

**Я специальный
ЭКСПЕРТ! Я
избавлюсь от
комара ТАК -**

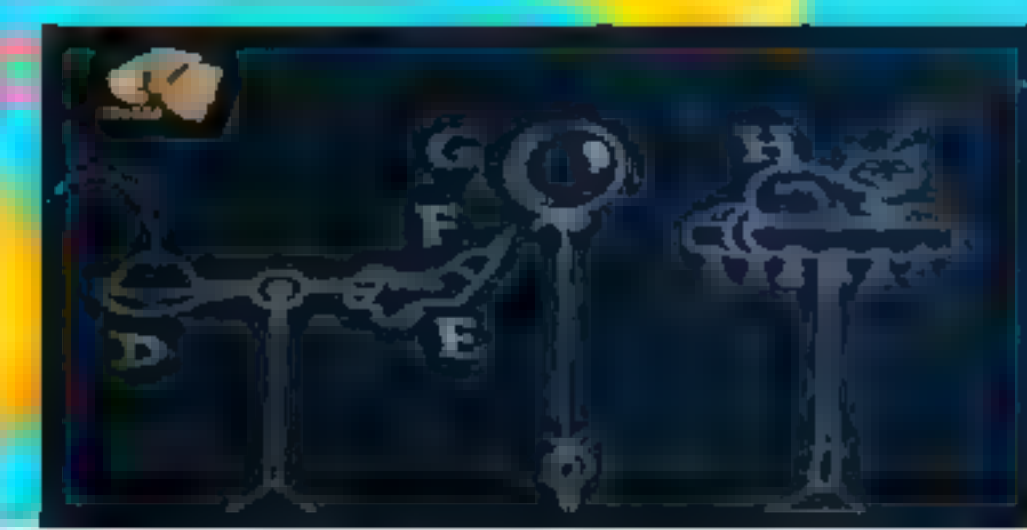
**Я хочу
избавиться
от комара!**

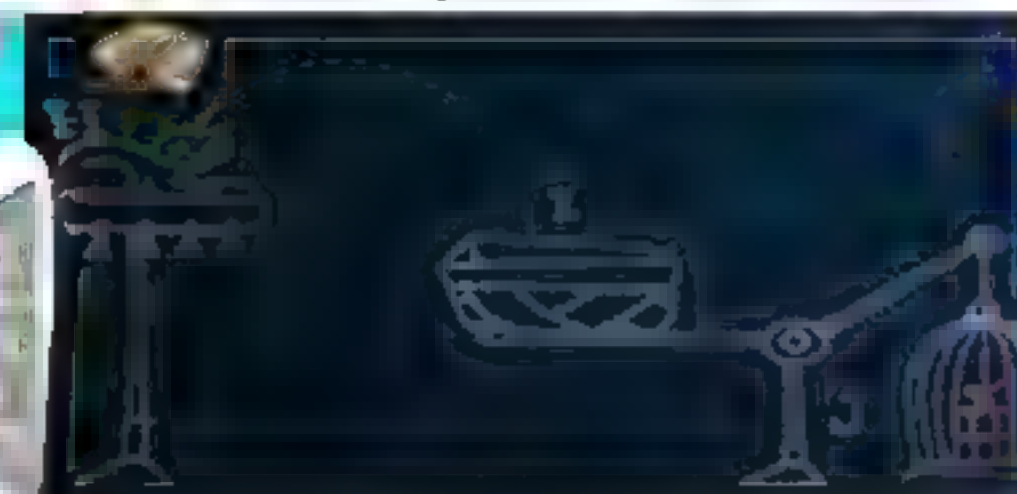
**Ножницы А перерезают веревку Б
заставляя мяч Ц упасть на чашку**

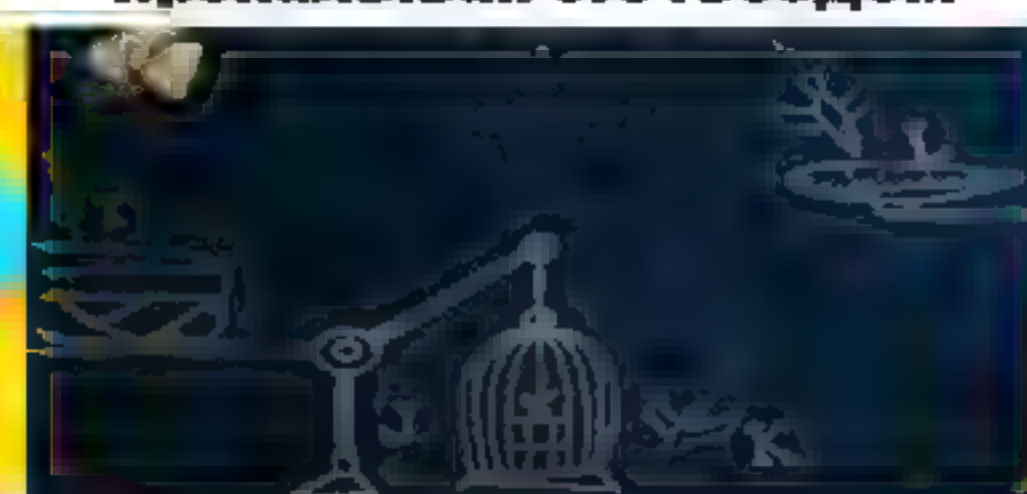
**Отчего башмак пинает шарик
прокалывая его гвоздем**

**Что напугает кота которому
придётся прыгнуть**

**Прыгнуть в корзину что откроет
клетку и выпустит птицу**

**Которая полетит к
кормушке на платформе**

**Это заставит выстрелить пистолет,
пуля перебьет веревку и освободит
наковальню которая прихлопнет
комара!!!**

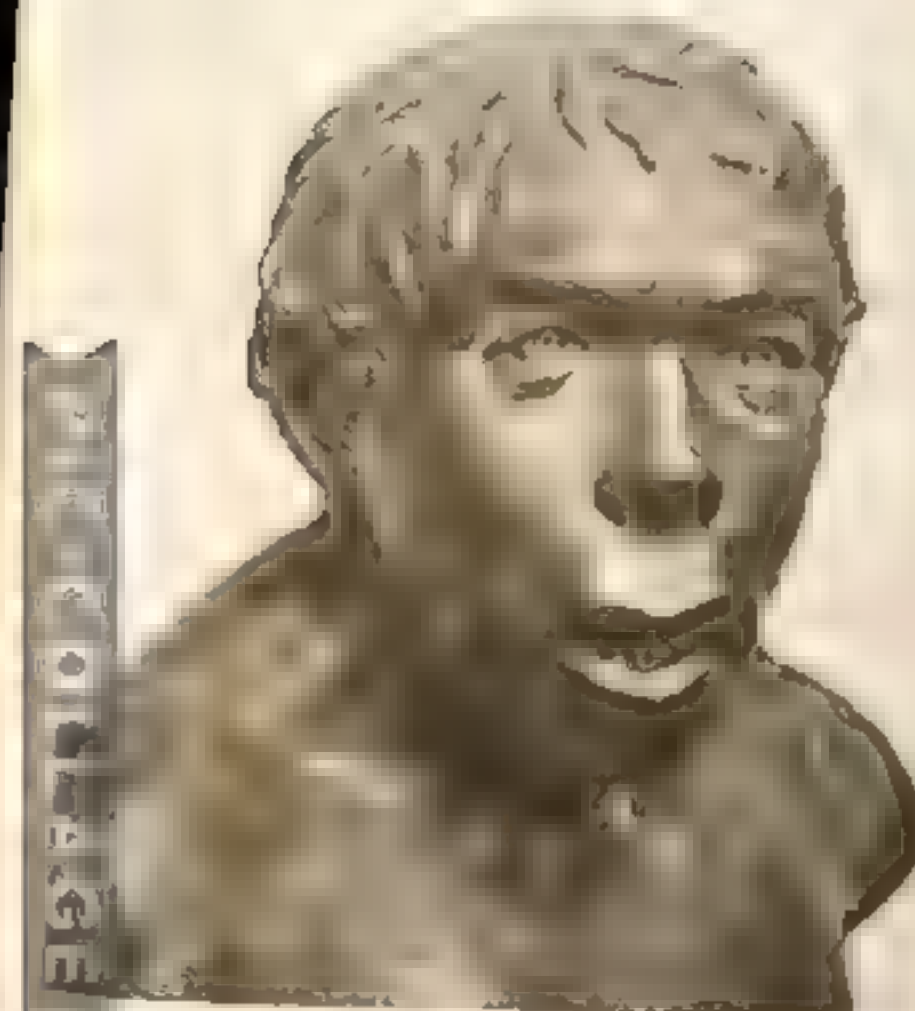
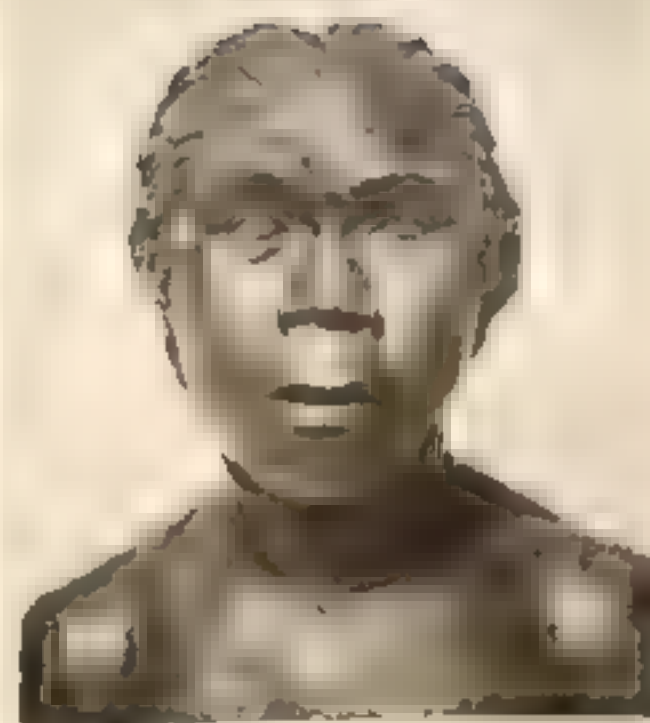
Типичное мышление Большинство граждан мира.

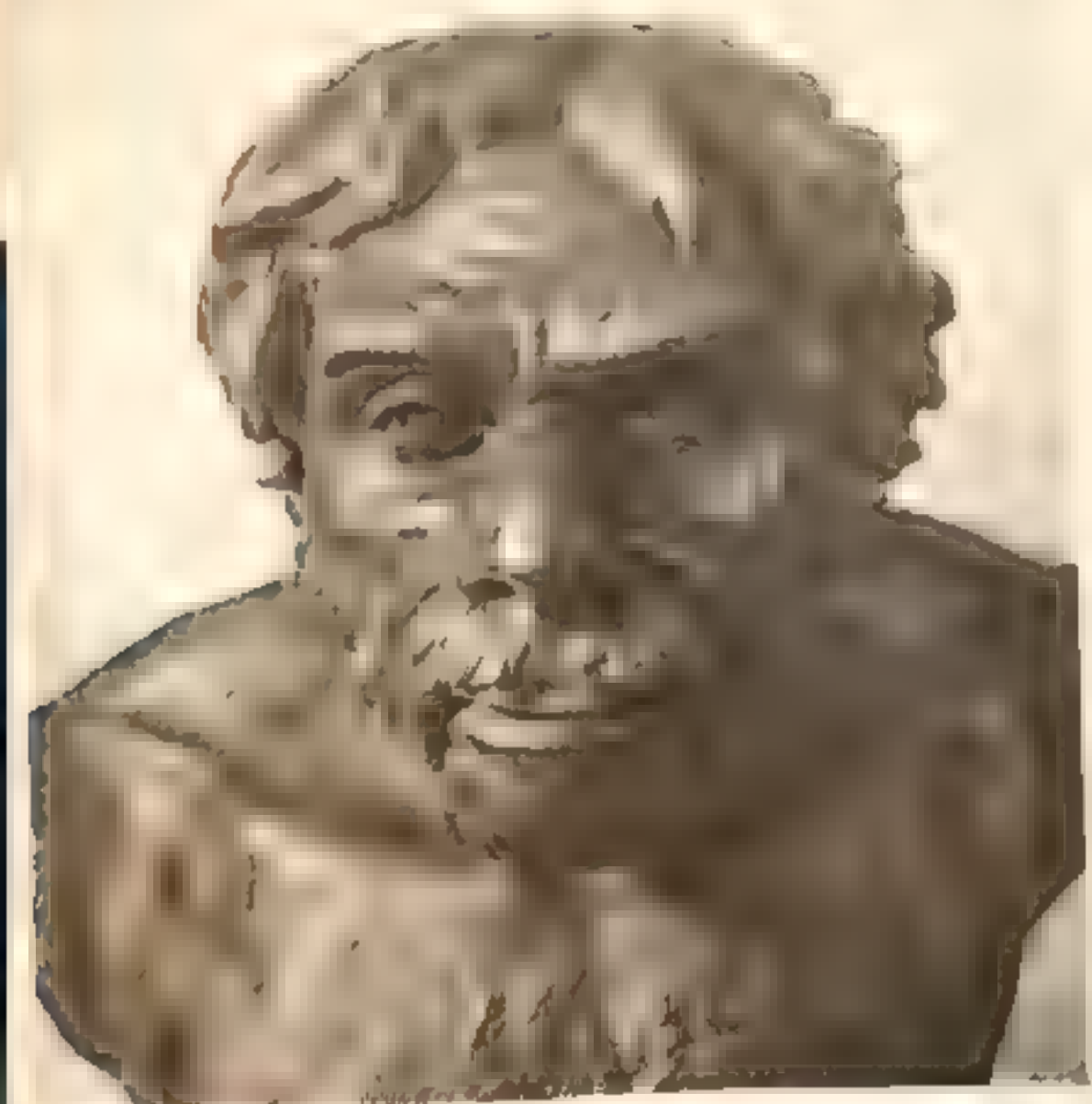
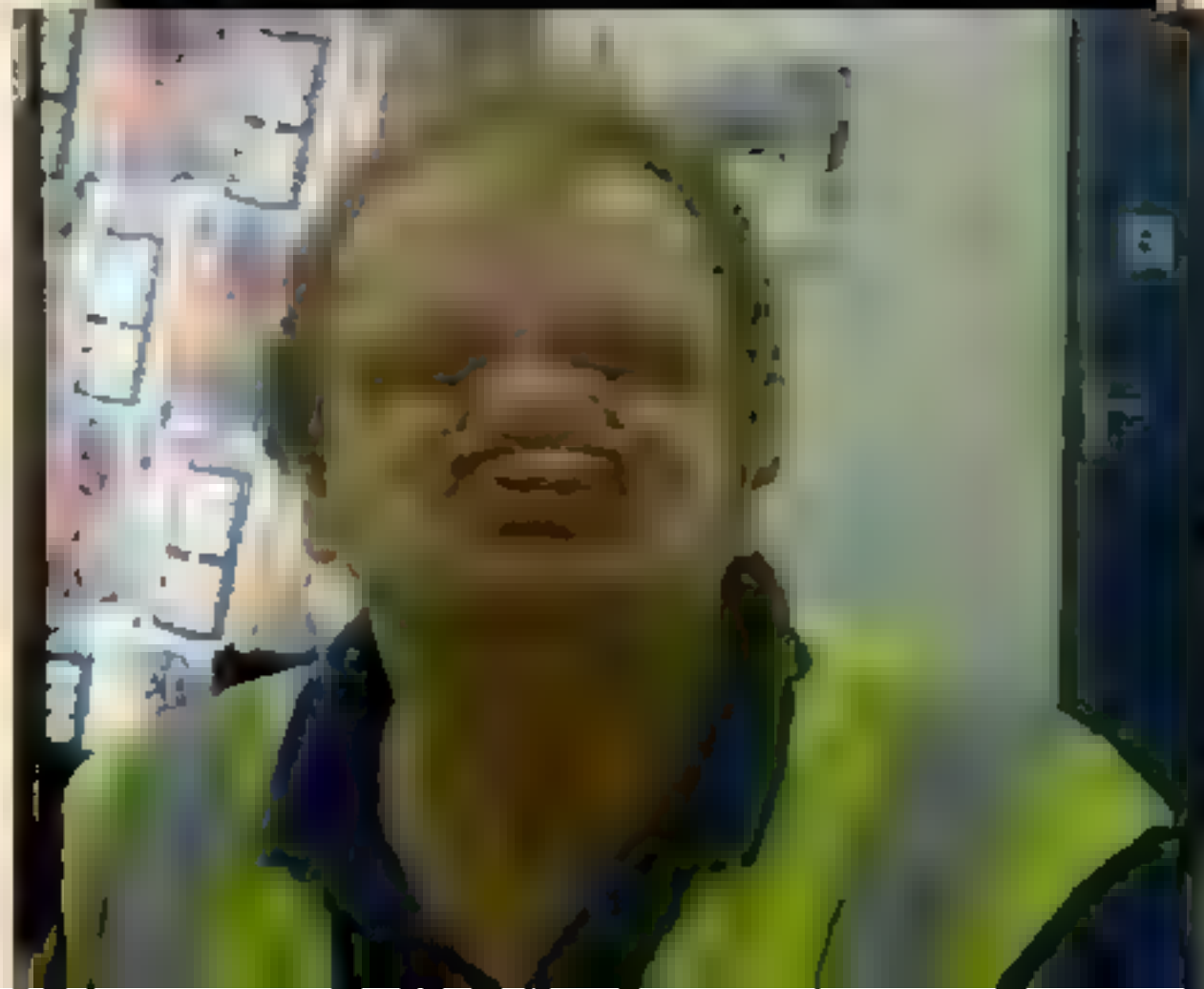

Горго, поэтесса, 19-й век

**Абсолютное
большинство
думают
только о себе.
О себе, и о
своих детях.**

Горго, поэтесса, 19-й век

Горго, поэтесса, 19-й век

У окружающих вас граждан разное мышление.

Каждый думает о своём.

**Что бы узнать КАК мыслит тот или иной индивид
необходимо узнать КАК индивид выстраивает
логические цепочки, как и почему принимает
решения, на что опирается при принятии решений.**

**Это легко выяснить при беседе с обсуждением какого либо
вопроса. Сначала задайте вопрос. Получив ответ
поинтересуйтесь почему такой ответ? После чего осторожно
спросите как собеседник пришёл к его ответу. Особенно
интересно узнать как собеседник видит решение какой либо
бытовой проблемы и ситуации в меж личностных отношениях.**

**Уверяю Вас, Вы можете неожиданно сделать открытие
которого возможно и не ожидали от собеседника.**

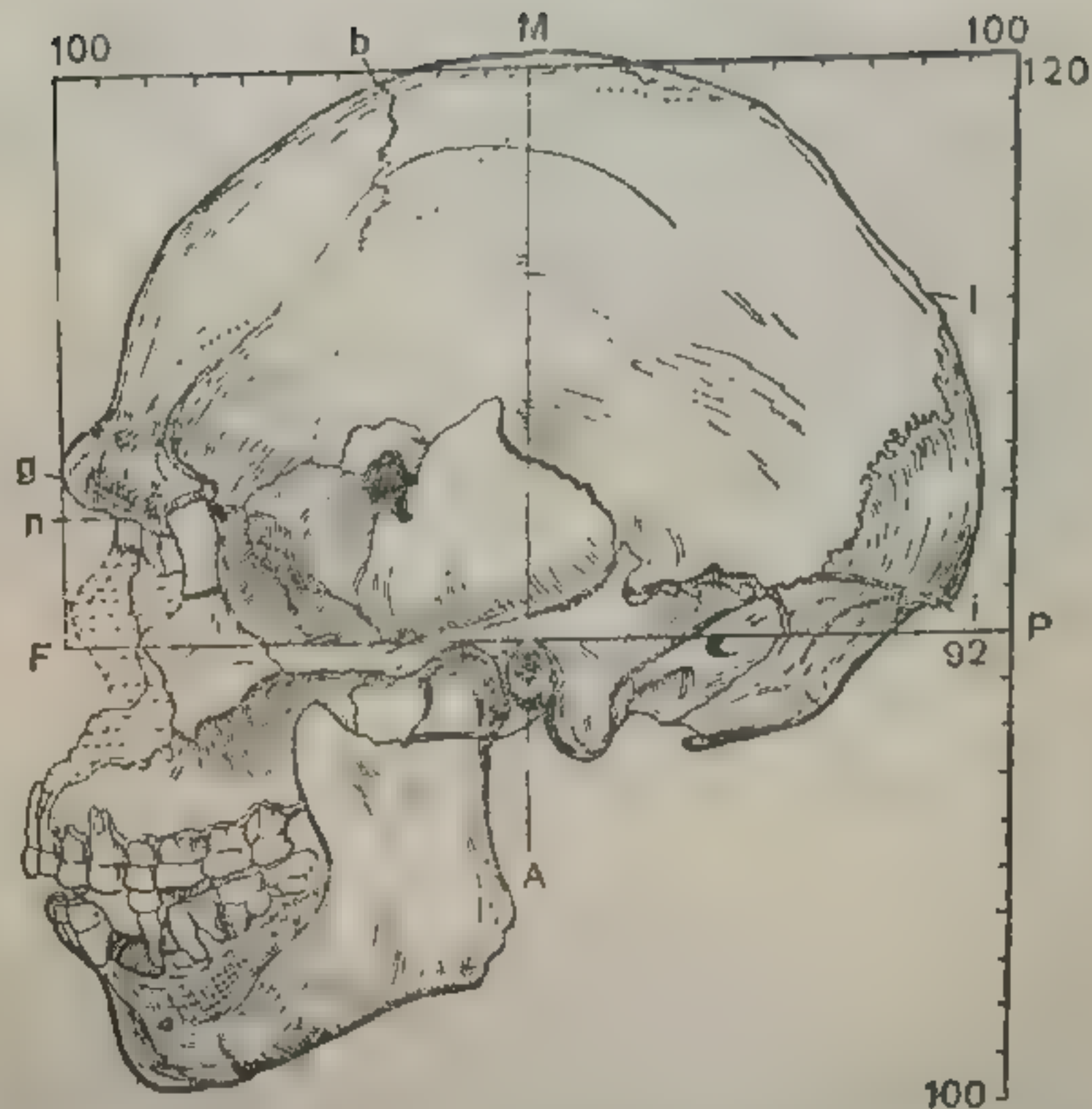
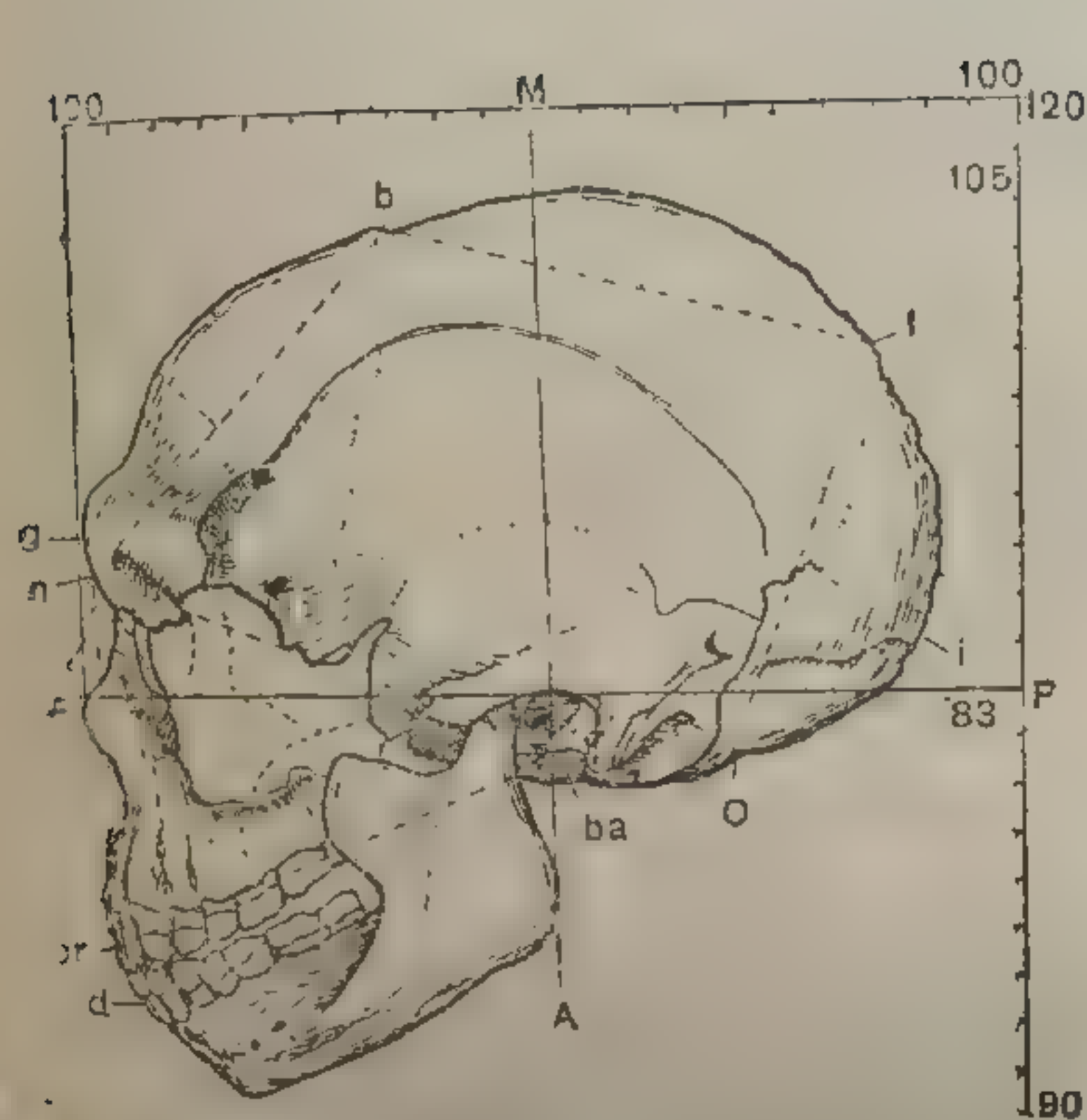

Рис. 36. Черепа неандертальцев из пещер Табун (слева) и Схул (справа).

ГР — франкфуртская антропометрическая горизонталь; МА — линия, проходящая через верхнеушную точку; n — носовая точка — назийон; g — передняя лобная точка — глабелла; b — точка на пересечении поперечного лобного (венечного) и продольного теменного (сагиттального) швов — брегма; l — точка на пересечении сагиттального и поперечного затылочного (ламбдовидного) швов — ламбда; i — точка на нижнезаднем крае затылочного поперечного валика — иннион; цифры указывают миллиметры.

Рис. 103. Группа детей-наркоманов в учреждении для беспризорных.

нередкого злоупотребления ими, а быстро развивающееся привыкание ведет к тяжелой картине наркомании, более или менее одинаковой.

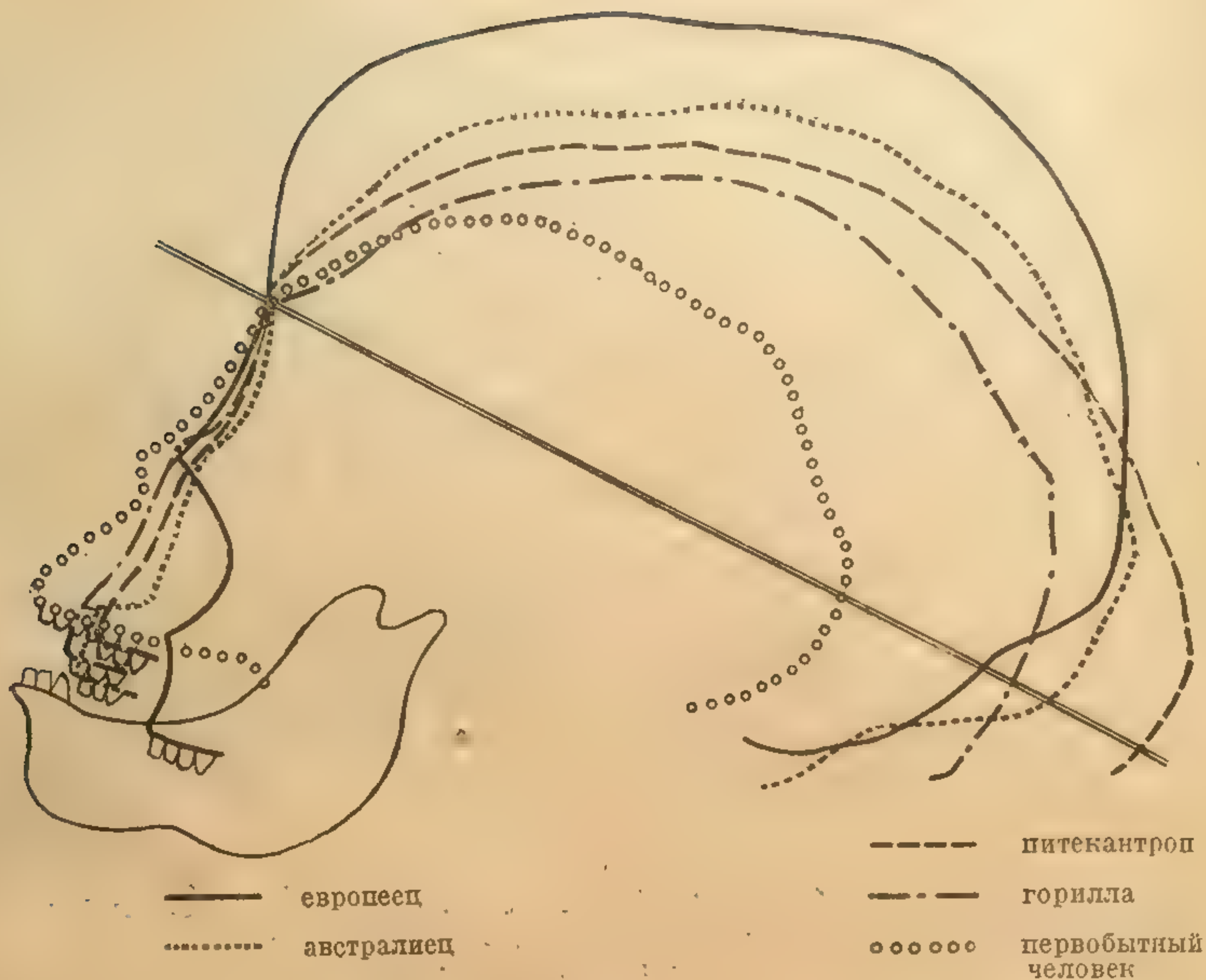
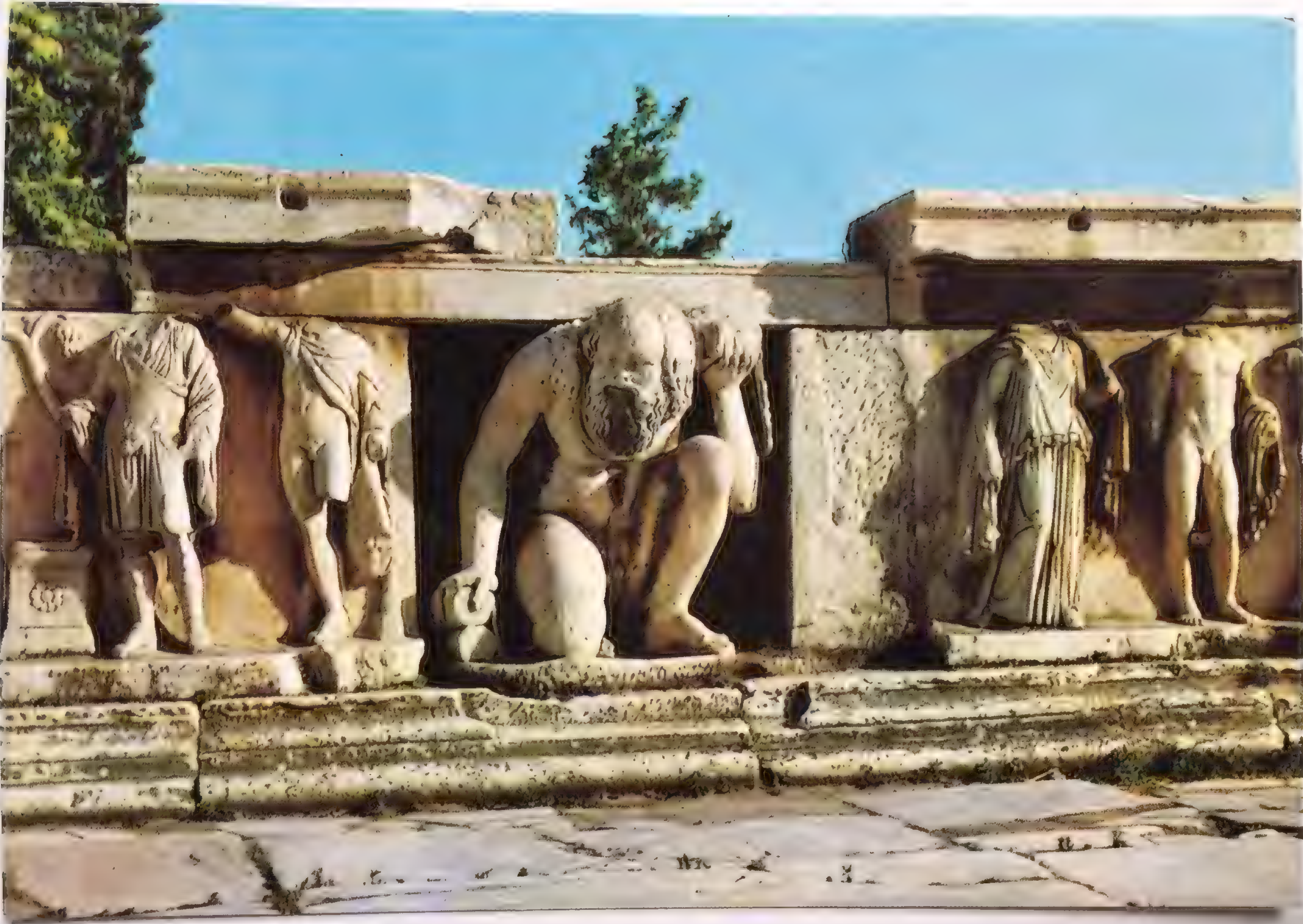

Рис. 18. Различные степени прогнатизма у обезьяны и человека.

Рис. 19. Неправильное, частью несимметричное строение черепа и лица у олигофренов; оттопыренная ушная раковина у мальчика справа.

ботает. Отец умер от перитонита.

енности. От

я мальчик,

я в техни-

ой беремен-

ременности

ния токсиче-

ременности

жили в ро-

. Девочка

чала и хо-

протекало

держать с

ить — с 11

заболела.

мес.

перенесла

— токсиче-

больнице

нку.

х яслях и

то девочка

т сверстни-

астические

ка худая.

ких измене-

приглушен

е развитие

гка гидро-

я сеть на

ся легкая

асимметрия

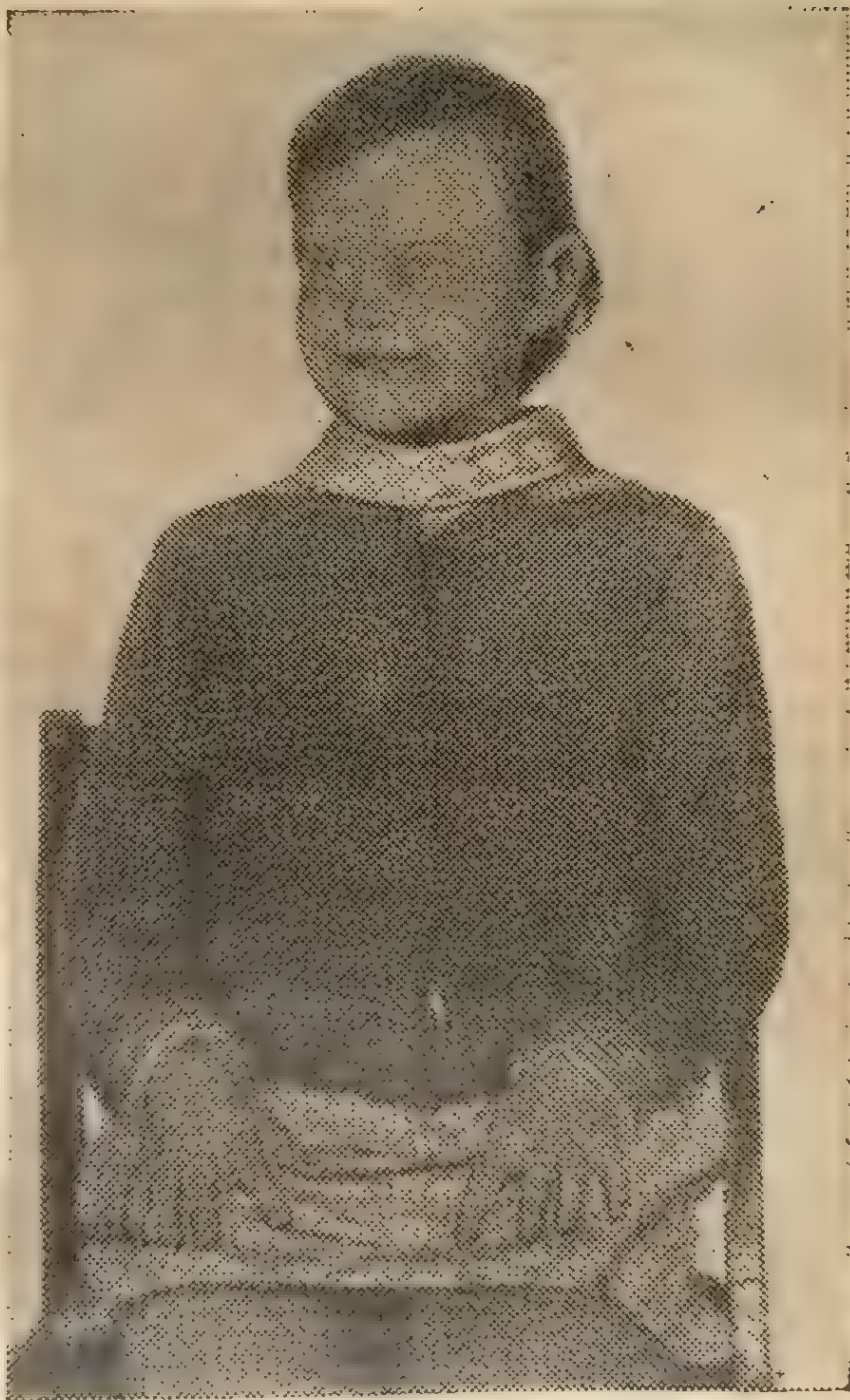

Рис. 4. Ученица вспомогательной школы. Олигофрения (дебильность).

на носогубной складки. На

нности.
ности у
токси-
Роды
Сережа
го при-
плохо-
взял

6 мес.,
алась с
вились
годам;
но.
к пере-
с тем,
ть дней
ольном
свинку,
ые за-
д с 2,5

пошел
й учи-
вается,
успешн.

коли-
звания
авляет
ить их
и не-
т мно-

вы пропускает их или представляет. Интересы

Рис. 5. Ученик вспомогательной школы. Олигофрения (дебильность).

ажены не резко; нет четкой дифференциации микрогирия).

ание мозга микроцефалов показывающих клеток есть такие, которые на-

ального

ушения

коры,

лемен-

отхо-

ые во-

и миэ-

есарев,

колеб-

ак, на-

Мотея,

ожеев-

юдав-

сакова

овании

ет, что

цефала

мозга нормального новорожден-

фалии, как отмечают многие ав-

е наблюдается церебропатическая

Рис. 6. Микроцефалия.

ой степенью поражения интел-
дильность) после длительного
вырабо-

ужива-
елах их
, пись-
ся вы-

ижена
запас
прими-

й

жало,
в физи-

Отец,
сведе-

Рис. 7. Микроцефалия.

ние ко

было 6 беременностей. От первой,
родились здоровые, умственно пол-
кончилась выкидышем, причина ко-

и беременности закончились выкидышами
четвертая беременность были прерваны
от шестой беременности.

матери было 35, а отцу 36 лет. Отец
беременность протекала нормально. На

несла ви-
ном доме.
на третьи

держать
ло года;
одить на-
оявились
5-летнего

нку, эпи-
их. Были
х путей.

несколько
со сторо-
сердца,
фальный,
с. Косой
щие уши.
ми. Зубы
ногах ко-
пы. Рас-
цами на ногах увеличено.

Рис. 8. Болезнь Дауна.

графиков на свет удовлетворительная

возрасту. Питание удовлетворительное.
Череп увеличен (55 см). Отдельные
конечно-
ва грубые
лева так-

с гидро-
ны. Лицо
ая склад-
нии укло-

тевом су-
ожильные
стоянный
с Бабин-
нерезкий
грубо не
лись эпи-

на вопро-
оизносит
с ограни-

вала чай-
редъявле-
медведя,
му». Вол-
ошей.

влений о числе нет Арифметических

Рис. 9. Синдром Штур-
ге — Вебера — Краббе
(ангиоматозная форма
олигофрении).

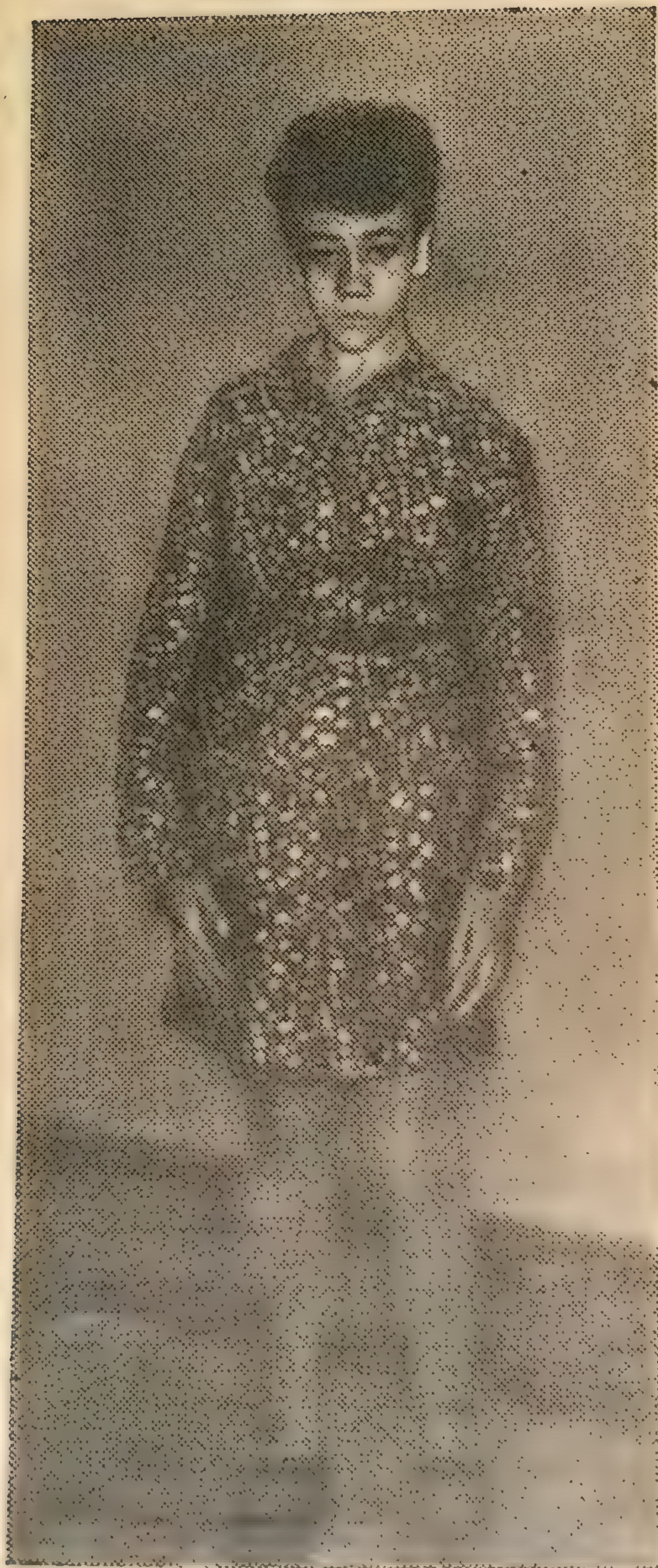

Рис. 10. Дизостозическая форма
олигофрении.

Перенесла (в
2 мес.); диспепсия
воспаление легких
II степени. Долго
желом состоянии

С 2 лет наб
хоневролога. Де
В₁, В₂, С, Р, глю
сином.

Физическое

Рост соответ
жение диспласти
ван; грудная кле
ласти 5—12 груд
длинные, узкие.
чистые. Сердце
при пальпации

Состояние не

Глазные ш
округлой формы
живая. Движени
объеме; конверг
и зрение сниж
Язык при высов
Речь с носовым
ограничен справ
оживлены; спра
Бабинского. Пох
на координацию

Психическое

Девочка лег
просы осмысля
повторения. При
ся новым людям
тельно беспокой
хватает со стола
ния на врача. В
играть. Внимани
Высшие психиче

хрусталике и др.). Болезненный процесс м

Рис. 11. Врожденный токсоплазмоз.

подострой ф
развитие де
задержкой. Д
Иногда набл
психомоторн

Токсопла
ной олигофр
и других на

Характер
вание очаго
местах расп
При рентге
ваются обра
фикаты (в м
паразита).

Пример

Лена М., 1
Жалобы на
тие ребенка.

Анамнез

Мать, 34 л
Мать прошла
воду токсоплаз

Патологиче
обеим линиям с

У матери 6
Во время втор
были самопрои
и 3,5 месяца).
менности были
абортами. От
дились две дев
ва и нормальн
умерла. Обслед
ности.

Во время 6

жидкости (ликвора). При этом
случаях закрытия межжелудоч-

Рис. 12. Врожденная гидроцефалия.

жидкости
желудочка
очередно
репа.

У н
репа е
мягкие
нием
расход
ваться
репа у
году ж
фалией
более с

При
чение
после
скольк
Измен
форма

ные и лобные бугры, последни
ми Глаза широко расставле

3 мес., ходить —
ировал на появле-

ев мать стала от-
сильно выступают
ения в строении
стали обращать
зрасте 2 лет маль-
ерестал стремить-
Речь у мальчика
азы не было, были

ребенка консуль-
нице им. Соловь-
дился на стацио-
и диагностирован
в степени имбе-
цы посещал спе-
а затем сад.
ется, что маль-
чив, трудно при-

е отметили сни-
в это же время
гательное беспо-
огрессированием

ренес вирусный
рой, в 2 года —
ано три опера-
оночной грыжи.

формы — увели-
авлении, темен-
выпуклый, вы-
Нос седловид-
ют. Ушные ра-
убы неправиль-
ольшой. Волосы
роткая. Кисть

Рис. 13. Синдром Пфандлер —
Хурлера (гаргоилизм).

тологического симптома может б
гибают в состоянии эпилептичес
ния зависит от времени проявлени

Рис. 14. Болезнь Бурне-
вилля (туберозный скле-
роз).

П р

С е р е ж

Анамнез

Известно

четверо де

при рожден

психическом

специальным

I классе в

Перенес

Физиче

Телосл

цефальной

жаты. Вы

На лице а

обе его сто

разрастани

пигментиро

пигментиро

В области

В полости

ны — папил

Рис. 15. Работа в картонажной мастерской.

Рис. 16. Работа в слесарной мастерской

Рис. 17. Работа в металлоштамповочной мастерской.

Рис. 18. Работа в слесарной мастерской.

У Пещерных много болтающих приматов так много помоев в черепах что, без болтовни Пещерные как без воды - жить не могут!

ЛЮБОЕ (!) дело у Пещерных не обходиться и даже не начинается без БЕСКОНЕЧНО ДОЛГОЙ БОЛТОВНИ НЕ О ЧЁМ!

У Пещерных спаривание НЕПРЕМЕННО начинается и заканчивается «а поговорить?».

Посиделки за водкой НЕПРЕМЕННО происходит с «а поговорить?».

Нет ни минуты покоя у Пещерных, ВСЕГДА идёт поиск с кем бы «а поговорить?».

**Ярчайший пример - политики,
аферисты, мошенники.**

**Пещерные приматы достаточно разумны
чтобы ЗАПОМИНАТЬ разные СЛОВА и
ПРОСТО издают звуки в виде РЕЧИ.**

**Пещерные говорящие приматы давно
сообразили что слова ИМЕЮТ КАКОЙ ТО
СМЫСЛ и ЗНАЧЕНИЕ. Для КОГО ТО.**

ЗАПОМНИ !!

**Болтовня это ИНСТРУМЕНТ с помощью которого
ХИТРОЖОПОРЫЛЫЕ Пещерные болтающие
приматы ИЩУТ и НАХОДЯТ - Д Е Б И Л О В.**

**Речь - это тот самый инструмент, с помощью
которого СООБРАЗИТЕЛЬНЫЕ приматы ищут И
НАХОДЯТ слабоумных, которые ГОТОВЫ ИХ
СЛУШАТЬ И ВЕРИТЬ ПУСТЫМ СЛОВАМ.**

**С помощью речи лжецы и мошенники ищут И
НАХОДЯТ олигофренов, которые отдают лжецам
свои деньги, голосуют за лжецов, дебилки
соглашаются на секс с ЯВНЫМИ УРОДАМИ.**

МОЖНО ПО ЛИЦУ!

**У 9 из 10 «человеков» С ОДИНАКОВЫМИ И ОЧЕНЬ ПОХОЖИМИ
ЛИЦАМИ - будут ОДИНАКОВОЕ мышление, характер,
поведение и поступки. ДАЖЕ если это все СОВЕРШЕННО
ЧУЖИЕ ДРУГ ДРУГУ граждане!**

**КАЖДЫЙ (!) ВИД обезьян
ОТЛИЧАЮЩИЙСЯ от других обезьян это
- ДРУГОЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД!**

**ВСЕ «человеки» с РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ это
РАЗНЫЕ ВИДЫ «человека».**

**У 9 из 10 «человеков» с ОДИНАКОВЫМИ и ОЧЕНЬ
ПОХОЖИМИ лицами будут ОДИНАКОВЫЕ мышление,
ОДИНАКОВЫЙ характер, ОДИНАКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И
ПОСТУПКИ (!), ОДИНАКОВЫЙ голос и манера
разговора. ДАЖЕ у НЕ РОДСТВЕННИКОВ! Даже если
ОДИНАКОВЫЕ «человеки» РОДИЛИСЬ и ЖИВУТ в
РАЗНЫХ странах и ДАЖЕ НА РАЗНЫХ КОНТИНЕНТАХ!**

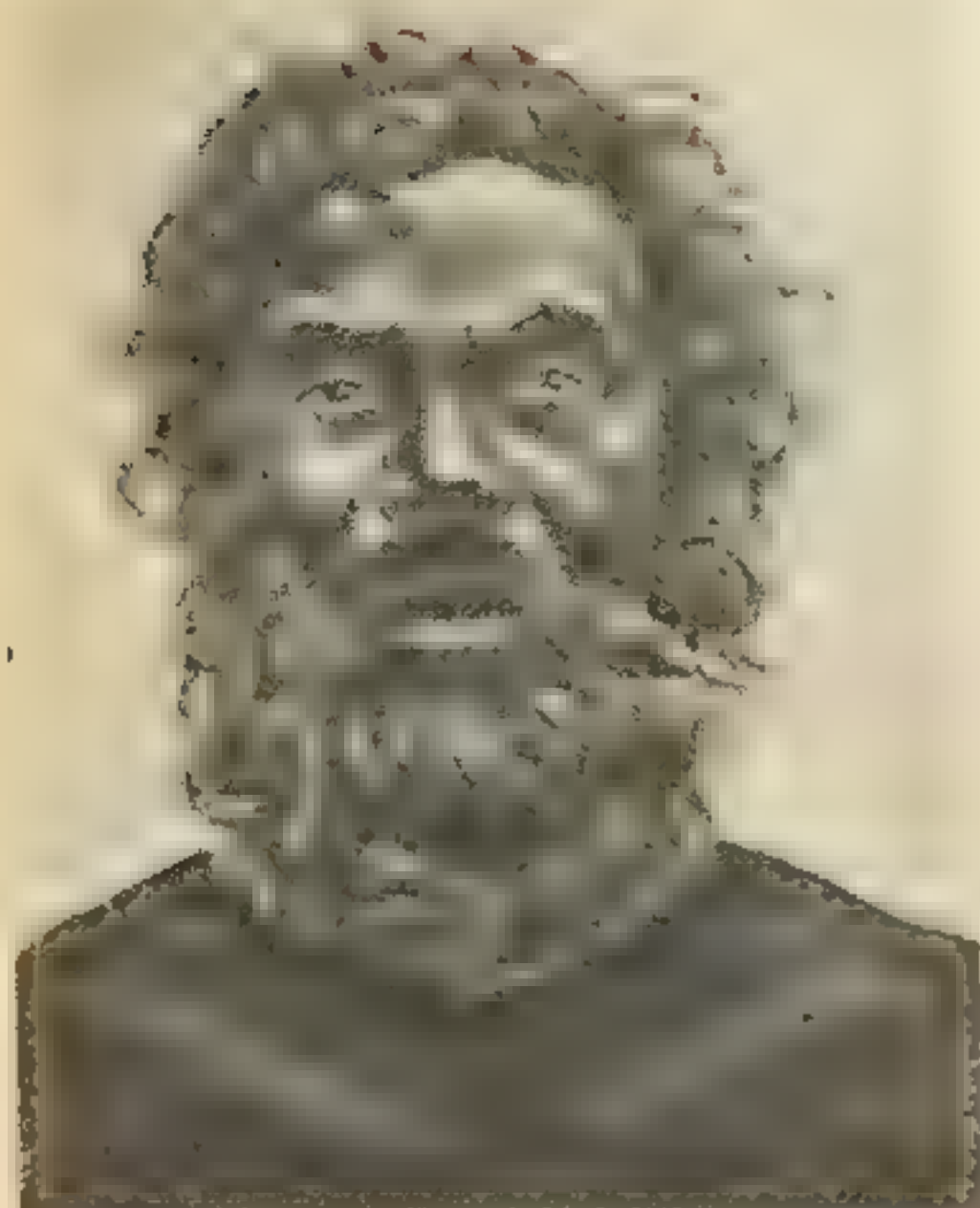
**Будь внимательней и замечай при общении
с приматами, А ЛУЧШЕ ЗАПИСЫВАЙ в
блокнот - У КОГО КАКОЙ ХАРАКТЕР.**

**Записи дополняй ФОТОГРАФИЕЙ того о
ком идёт описание характера.**

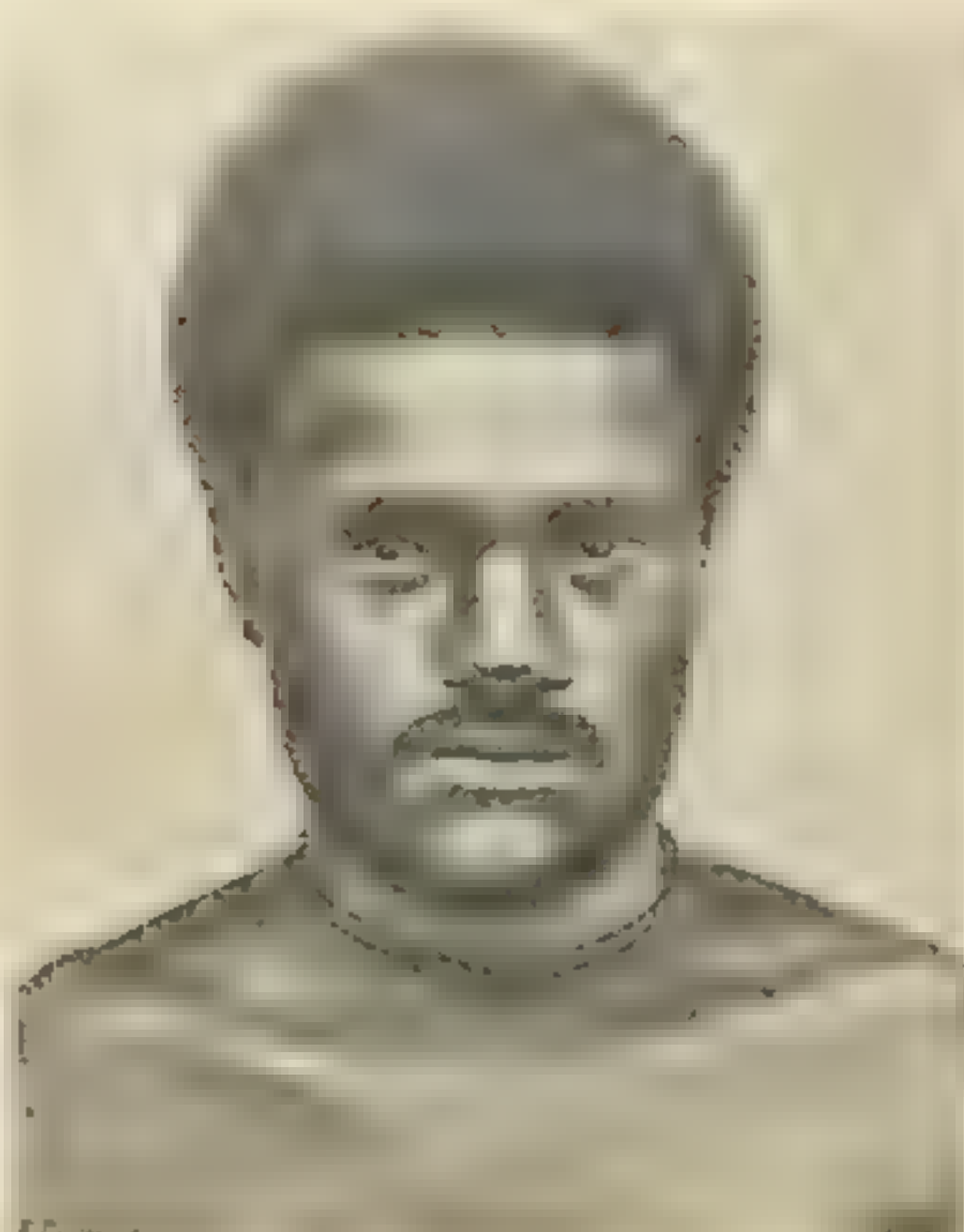
**Ты ОЧЕНЬ БЫСТРО обнаружишь что у
приматов С ОДИНАКОВОЙ ВНЕШНОСТЬ
будут ОДИНАКОВЫЕ характеры!**

**Даже у НЕ РОДСТВЕННИКОВ! Даже у
АБСОЛЮТНО ЧУЖИХ ДРУГ ДРУГУ
граждан!**

1. Австралийская раса.

2. Меланезийская раса.

3. Палуасская раса.

4. Полинезийская раса.

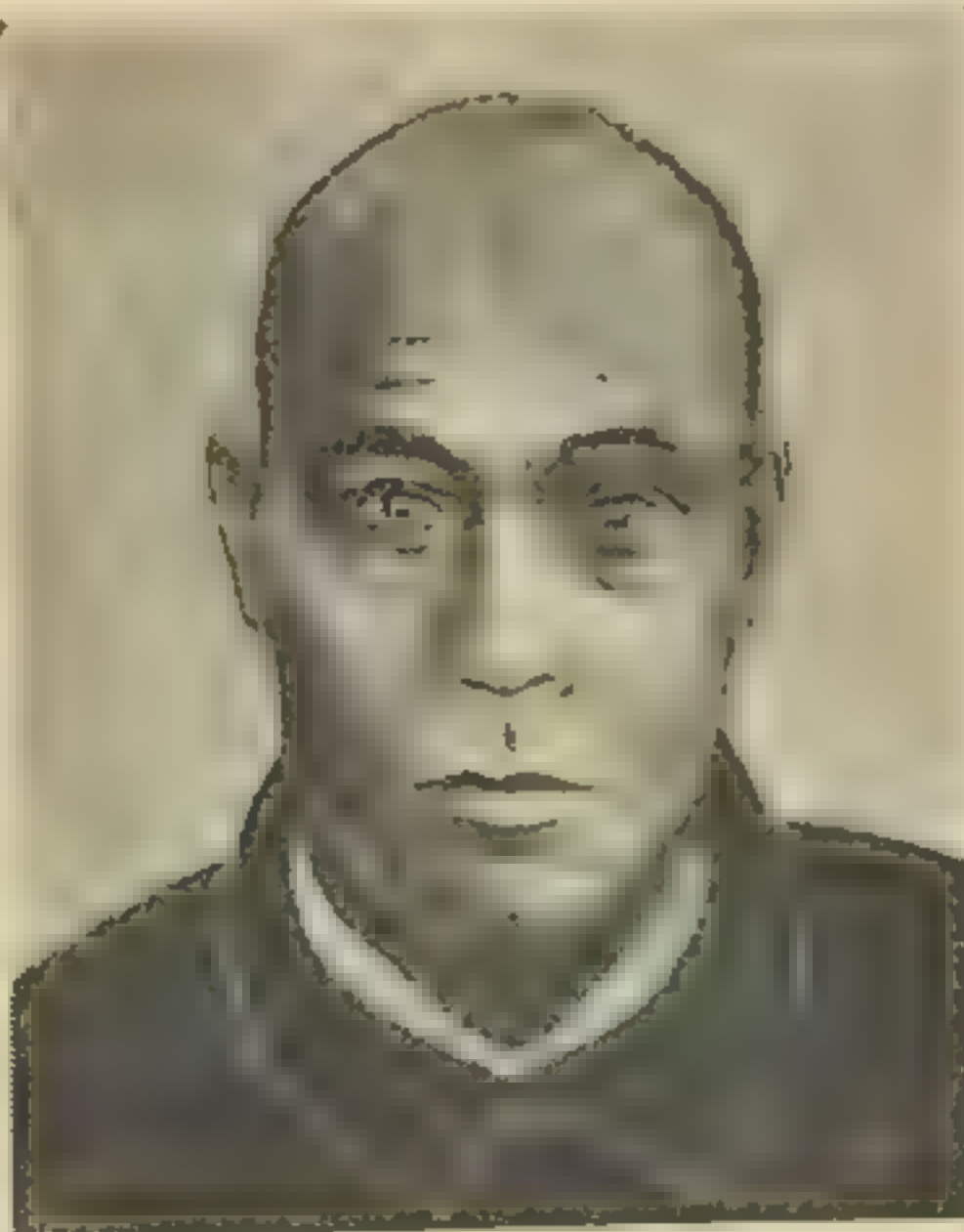
5. Южно-азиатская раса
(или южно-монгольская).

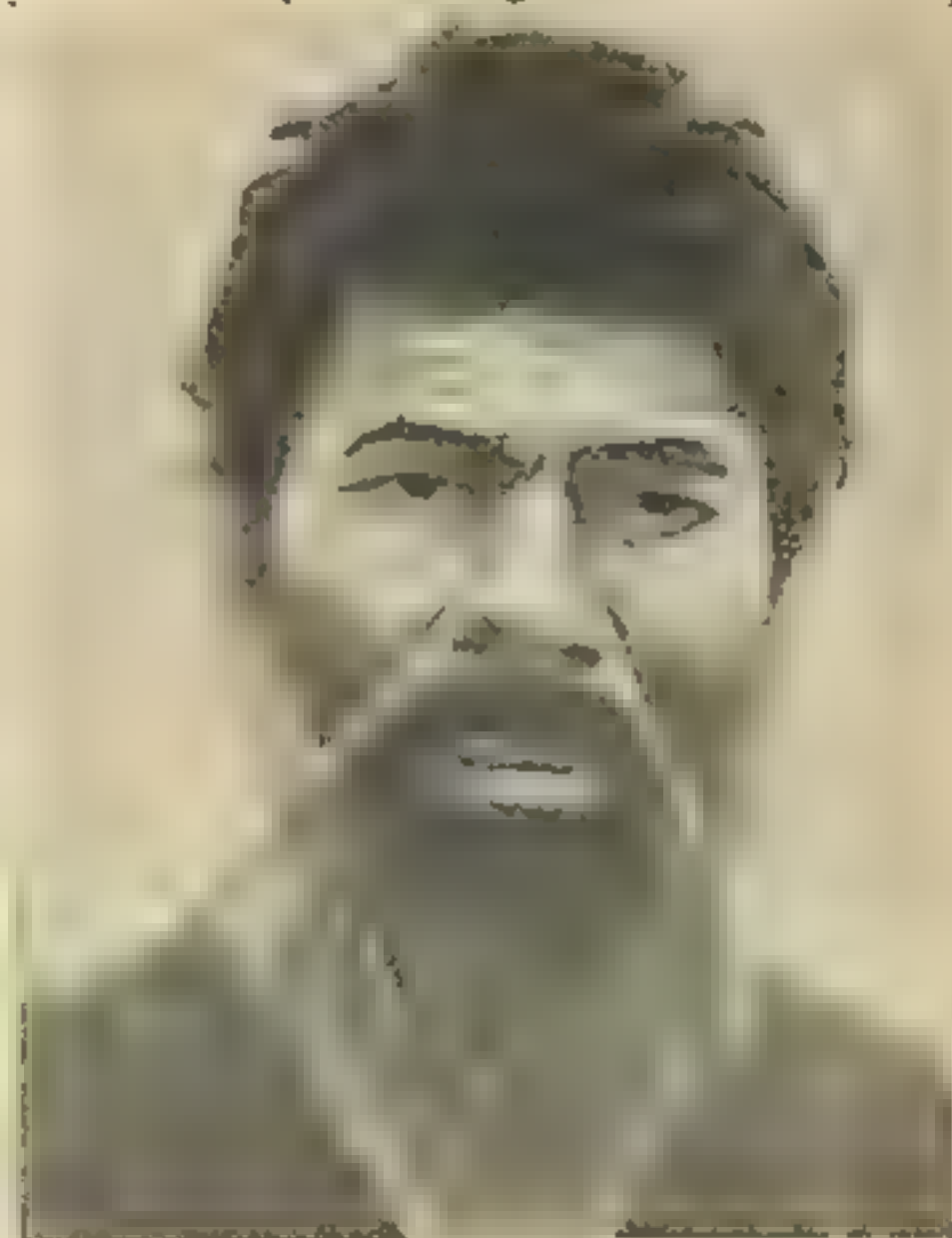
6. Веддо-индонезийская
раса.

7. Азиатская пигмеидная
раса.

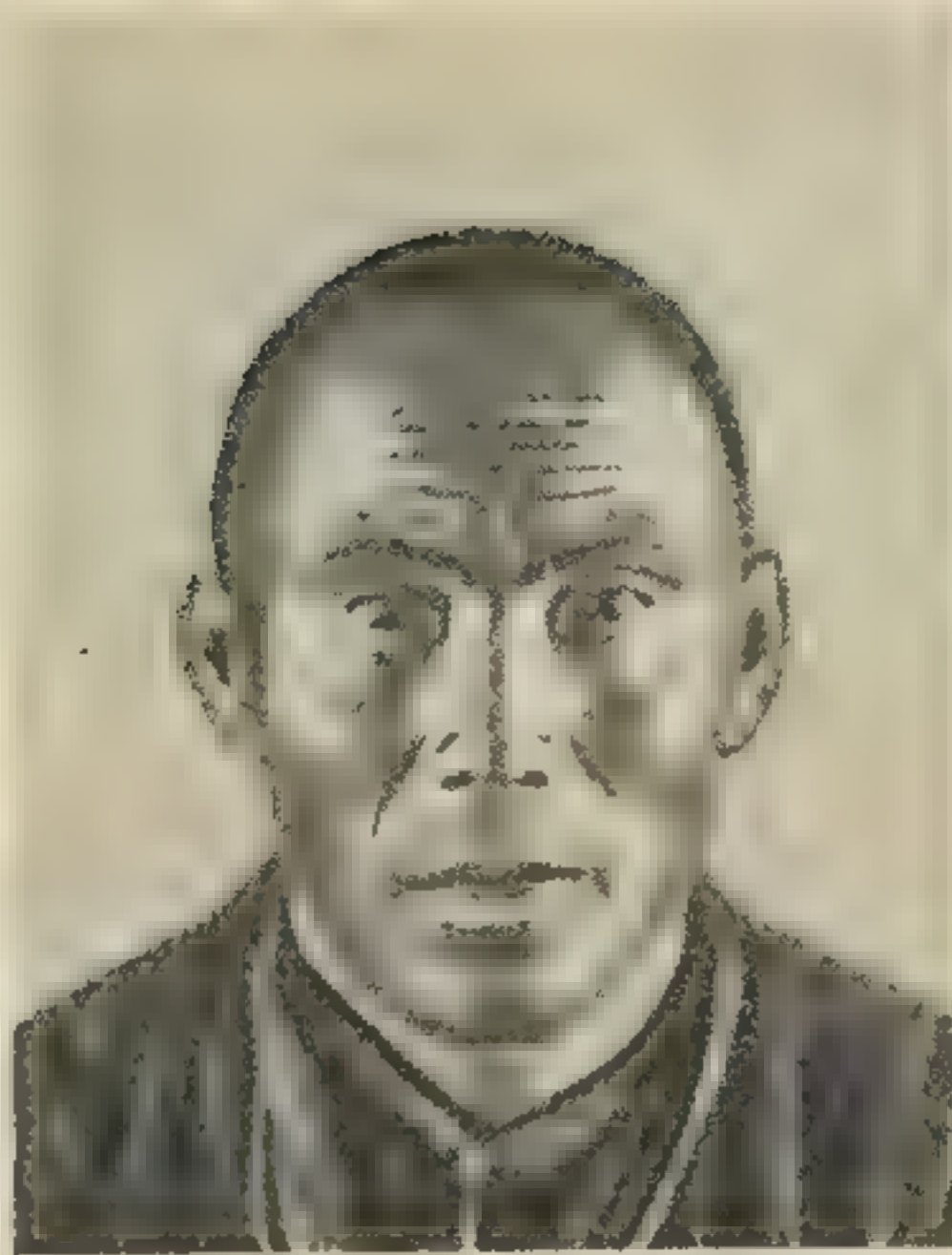

8. Северо-китайская раса.

9. Айнская раса.

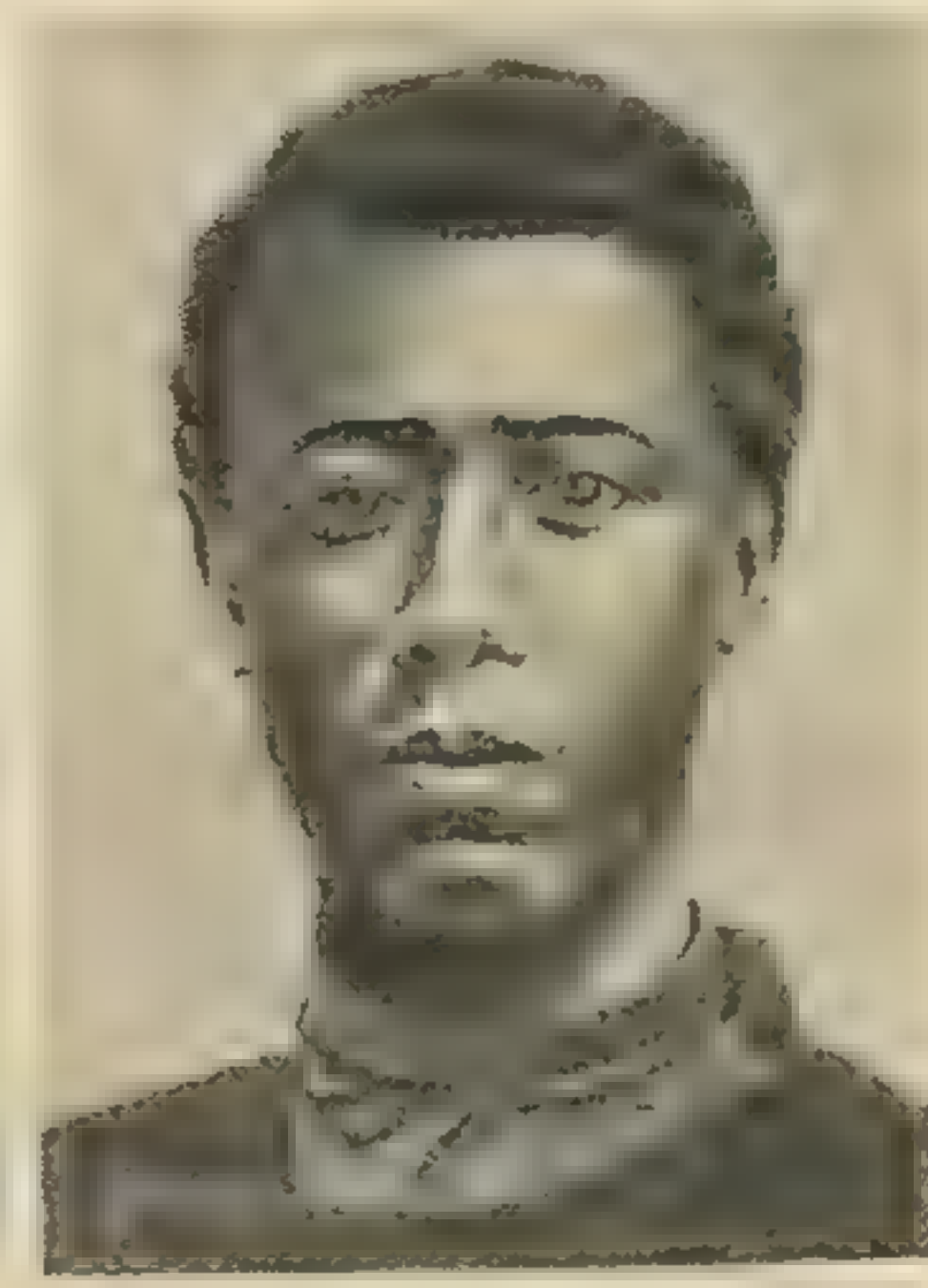

10. Маньчжурско-Корейская
раса.

11. Центральнo-азиатская
раса.

12. Средиземноморская раса
(в широком смысле).

13. Дравидская раса.

14. Арменойдная раса.

15. Эфиопская раса.

16. Негрская раса.

17. Африканская пигмеид-
ная раса.

18. Бушменская раса.

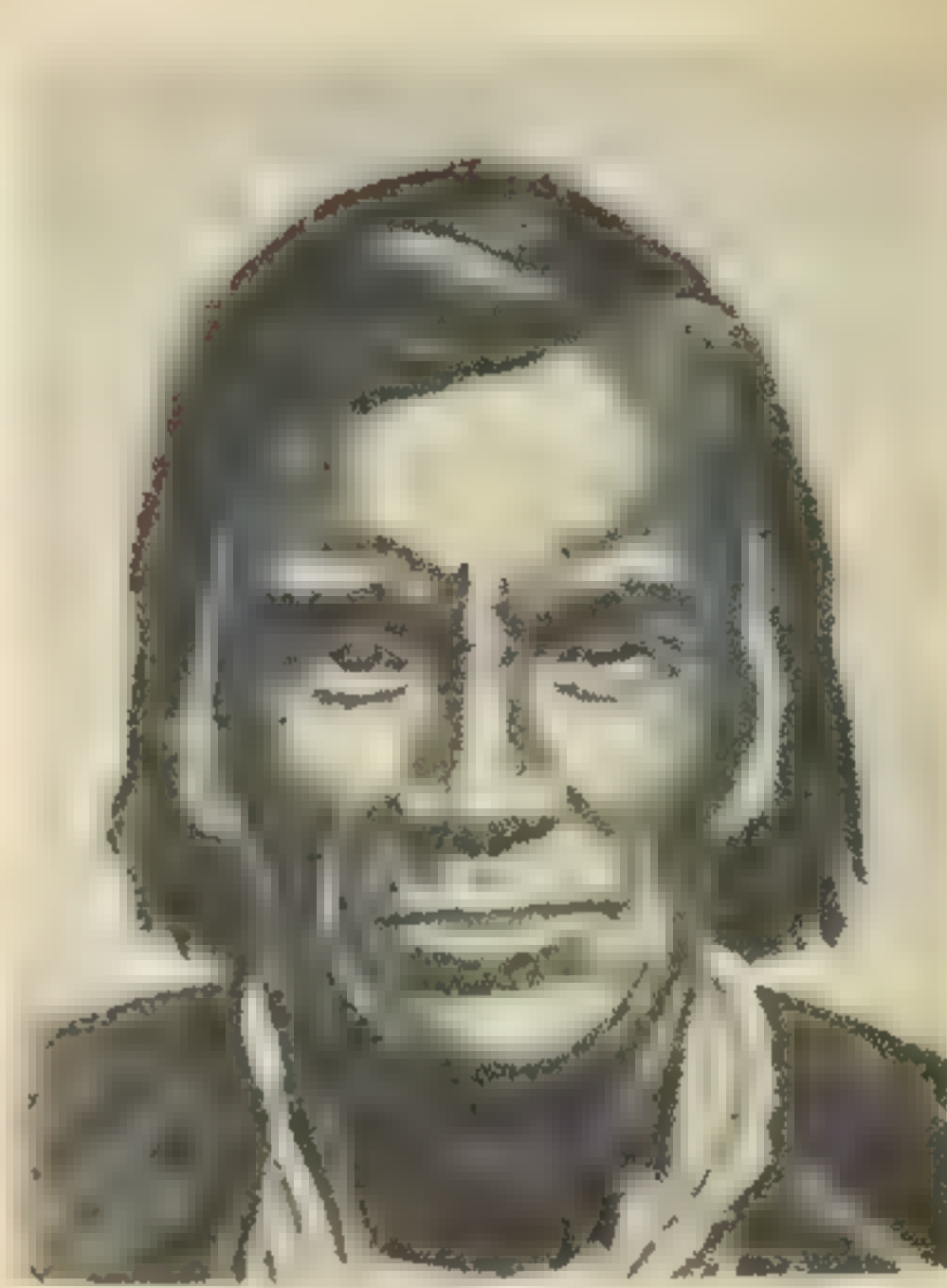

19. Эскимосская раса.

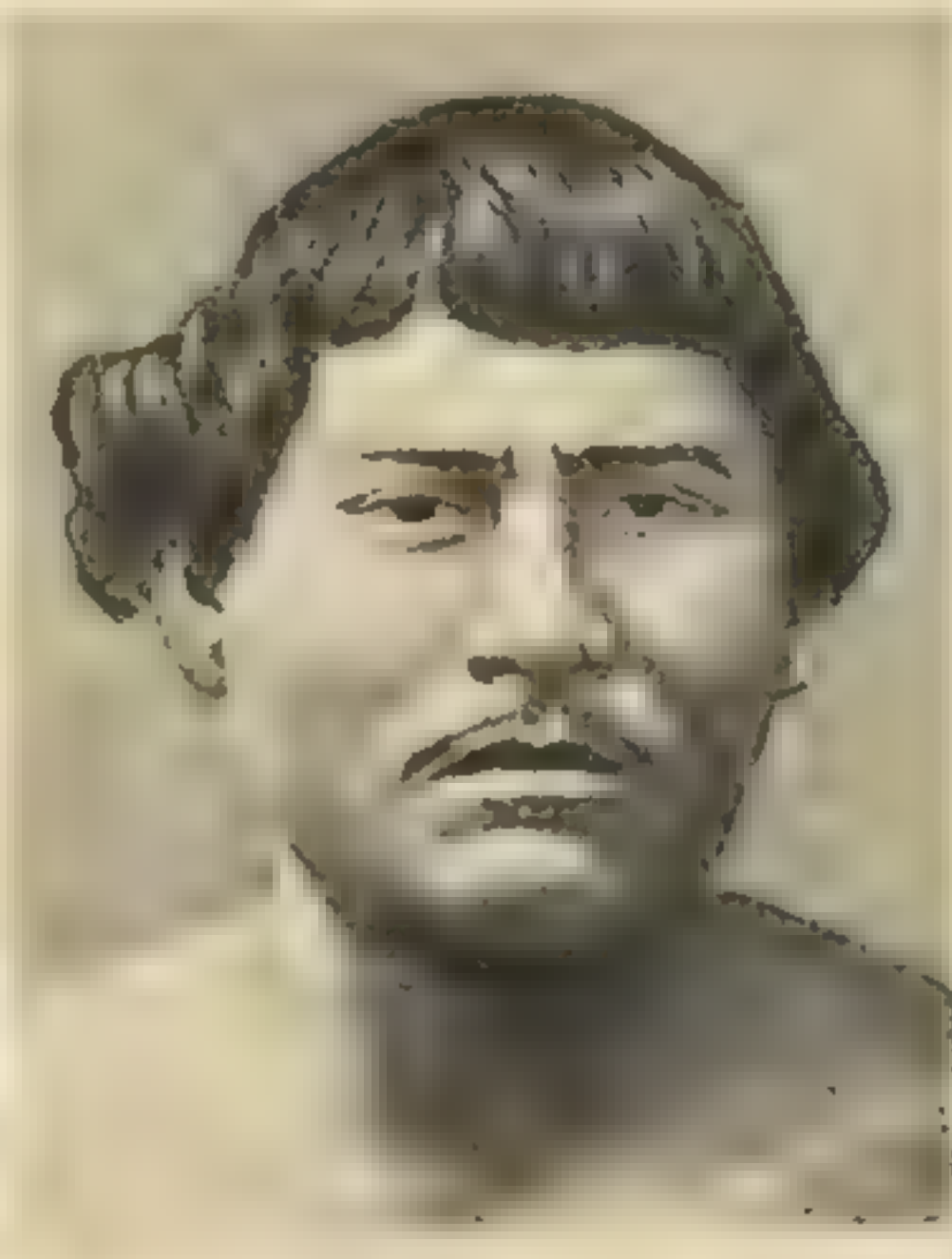
20. Атлантическая раса.

21. Тихоокеанская раса.

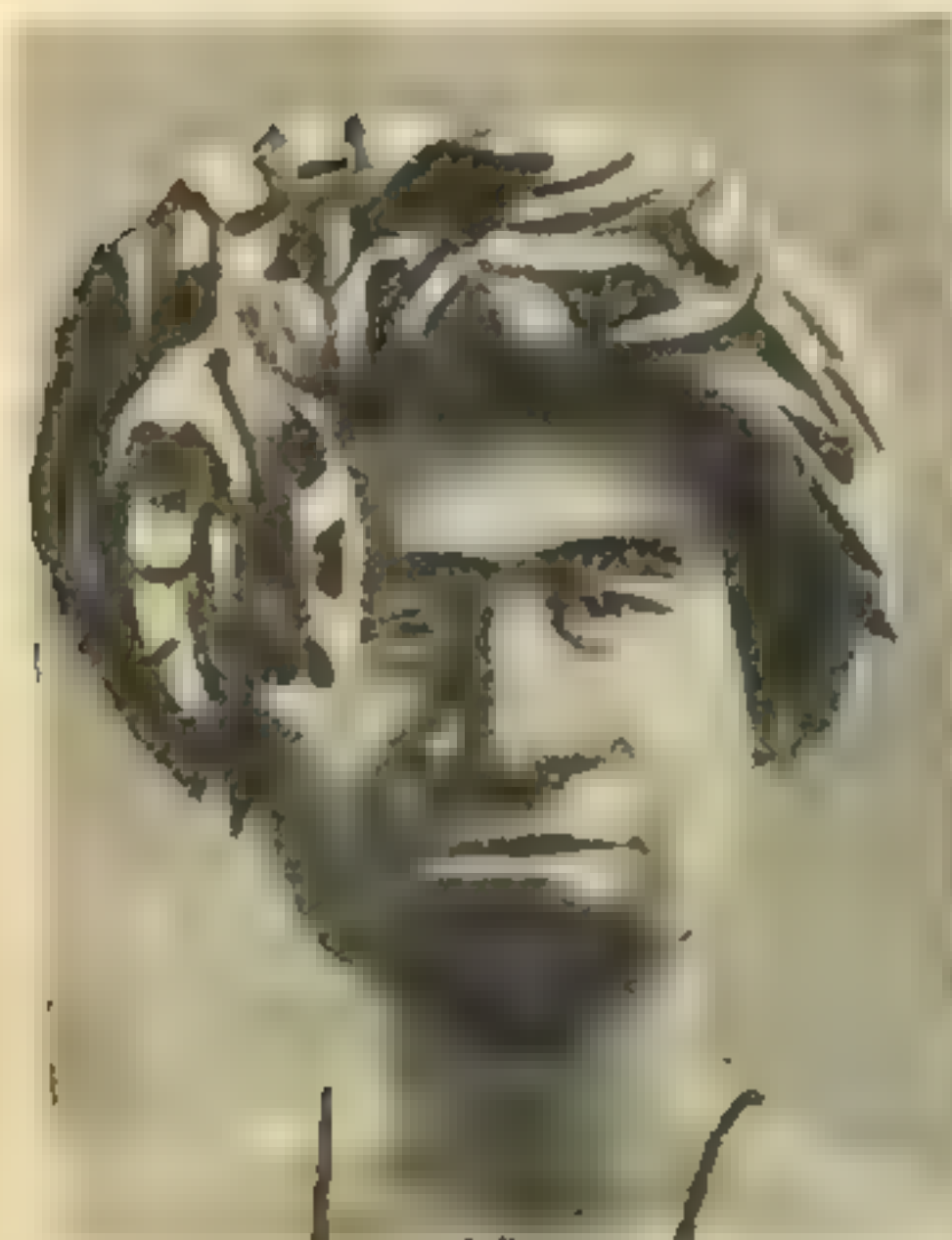
22. Средне-американская раса.

23. Патагонская раса.

24. Южно-американская раса.

25. Палеоамериканская раса.

26. Северная раса.

27. Альпийская раса.

28. Динарская раса.

29. Северо-кавказский
вариант
динарской расы.

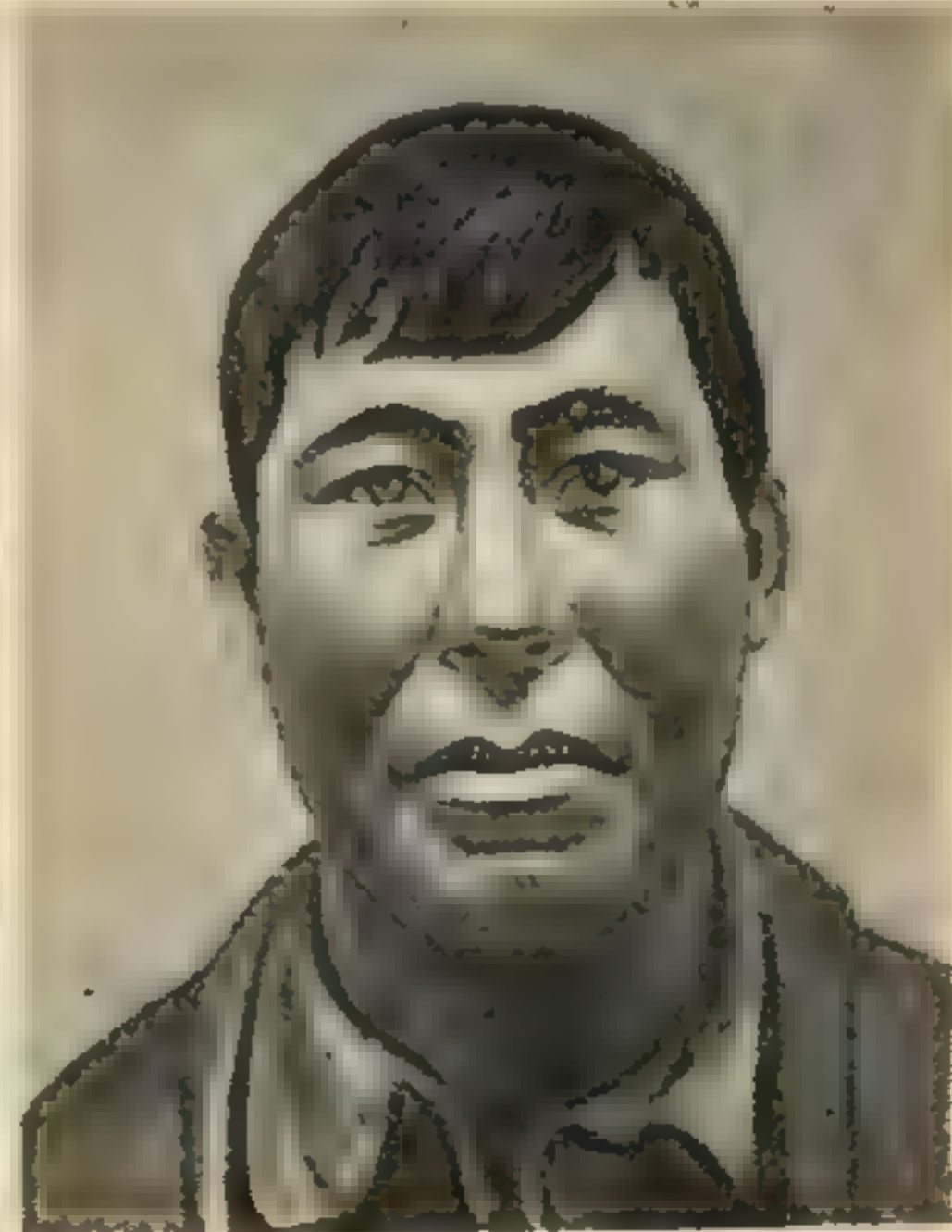
30. Балтийская раса.

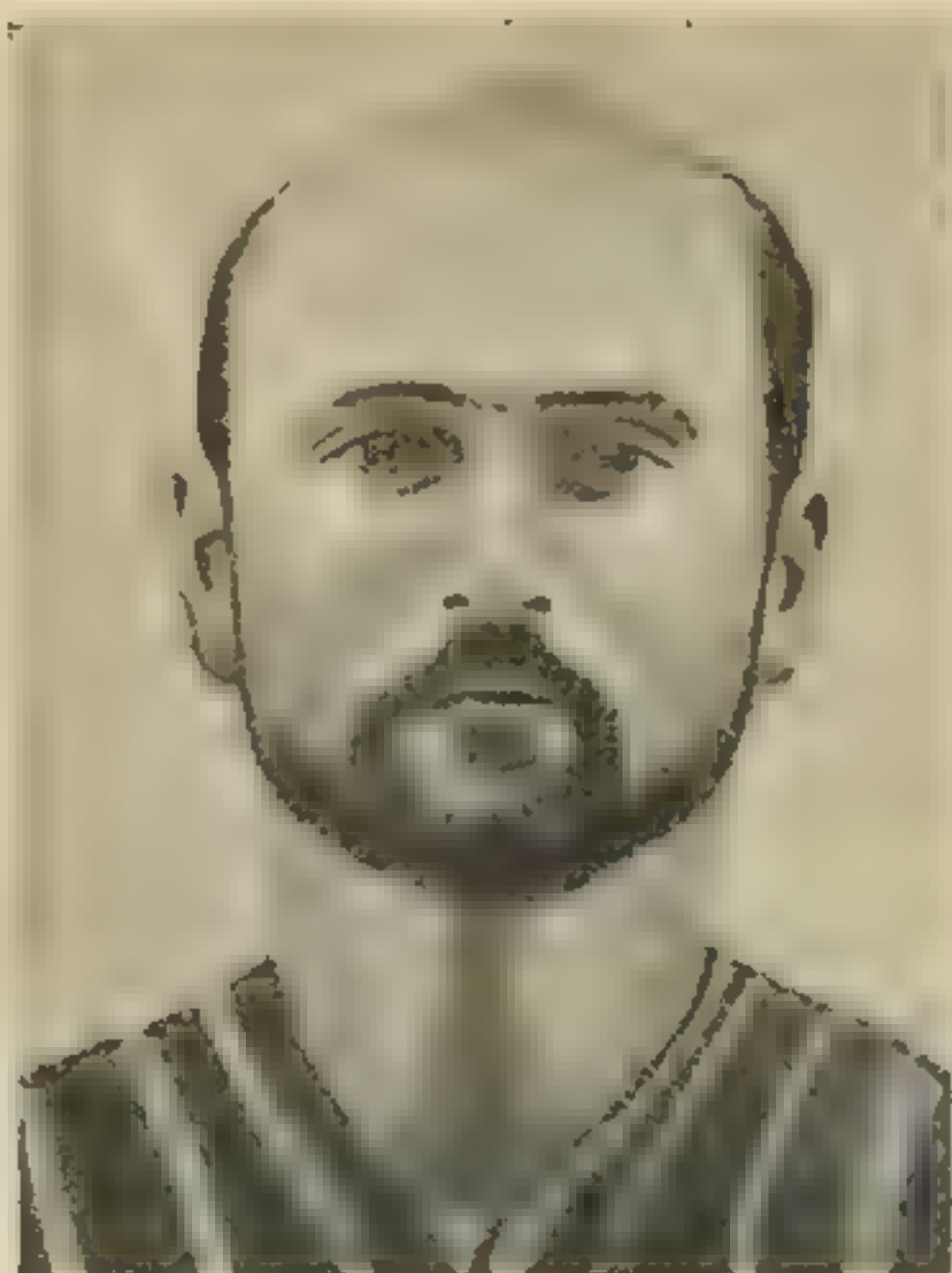
31. Лапоноидная раса.

32. Урало-Алтайская раса

33. Палеосибирская раса.

34. Памирская раса.

35. Южно-сибирская раса.

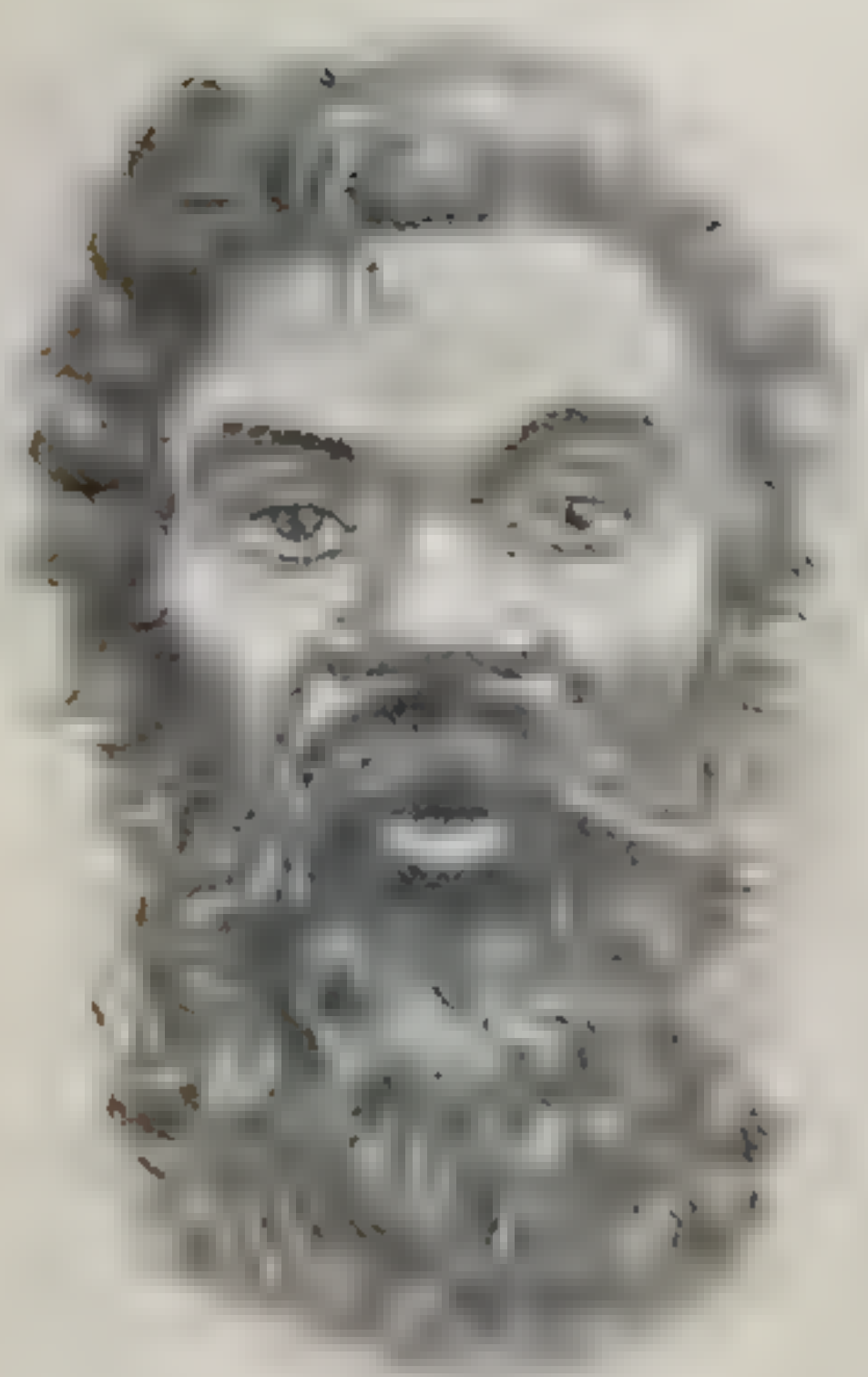

Рис. 1. Австралийский тип

Рис. 2. Веддоидный тип

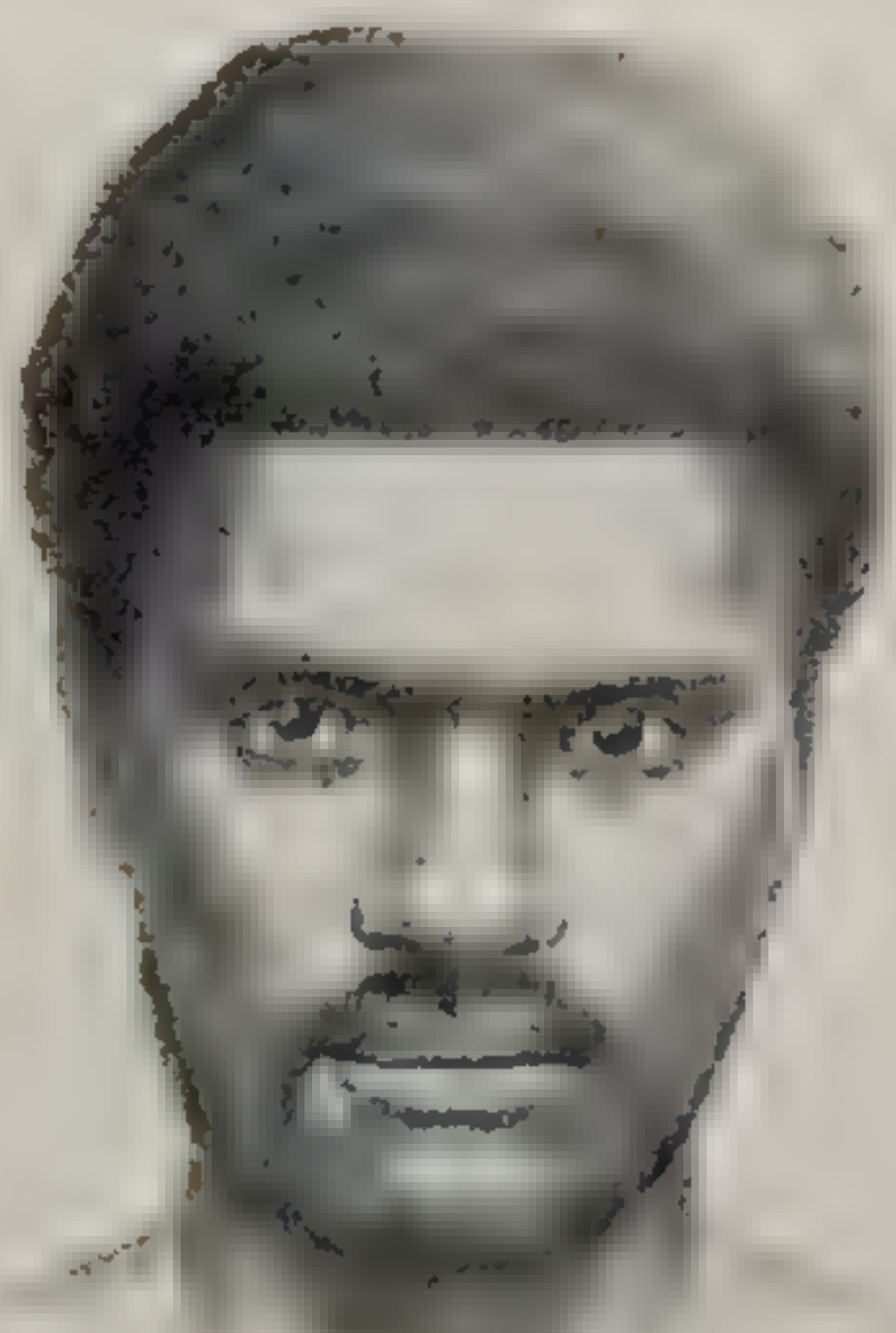

Рис. 3. Меланезийский тип

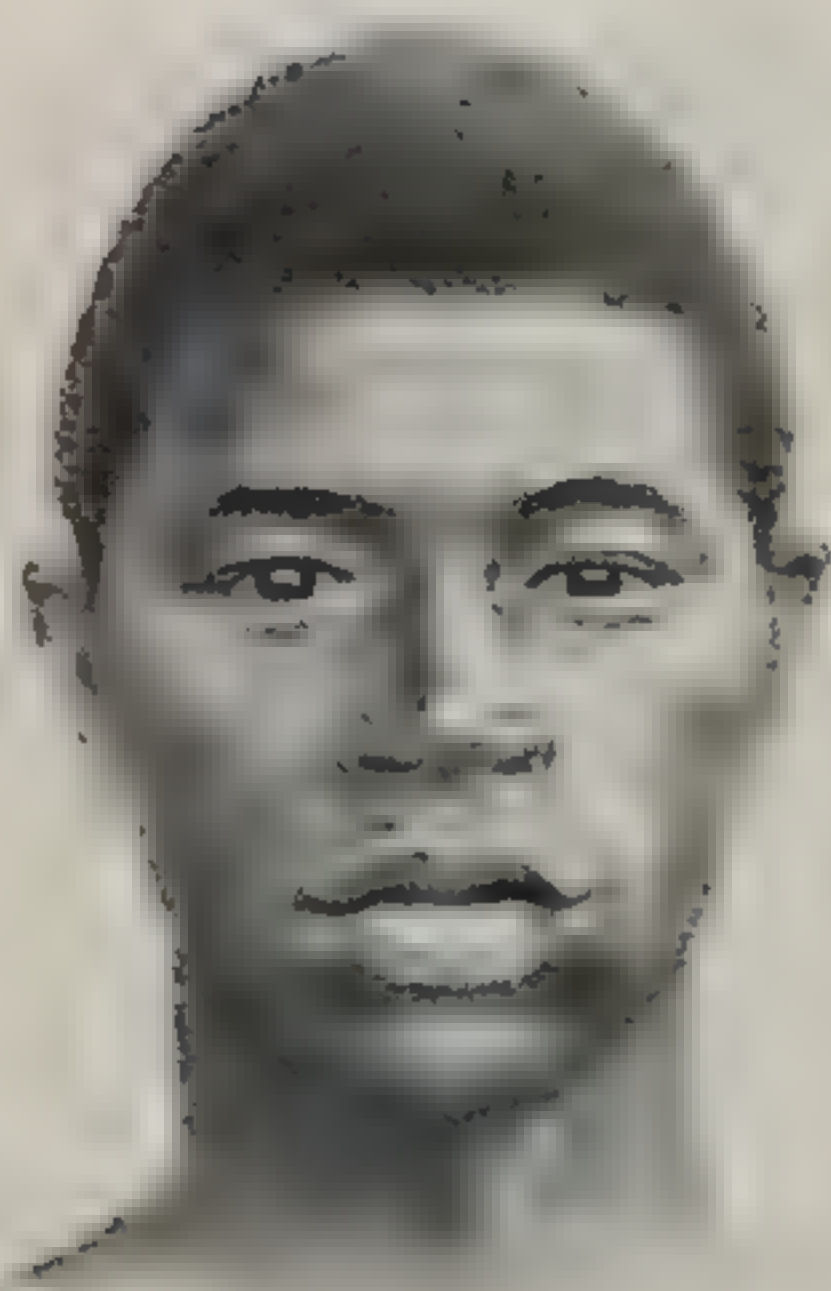

Рис. 4. Негрский тип

Рис. 5. Негрилльский тип

Рис. 6. Бушменский тип

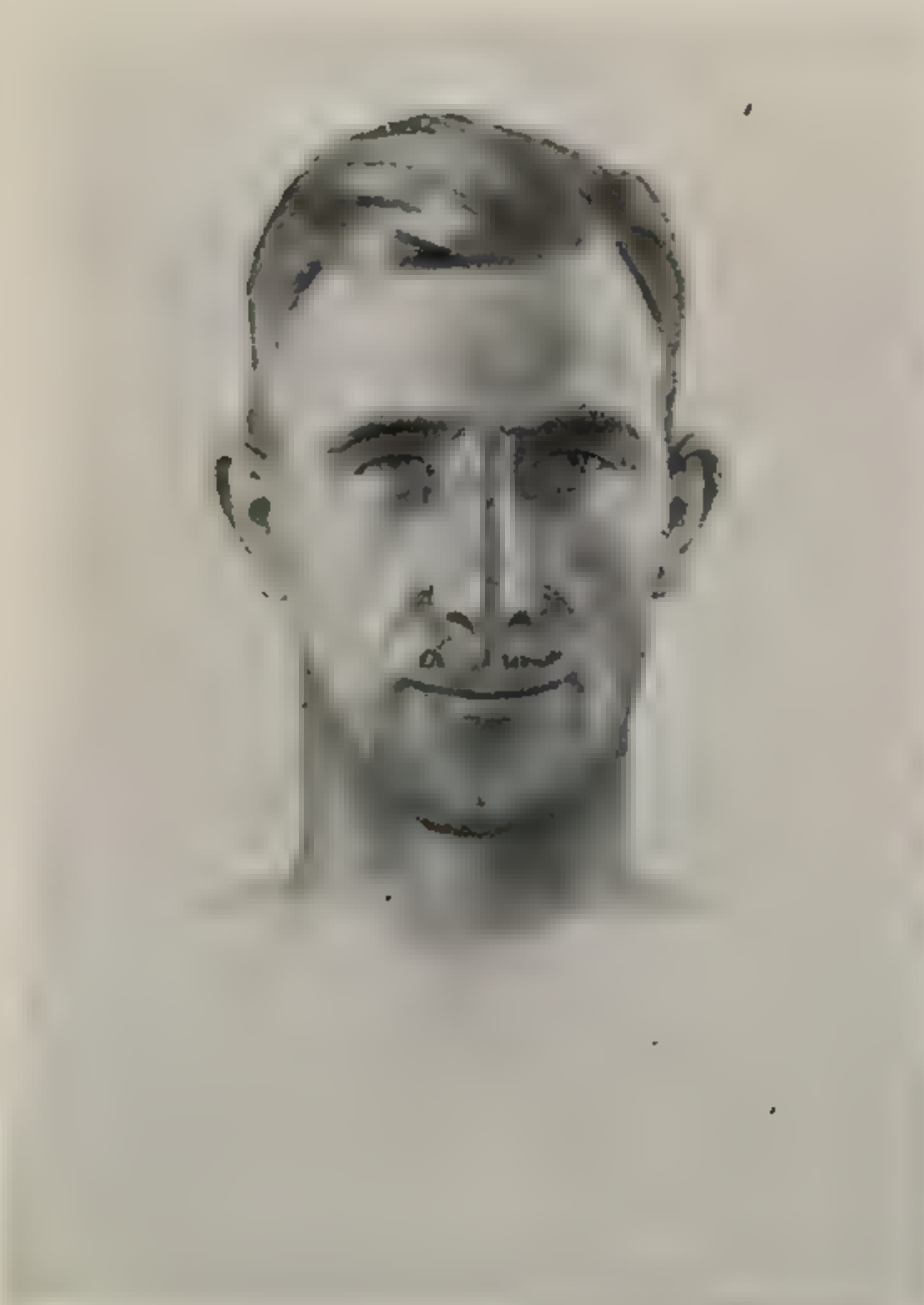

Рис. 7. Атланти-балтийский тип

Рис. 8. Среднеевропейский тип

Таблица III

Рис. 9. Индо-средиземноморский тип

Рис. 10. Балкано-кавказский тип

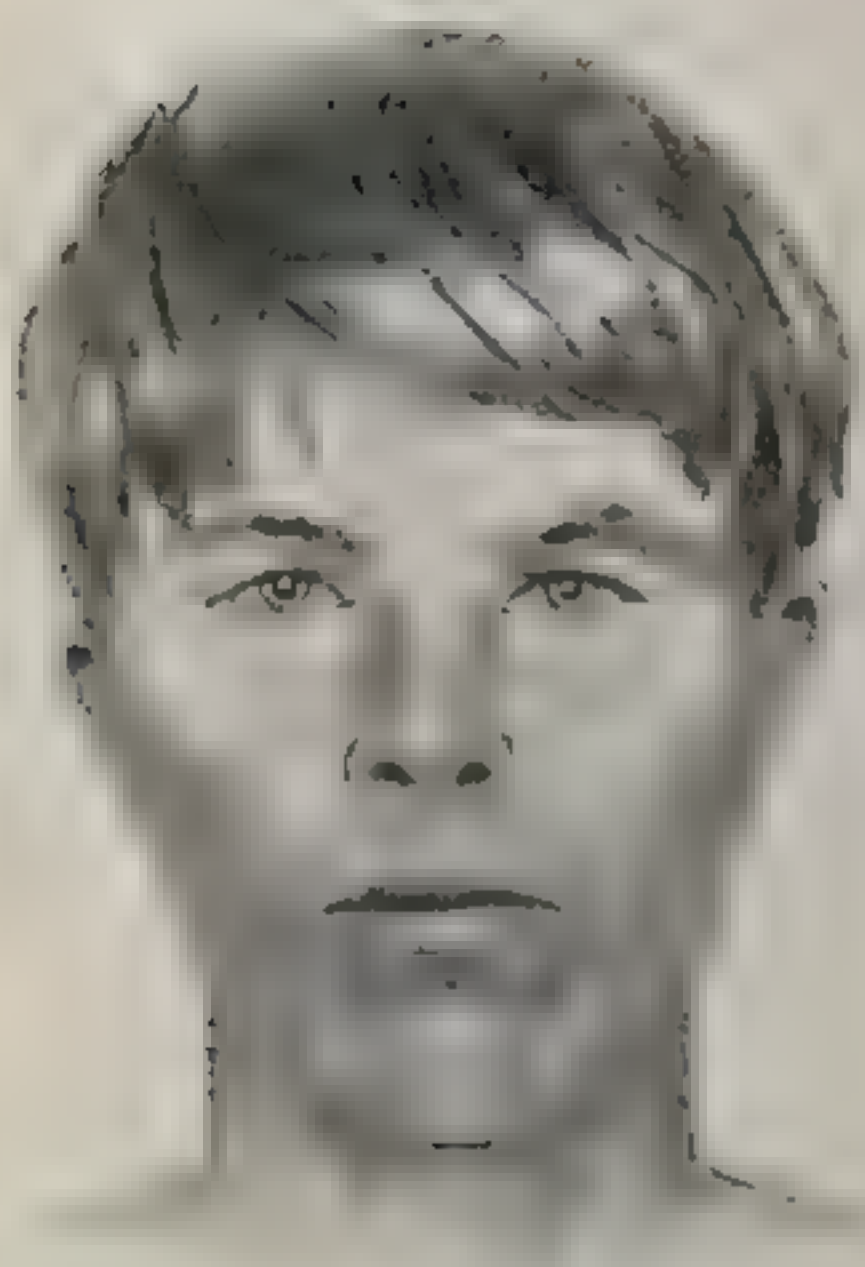

Рис. 11. Беломоробалтийский тип

Рис. 12. Северокавказский тип

Рис. 13. Арктический тип

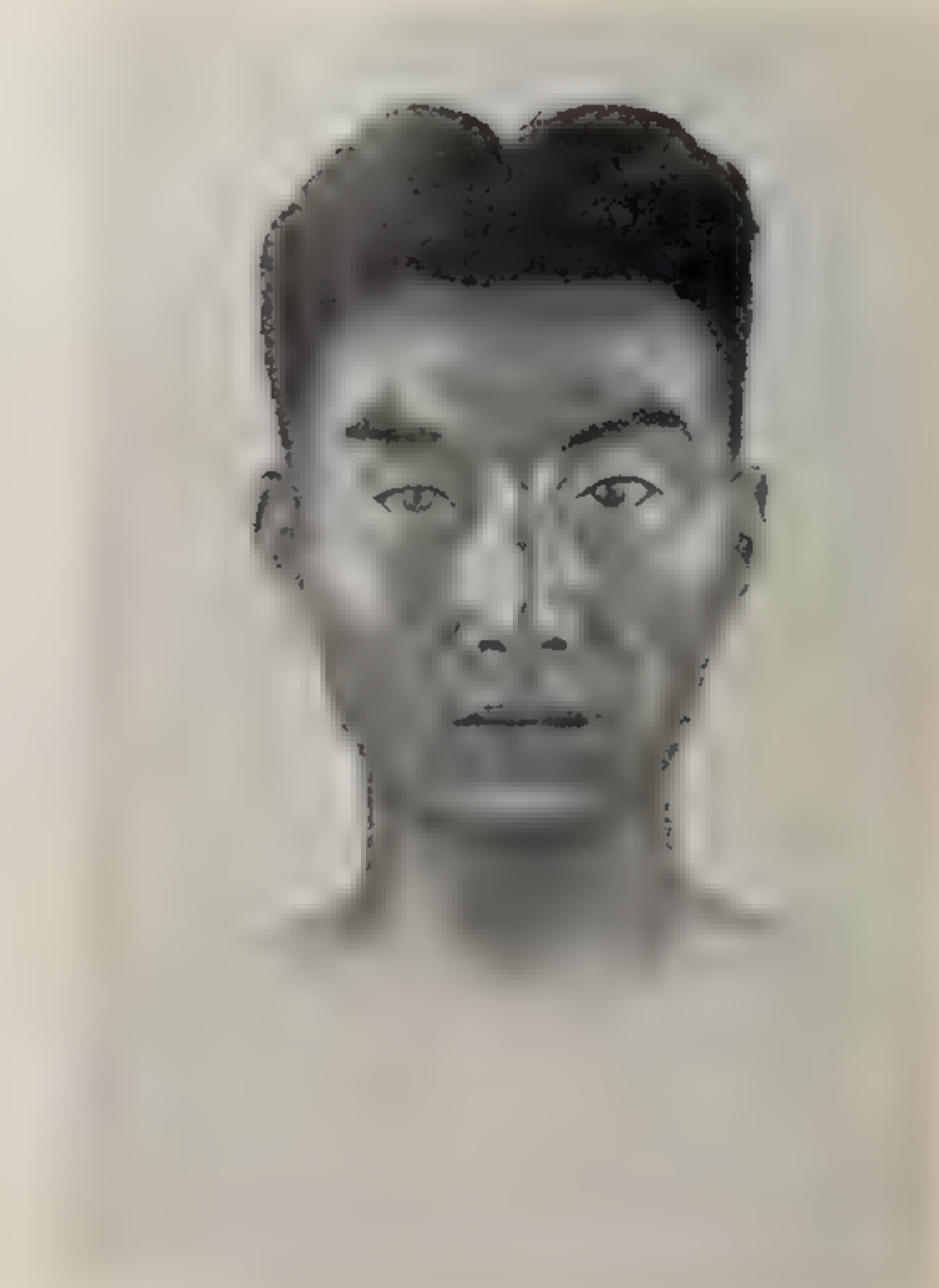

Рис. 14. Дальневосточный тип

Рис. 15. Южноазиатский тип

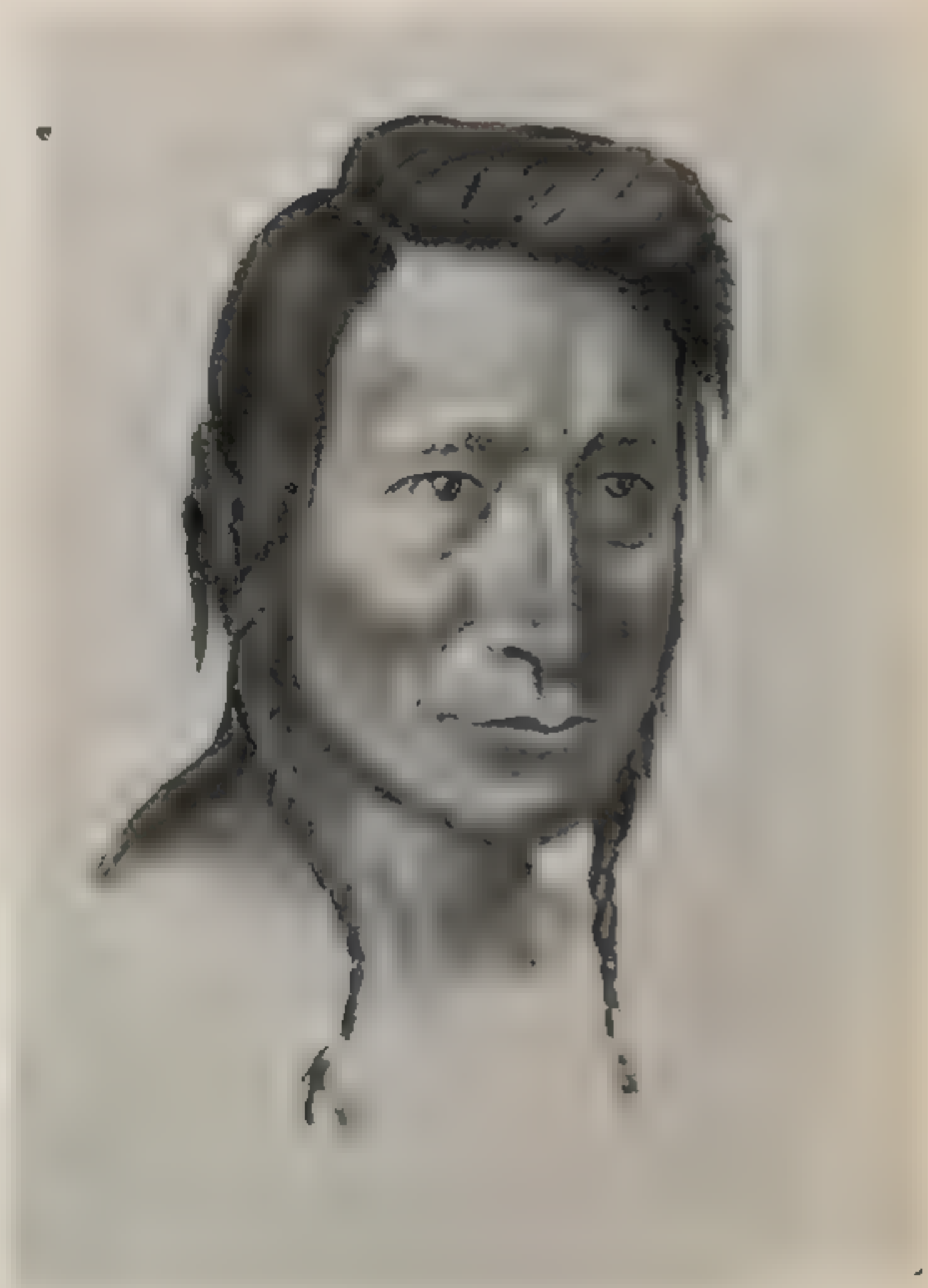

Рис. 16. Американский тип

Таблица VI

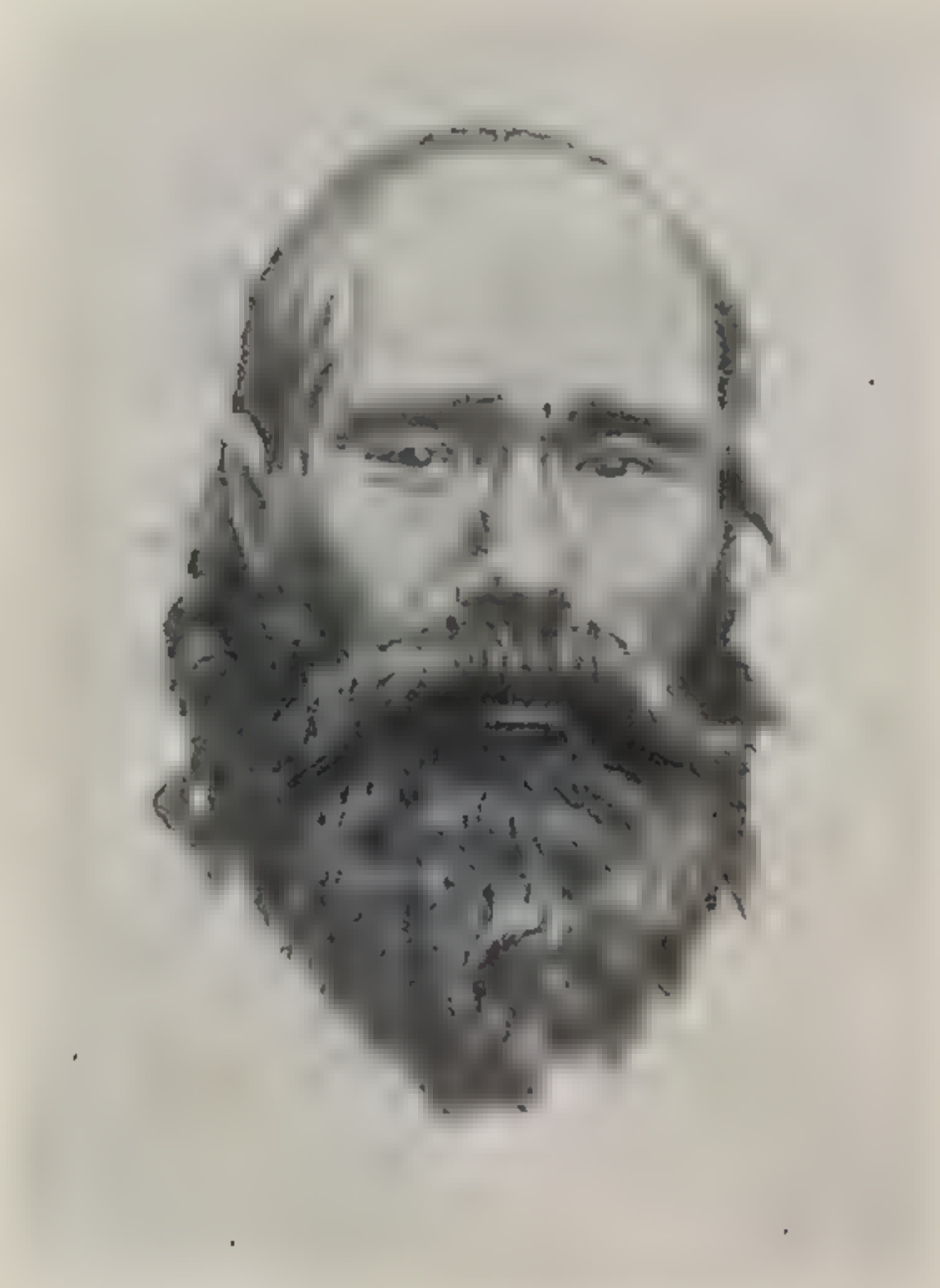

Рис. 21. Курильский тип

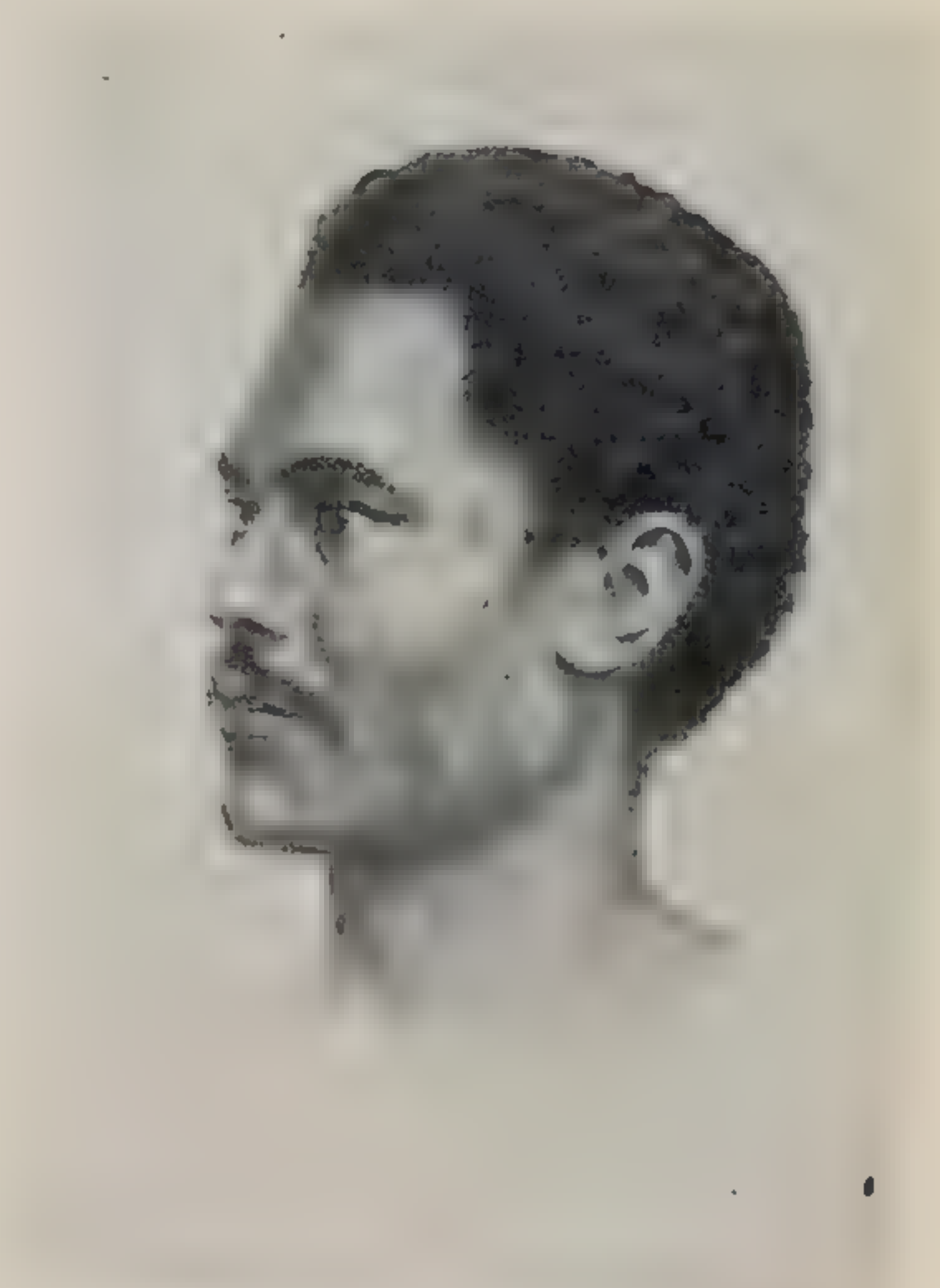

Рис. 22. Полинезийский тип

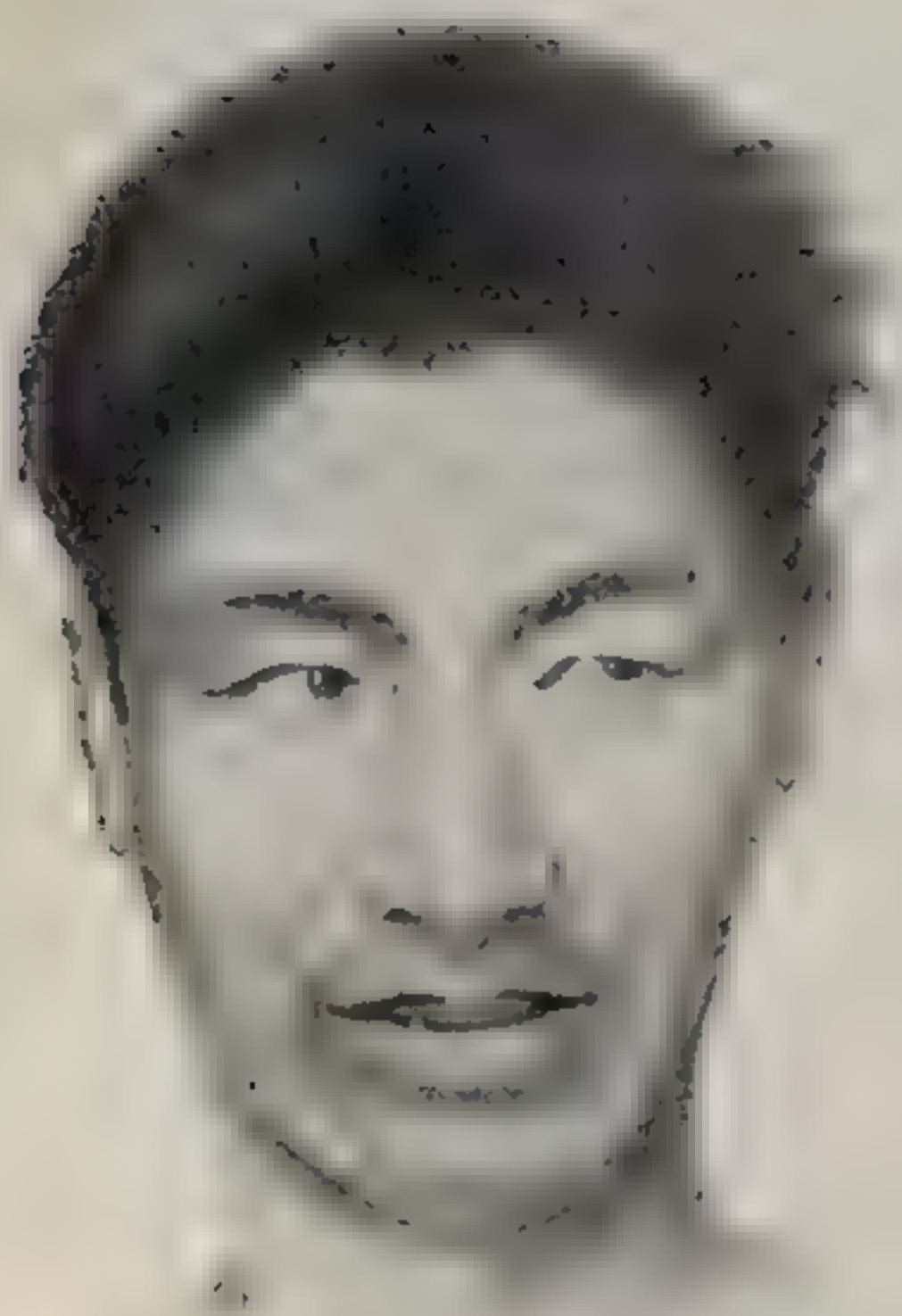

Рис. 23. Алакалуф

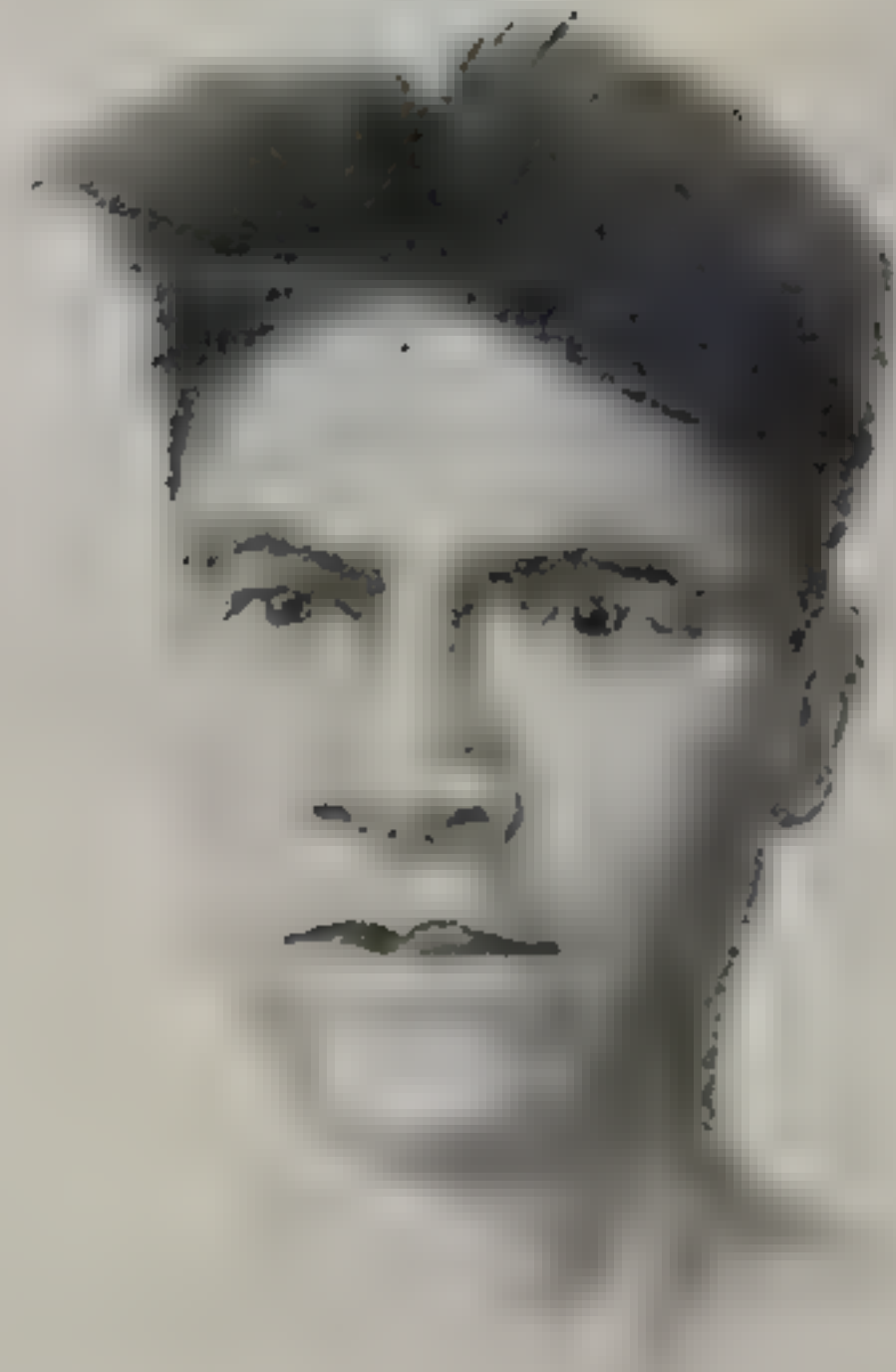

Рис. 24. Огнеземелец взрослый

Рис. 25. Огнеземелец ребенок

Таблица V

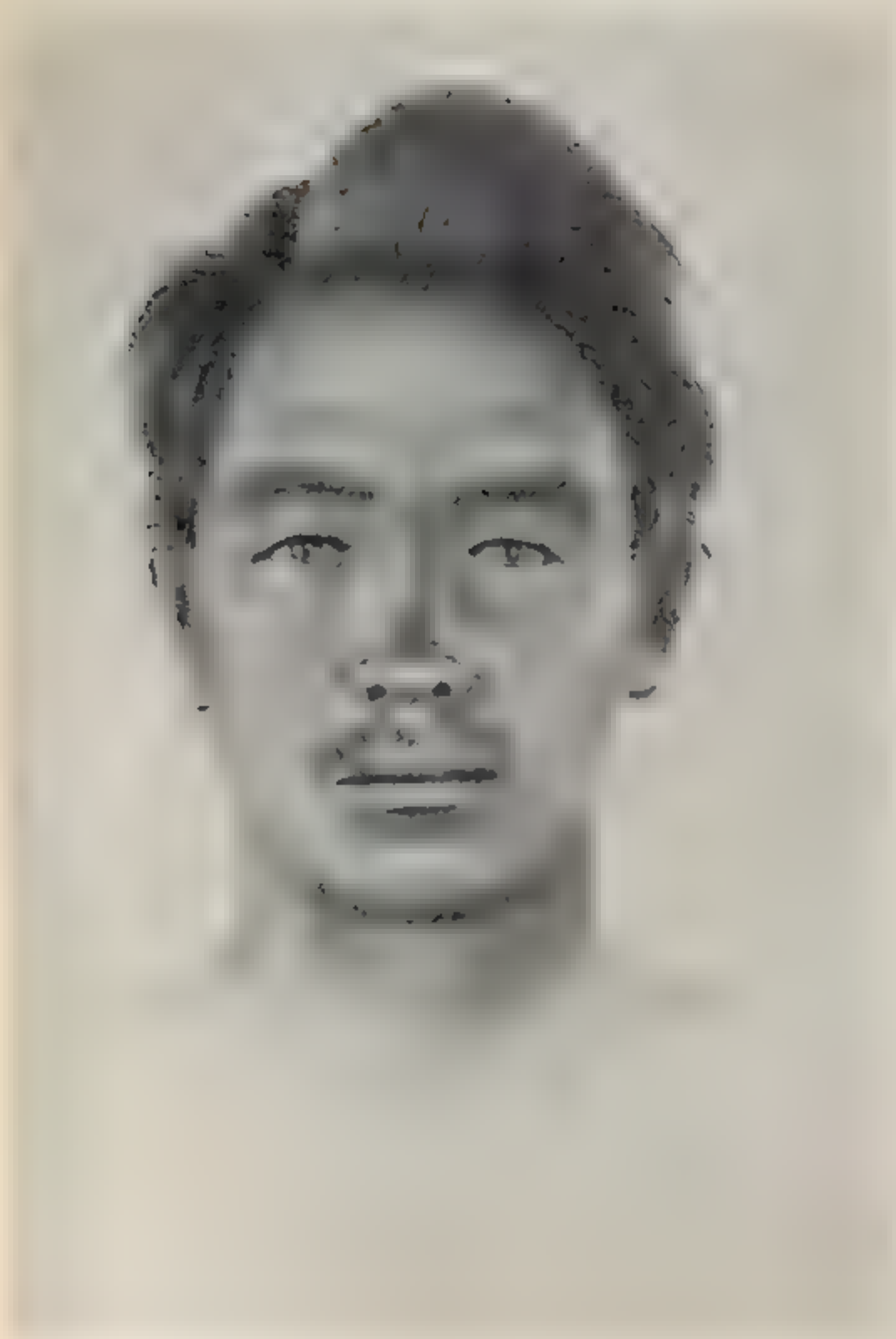

Рис. 17. Уральский тип

Рис. 18. Южноиндийский тип

Рис. 19. Эфиопский тип

Рис. 20. Южносибирский тип

Расовые типы

Наследственность — это не скучная наука. Она объясняет, кто ты, каким ты станешь, если будешь ценить своих предков. Предки живы, даже если давно умерли, они живут в каждой капелке крови, в каждой клеточке мозга, будучи в твоём сердце. Они могут благославлять тебя, если ты будешь сильным и усердным человеком. /А.Финк/

нордический тип, профиль и анфас

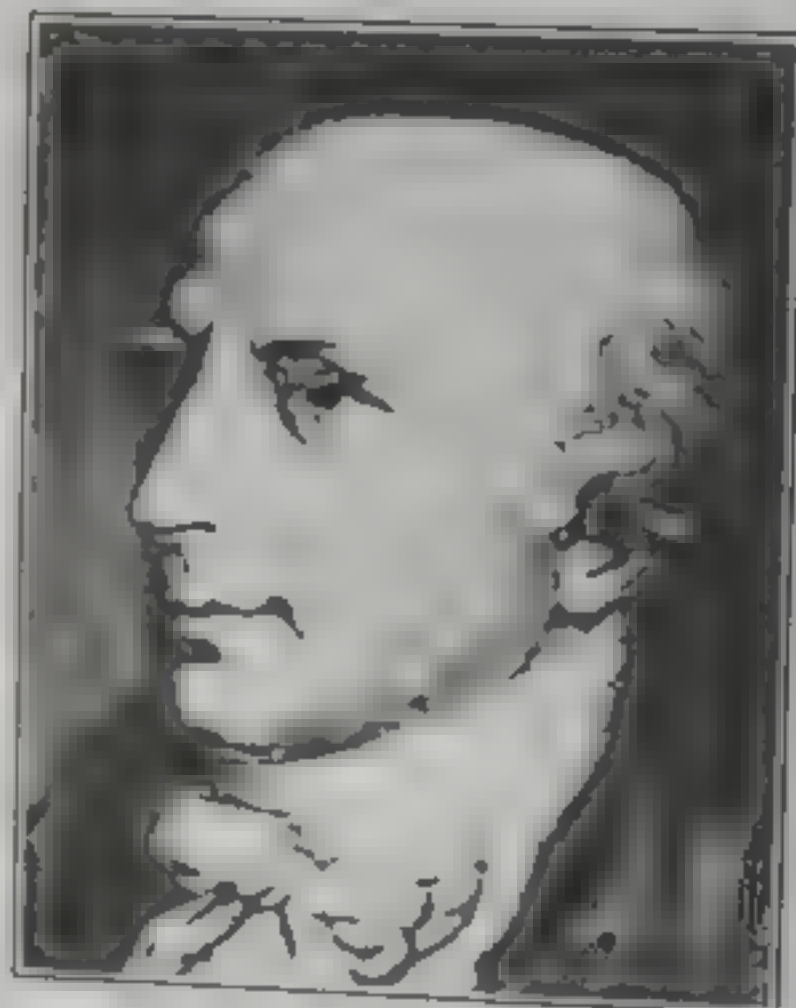
нордический тип

нордический тип

нордический тип

нордический тип

восточный тип

восточный тип

восточный тип

Типы Европы

Возможно, через пятьдесят или сто лет невозможно будет понять, как люди когда-то заботились о породе и правильном спаривании своих собак, кроликов и лошадей, а свою собственную расу запустили и забыли. /З.Фок/

нордический тип

нордический тип

нордический тип

восточно-балтийский тип

восточно-балтийский тип

восточно-балтийский тип

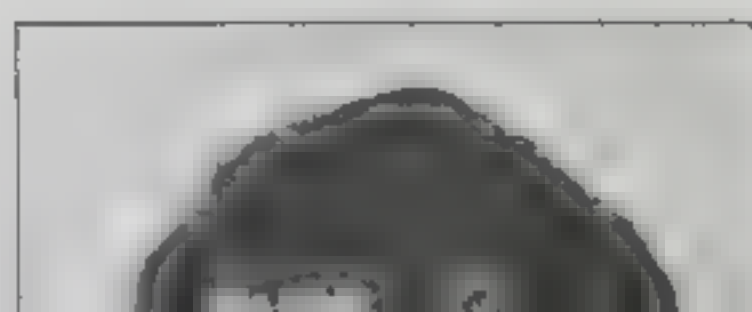
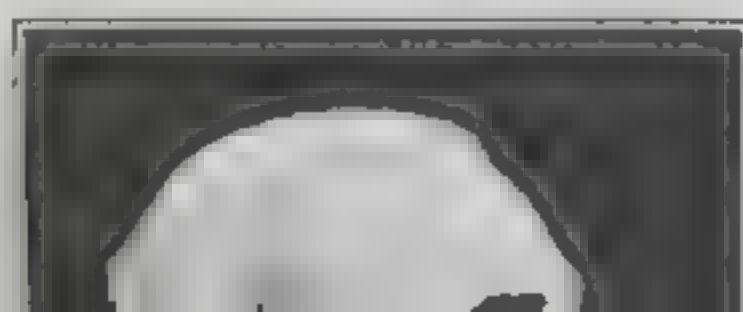
восточный тип

восточный тип

восточный тип

нордический тип

нордический тип

нордический тип

восточный тип

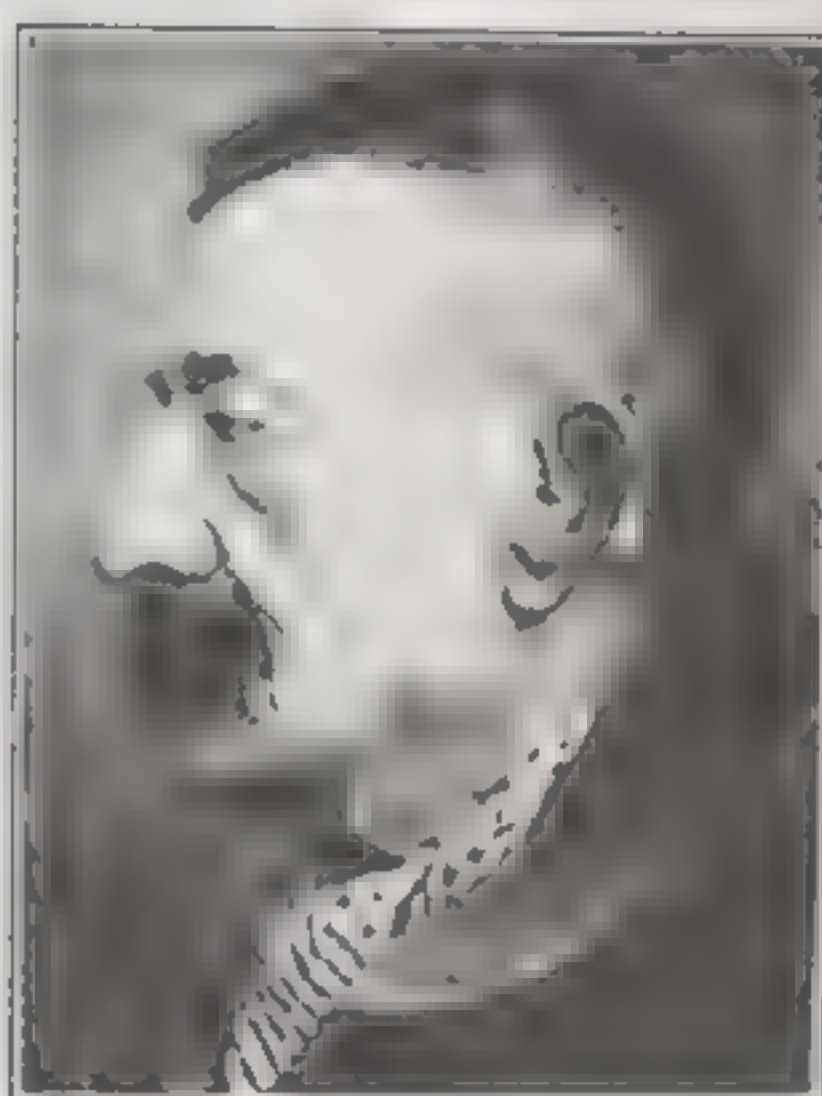
восточный тип

восточный тип

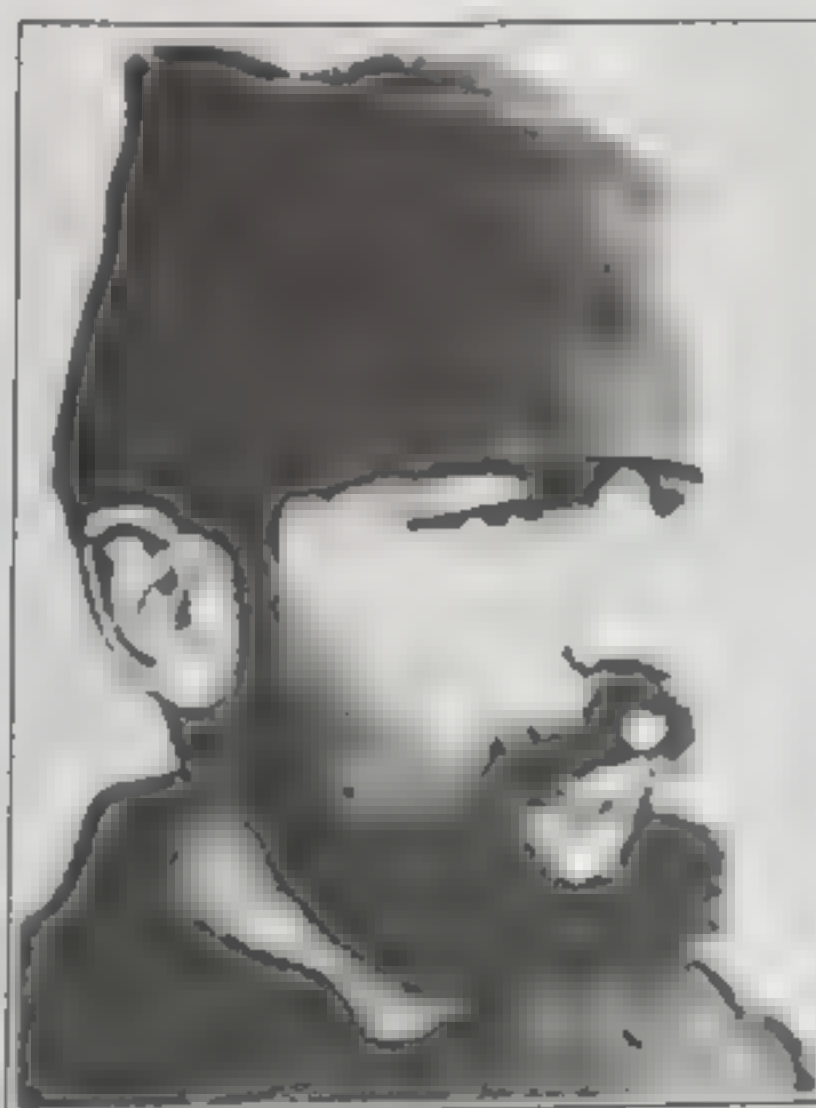
динарский тип, профиль и анфас

динарский тип

западный (средиземноморский) тип

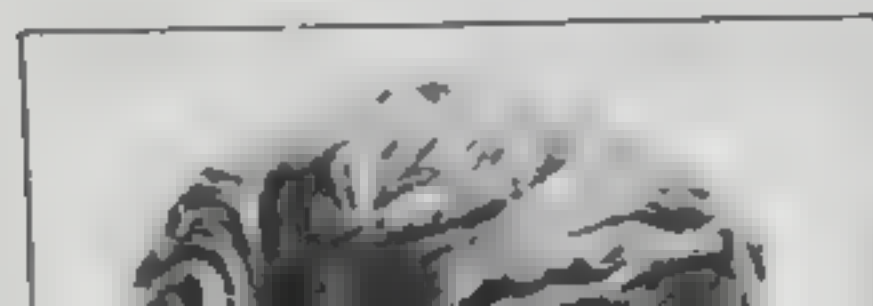

западный (средиземноморский) тип

европеоид с монголоидной примесью

Физические признаки пяти основ

	нордическая раса	западная (средиземноморская) раса	восточная (азиатская)
--	------------------	-----------------------------------	-----------------------

восточно-балтийский тип

восточно-балтийский тип

восточно-балтийский тип

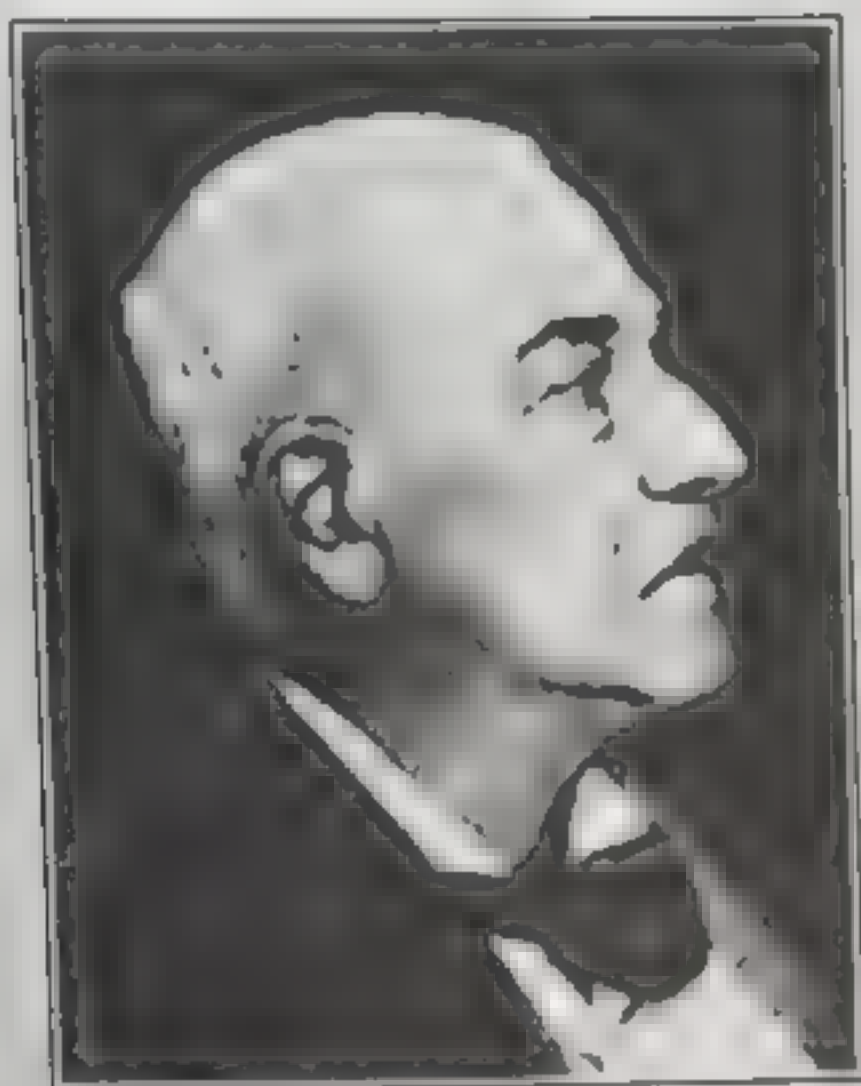
восточный тип

восточный тип

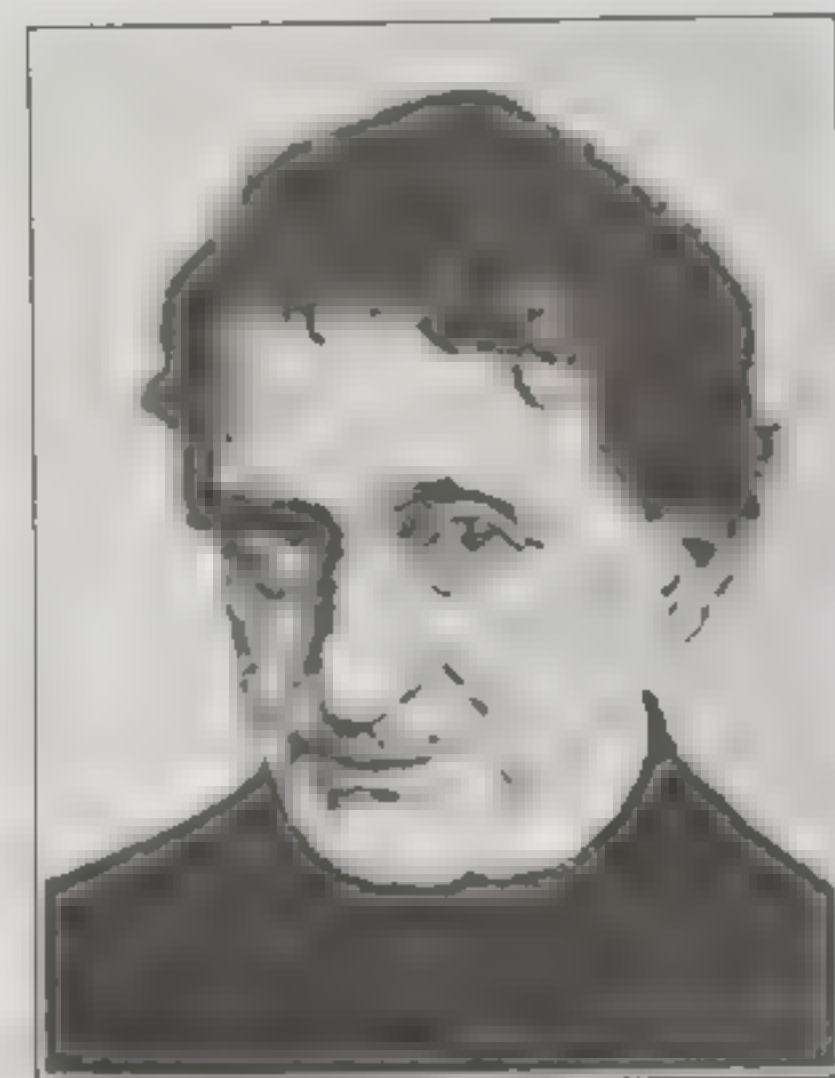
восточный тип

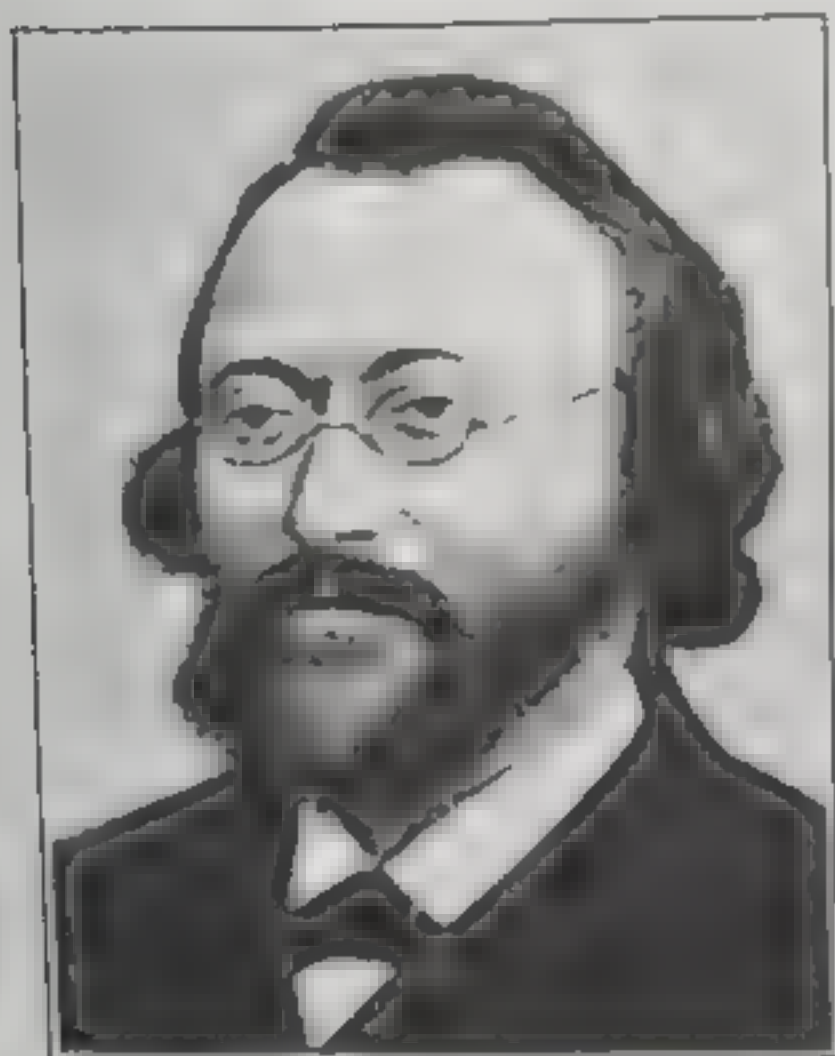
динарский тип

динарский тип

динарский тип

еврей ориентального типа

еврей переднеазиатского типа

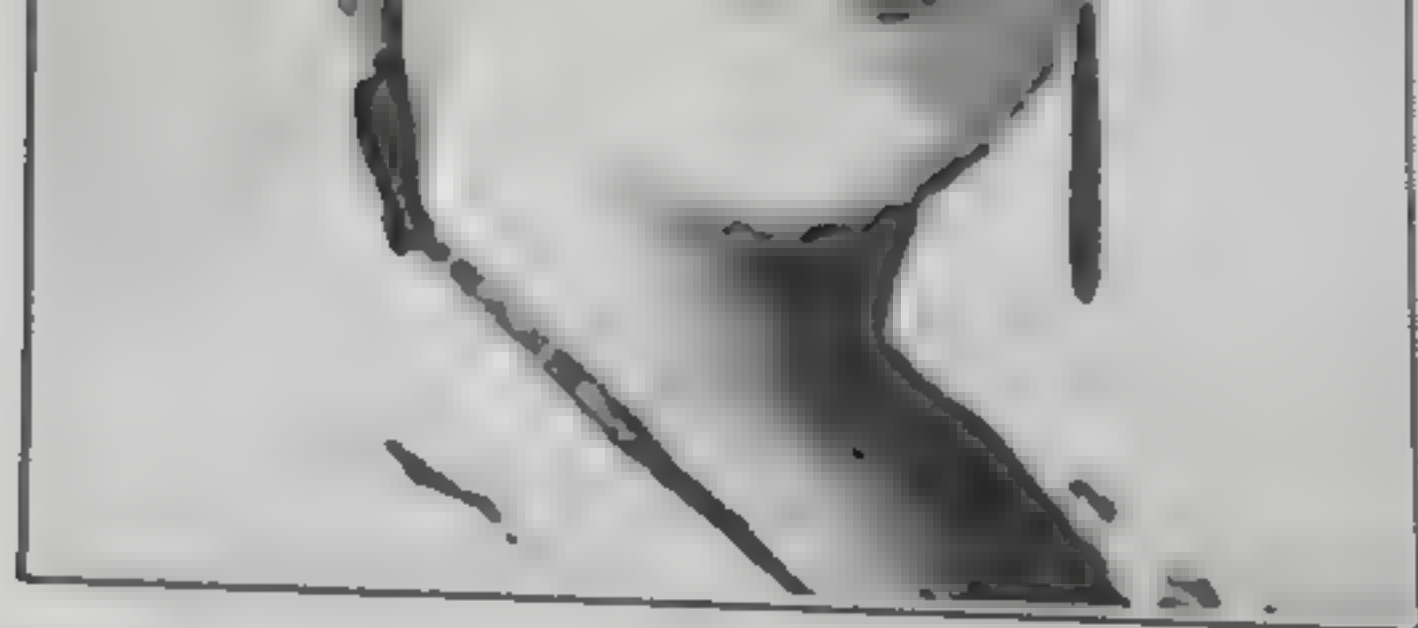
еврей с нордической примесью

основных расовых типов Европы

ая)	восточная (альпийская) раса	динарская раса	восточно-балтийская раса
	низкий, приземистый	высокий, стройный	низкий, приземистый
	короткие	длинные	короткие

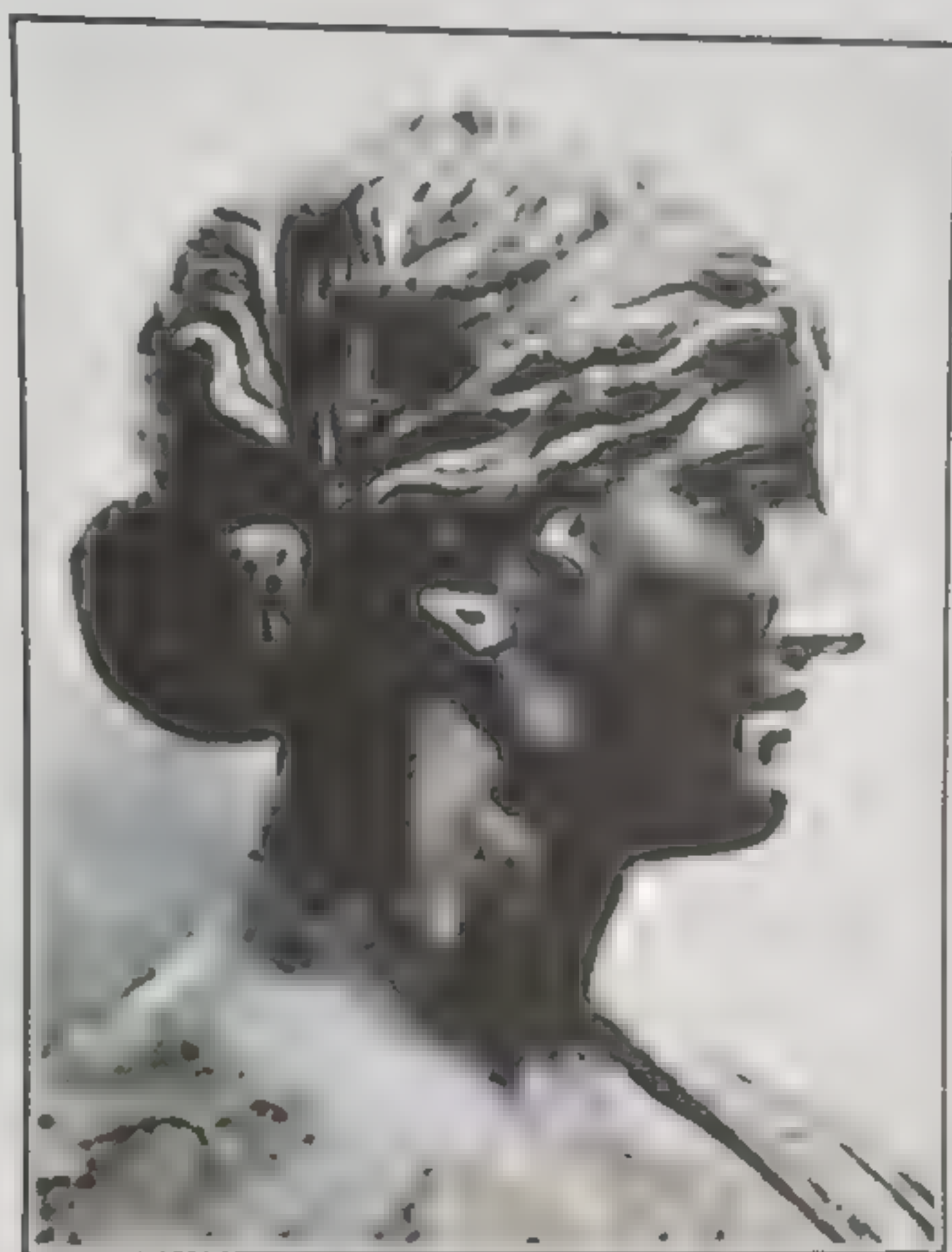

западный (средиземноморский) тип

западный (средиземноморский) тип

Физ

нордический тип

	рост
	ноги
	череп
	лицо
	лоб
	нос
	зубы
	подбородок
	мягкие части
	кожа
	волосы
	глаза
	общий вид
	движения, походка

среднеазиатского типа

еврей с нордической примесью

Вропы

восточно-Балтийская
раса

низкий, приземистый

короткие

короткий

широкое

уходящий назад

небольшой, с плоским
основанием

круглый

плотные

светлая

жёсткие, светлые
или светло-пепельные
светло-голубые, серые

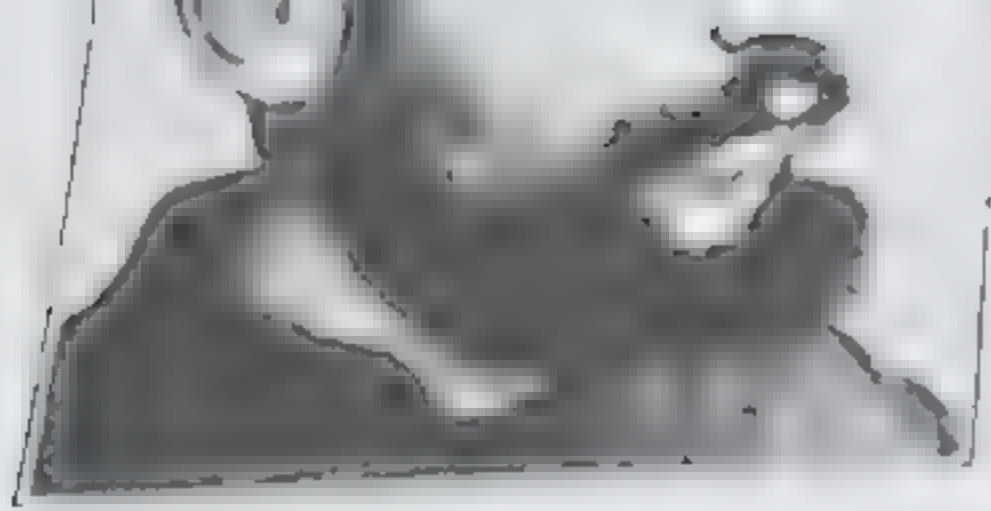
низкий, крупный,
светлый

спокойные

нордический тип

западный (средиземноморский) тип

европеоид с монголоидными чертами

еврей ориентального типа

еврей переднеазиатского типа

еврей

Физические признаки пяти основных расовых типов Европы

	нордическая раса	западная (средиземноморская) раса	восточная (альпийская) раса	динарская раса	восточно-балтийская раса
рост	высокий, стройный	низкий, стройный	низкий, приземистый	высокий, стройный	низкий, приземистый
ноги	длинные	длинные	короткие	длинные	короткие
череп	длинный, узкий, вытянутый	длинный, узкий, вытянутый	короткий, круглый	короткий, узкий	короткий
лицо	длинное, узкое	длинное, узкое	широкое, круглое	длинное, узкое	широкое
лоб	узкий, уходящий назад	отвесный, более выпуклый	широкий	уходящий назад	уходящий назад
нос	длинный, узкий, с высоким основанием	узкий, с высоким основанием	маленький, вздернутый, с низким основанием	большой, массивный с высоким основанием	небольшой, с плоским основанием
губы	тонкие	немного сжатые	—	толстые	—
подбородок	узкий, угловатый, выдающийся	узкий	тупой	широкий, высокий	круглый
мягкие части	поджарые	поджарые	полные	мясистые	плотные
кожа	молочно-розовая	смуловатая	светлая	смуловатая	светлая
волосы	прямые, мягкие, светлые, волнистые, гладкие	мягкие, темные, вьющиеся	жесткие, темные	темные, густые, вьющиеся	жесткие, светлые или светло-пепельные
глаза	светлые (голубые, серые)	карие	карие	карие	светло-голубые, серые
общий вид	высокий, физически развитый, светлый	низкий, темный	низкий, темноватый, коренастый	высокий, стройный, темный	низкий, крупный, светлый
движения, походка	сдержанные, спокойные	порывистые, оживленные	неуклюжие	спокойные, уверенные	спокойные

Портреты Пещерных говорящих приматов из книги «люди Каменного века», автор М.М. Герасимов. 1964 г.

они действительно вымерли?

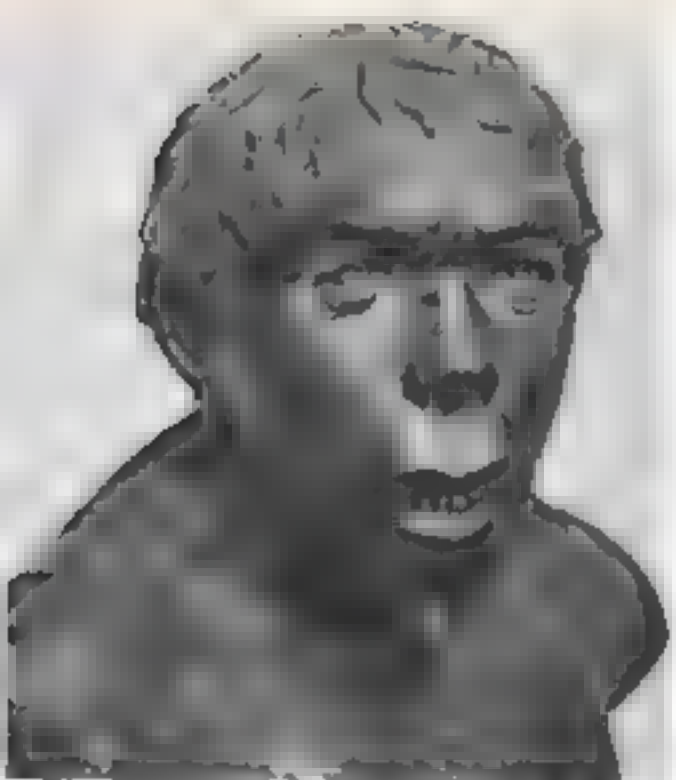

Рис. 1

Модель реконструкции лица человека из пещеры

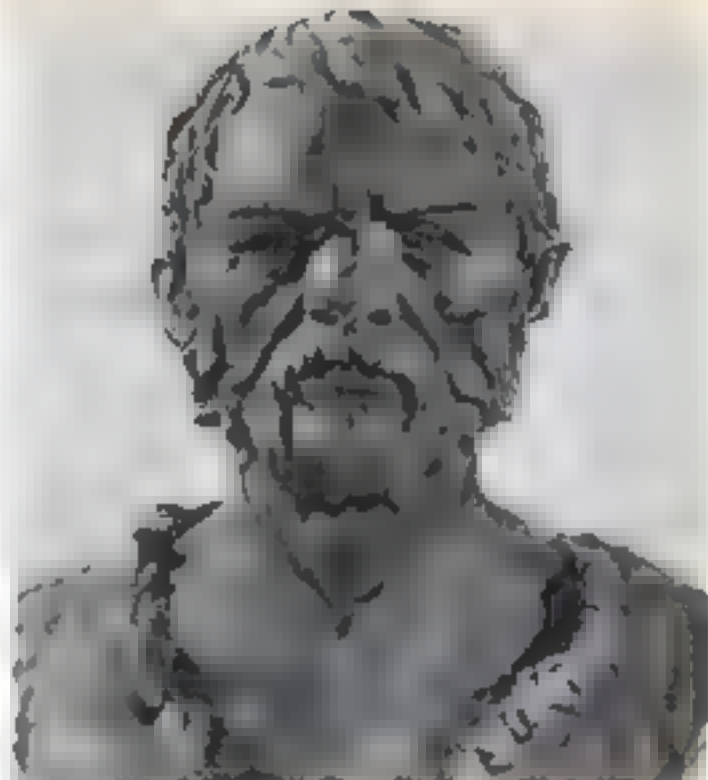

Рис. 2

Модель реконструкции лица человека из пещеры

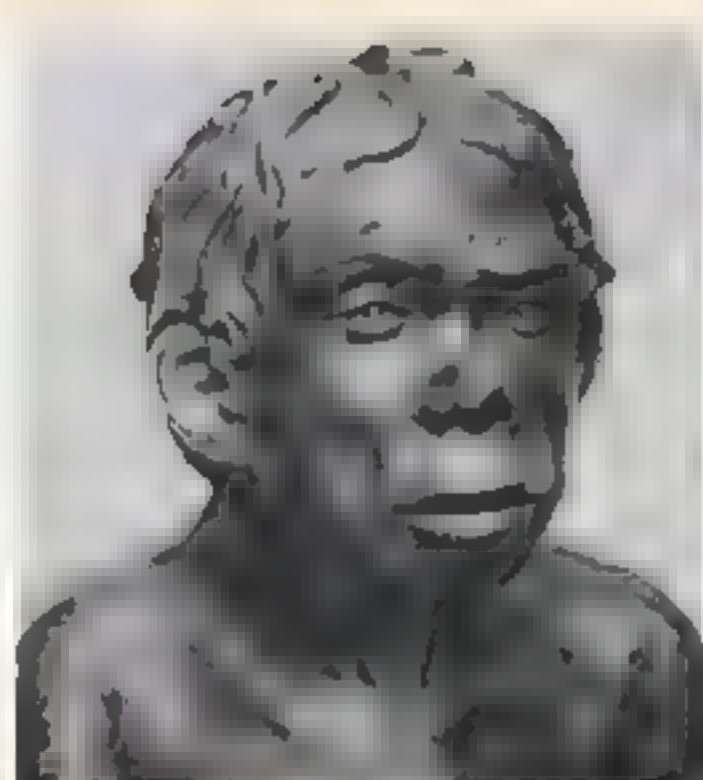

Рис. 3

Модель реконструкции лица человека из пещеры

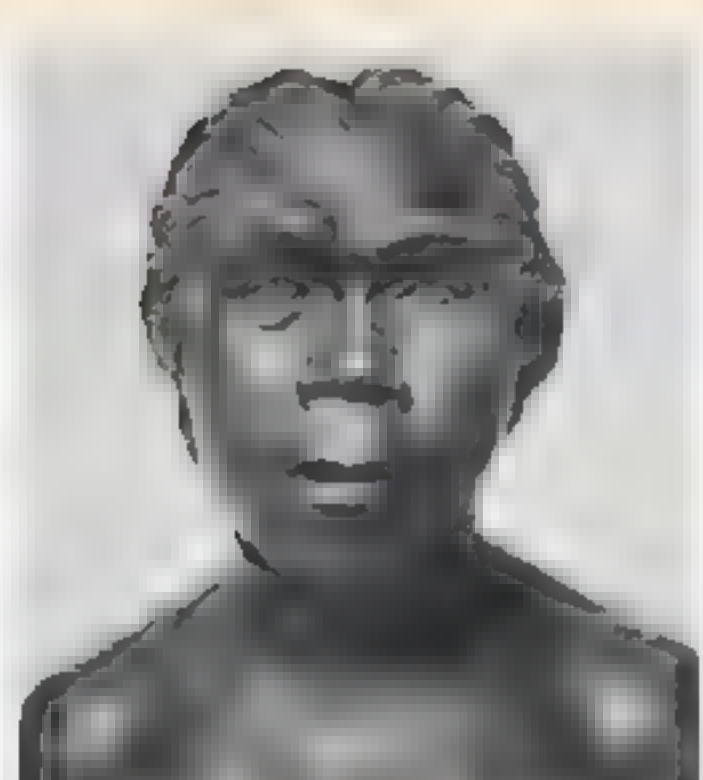

Рис. 4

Модель реконструкции лица человека из пещеры

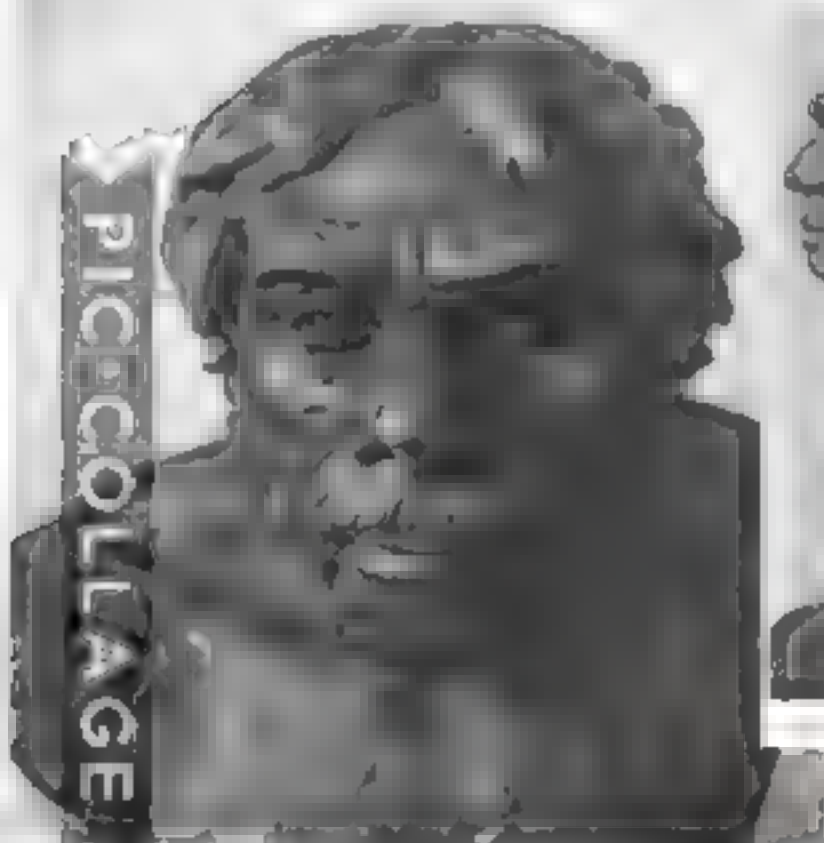

Таблица 1

Модель реконструкции лица человека из пещеры

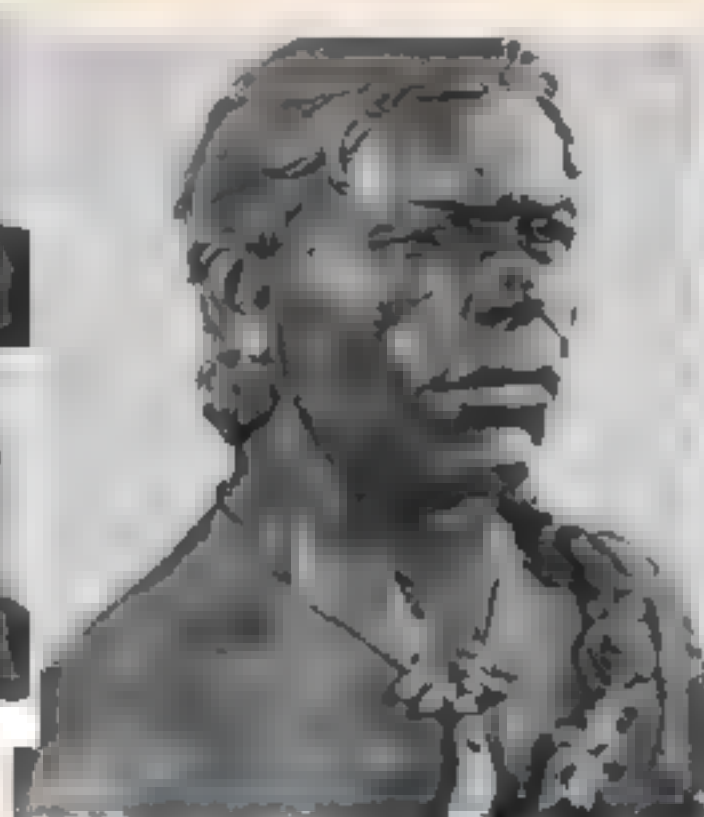
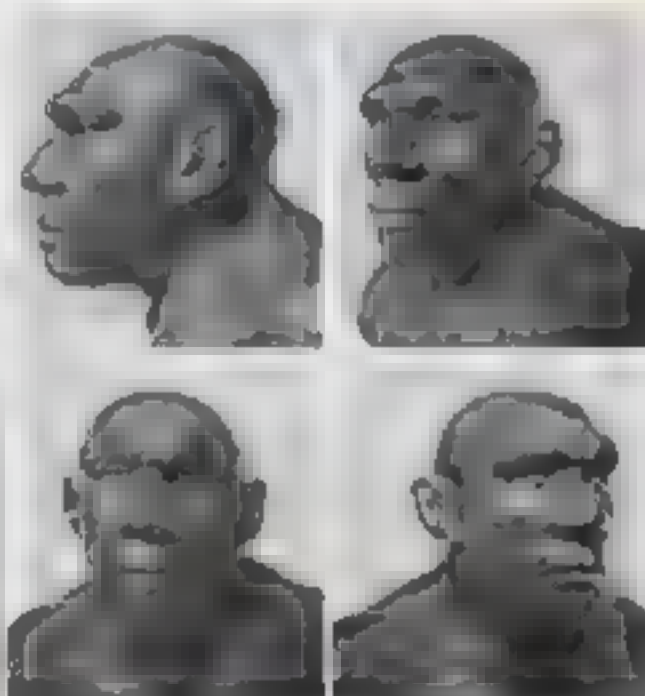

Рис. 5

Модель реконструкции лица человека из пещеры

Рис. 6

Модель реконструкции лица человека из пещеры

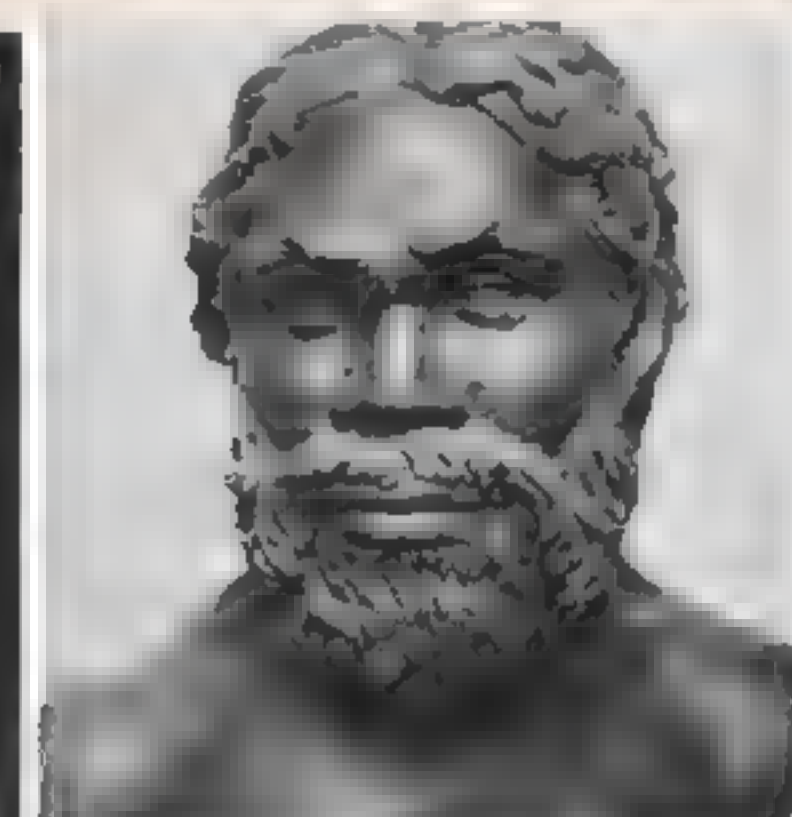

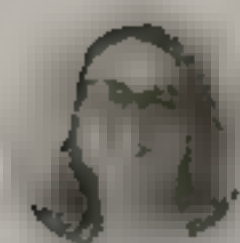
Рис. 7

Модель реконструкции лица человека из пещеры

Герой мультлика с синдромом Дауна поборол стереотипы

Показ мультфильма «Дневник Андрюши» о жизни ребёнка с синдромом Дауна прошёл на благотворительном аукционе

ВЕРА
СМАГИНА
Vera Smagina@GazetaMetro.ru

Дети с синдромом Дауна тоже могут быть супергероями | СКРИНШОТ | YOUTUBE.COM

Как мульттик стал энциклопедией жизни

Героя мультфильма зовут Андрюша, он мечтает стать супергероем. По сюжету ему вот-вот исполнится 7 лет. Мама воспитывает мальчика одна, как это часто случается в семьях, где

родился ребёнок с особенностями. Есть ещё бабушка, которая не любит «особенного» внука.

Мама работает даже по ночам и еле сводит концы с концами. В свободное время учит сына делать покупки, водит его на занятия по плаванью, ходит с ним в музей.

«Когда я родился, врач сказал, что у меня синдром Дауна. А мама сказала: «Ну и что?»

Цитата главного героя из мультфильма «Дневник Андрюши»

На улице на них оборачиваются прохожие. Мультфильм показывает важные особенности, знакомые всем родителям детей с синдромом Дауна.

Как Андрюша развеял мифы об особенных людях Андрюша – очень добрый, ласковый и отзывчивый мальчик. Когда у мамы заканчиваются деньги и он слышит, как её ругает бабушка, мальчик берёт свою

копилку и тайком идёт в магазин за пельменями, чтобы накормить семью. «Мама не одна, у неё есть я!» – рассуждает ребёнок.

Цель проекта – побороть стереотипы о том, что люди с синдромом Дауна – не такие, как все. Мульттик показывает, что, как и другие люди, Андрюша грустит и радуется, ждёт свой день рождения, мечтает о подарке, сочувствует маме и защищает её, с оптимизмом воспринимает жизненные сложности.

Мульттик разоблачает миф о том, что люди с синдромом Дауна не способны социализироваться и жить самостоятельной жизнью.

Интересные лоты аукциона в помощь людям с синдромом Дауна и их цена

- Ночное посещение выставки «Между небом и землёй» в ГМИИ им. А. С. Пушкина группой из 5 человек. Продано за 80 тыс. рублей.
- Книга Евгения Водолазкина «Краткая история Цивилизации». Продано за 180 тыс. рублей.
- Вино урожая 1998 года. Продано за 150 тыс. рублей.
- Артбук мультфильма «Дневник Андрюши». Продано за 55 тыс. рублей.

QR-КОД

Отсканируйте QR-код, чтобы посмотреть «Дневник Андрюши».

КОРОТКО

Levi's покидает российский рынок окончательно
Как сообщает РИА «Новости».

Слово «бог» предлагают писать с большой буквы
Новый проект правил русской

NashStore набирает популярность у россиян
Российский магазин приложений

КОНКУРС

Выиграй

Куклы с синдромом Дауна стали лучшими игрушками 2020 года

В этом году 24 бренда презентовали 81 игрушку для участия в конкурсе

Продвижение разнообразия

Куклы — представители разных рас с синдромом Дауна испанского бренда

PICTOCOLLAGES

неандерталец
в музее.

едоров
ает тайну
евала
глова

ТОП-5
НЕДЕЛИ

Weekend

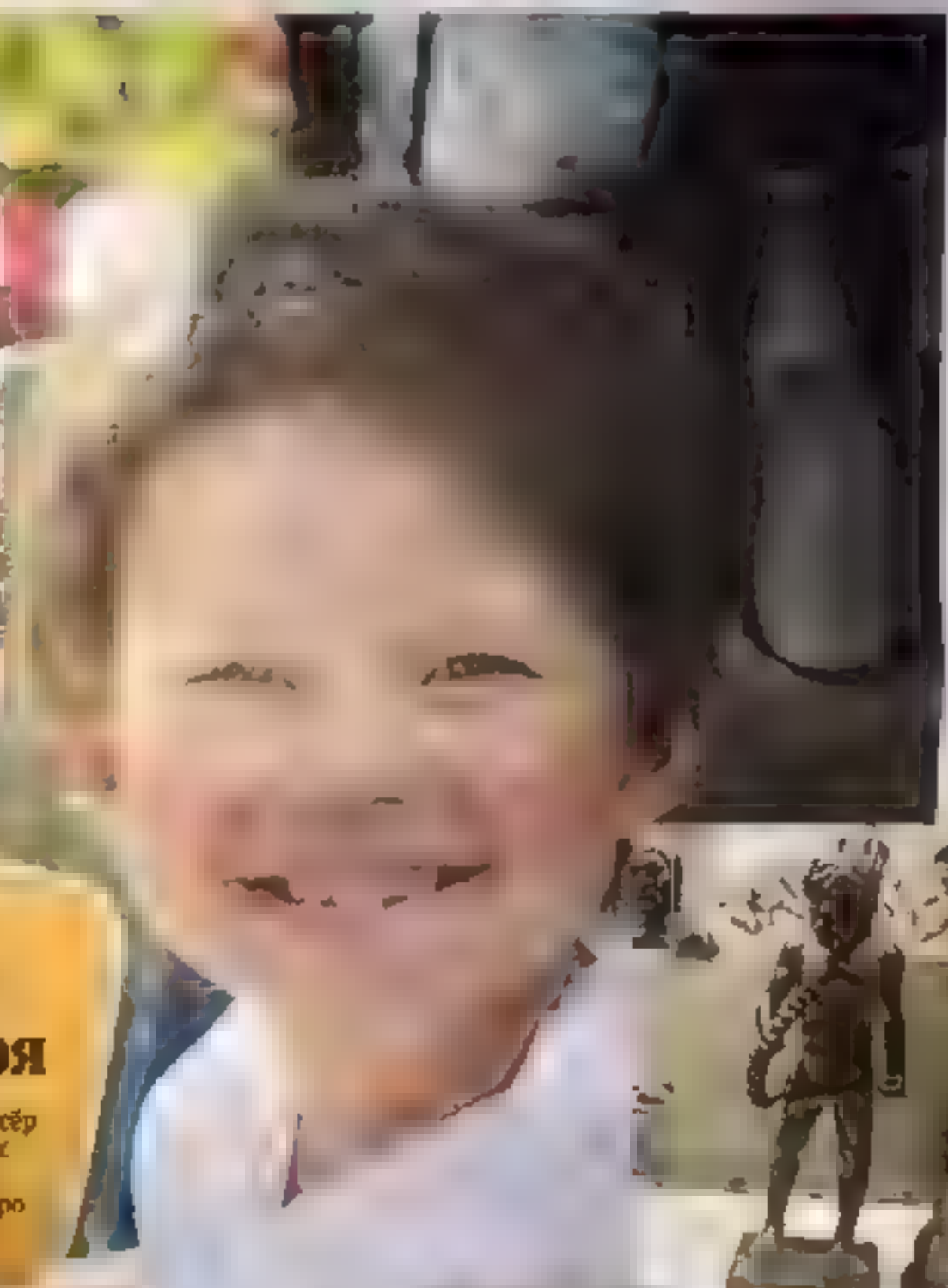
САМЫЕ ГЛАВНЫЕ ИДЕИ И События в выходные

metro

Первая роль Дочка Учителя сыграла сына Цоя

В прокат вышла картина «Цой». Режиссёр Алексей Учител рассказал Metro, как подбирал актёров на роли, каким запомнил Виктора Цоя и что думает про желание родственников музыканта запретить фильм

etroWeekend читай и обсуждай на сайте metronews.ru

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас

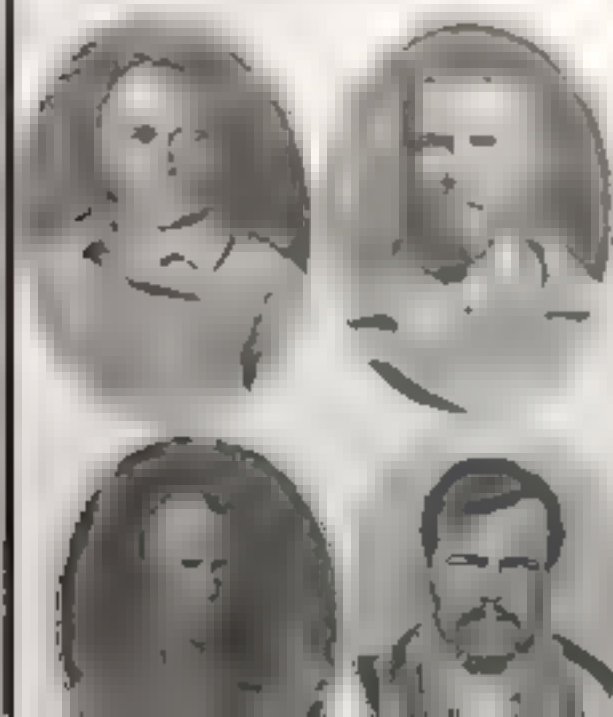
бывший врач сахалинских каторжных тюрем

УБИЙЦЫ

(Некоторые черты психофизики преступников
Со снимками преступников)

Москва 2008

PICTOCOLLAGE

АНТИЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

ЖЕНЩИНЫ-УБИЙЦЫ.

1874

П. Н. Тарновской

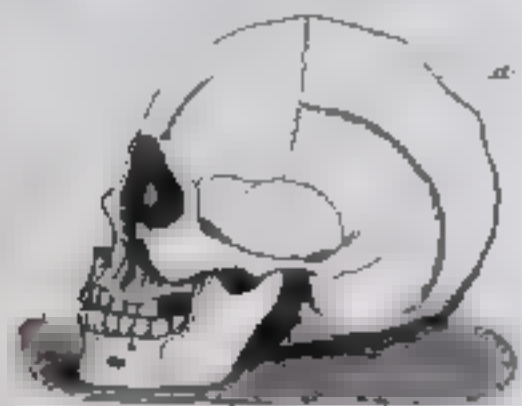
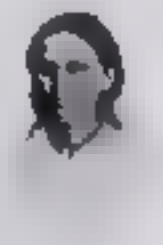
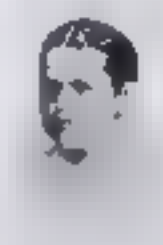
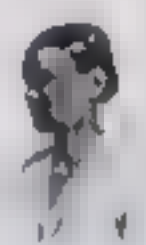
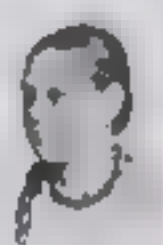
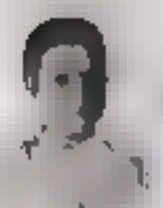
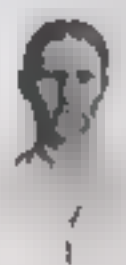
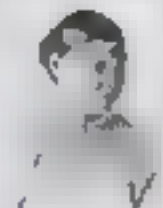
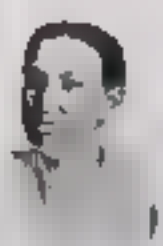
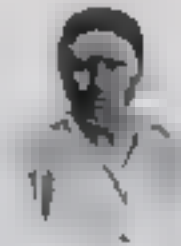
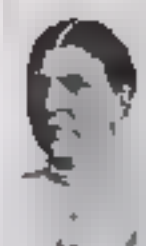
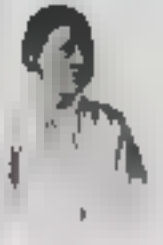
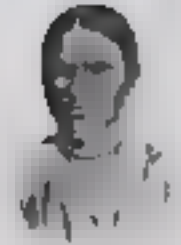
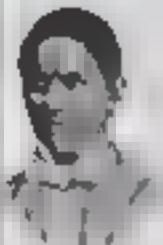
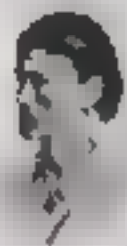
С 163 рисунками

в антропометрических таблицах

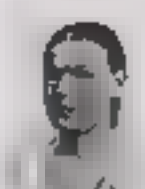
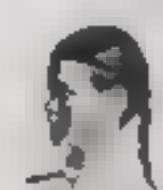

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

Том 1. 1874. Издательство: А. С. Свистунов. 1874

ПРИЛОЖЕНИЕ. Описание антропометрических данных женщин-убийц. В этом приложении приводятся антропометрические данные женщин-убийц, собранные в течение нескольких лет. Данные эти собраны в антропометрических таблицах, которые прилагаются к настоящему изданию. В этих таблицах приводятся данные о росте, весе, длине, ширине, объеме, а также о других антропометрических данных. Эти данные приводятся для каждой женщины-убийцы, о которой упоминается в тексте. Эти данные приводятся для того, чтобы показать, что женщины-убийцы не отличаются от других женщин по своим антропометрическим данным. Это показывает, что женщины-убийцы являются частью человеческого общества, а не какой-то особой кастой. Это также показывает, что женщины-убийцы являются продуктом своего окружения, а не врожденными преступницами. Эти данные также показывают, что женщины-убийцы являются продуктом своего времени, а не продуктом своего пола. Эти данные также показывают, что женщины-убийцы являются продуктом своего общества, а не продуктом своего пола. Эти данные также показывают, что женщины-убийцы являются продуктом своего времени, а не продуктом своего пола. Эти данные также показывают, что женщины-убийцы являются продуктом своего общества, а не продуктом своего пола.

По-население је Ђегенин Николасин.

123

Антропологическое. Обратите внимание среди так называемых патриотов хотя такие на этом деле либо карьеристы либо шизики. И черносотенцев находится много скотов которые уже после того как соколов-помощник убил и расчленил девушку, продолжают его защищать по всем темам и в пьяном угаре врать что Лонасенков еще хуже. Подчеркиваю по идеологии своей бредовой черносотенности они ПЕРВЫЕ должны были принять франкофила, атеиста, ряженого наполеона соколова но нет. Причина проста как биология эти животные по натуре своей агрессивны, озлоблены диким физиологически образно, эмоционально ближе убийца. Тем более, что убийца плашивши с армией харей спившись с алкаша это родное приятное близкое отражению в зеркале. Эти типы преступны по своей природе и очень опасны. Они биологически неисправимы как исл террористы. И если бы законы писались не популистскими-левизмами, а учеными, с здравым смыслом то я бы сказал что надо делать с подобным пирченым материалом чтобы обезопасить общество от убийств, насилия, шизофренических бредней и просто антиэстетики.

© 1997 by John Wiley & Sons, Inc.

Маястро открывает грозную статую в

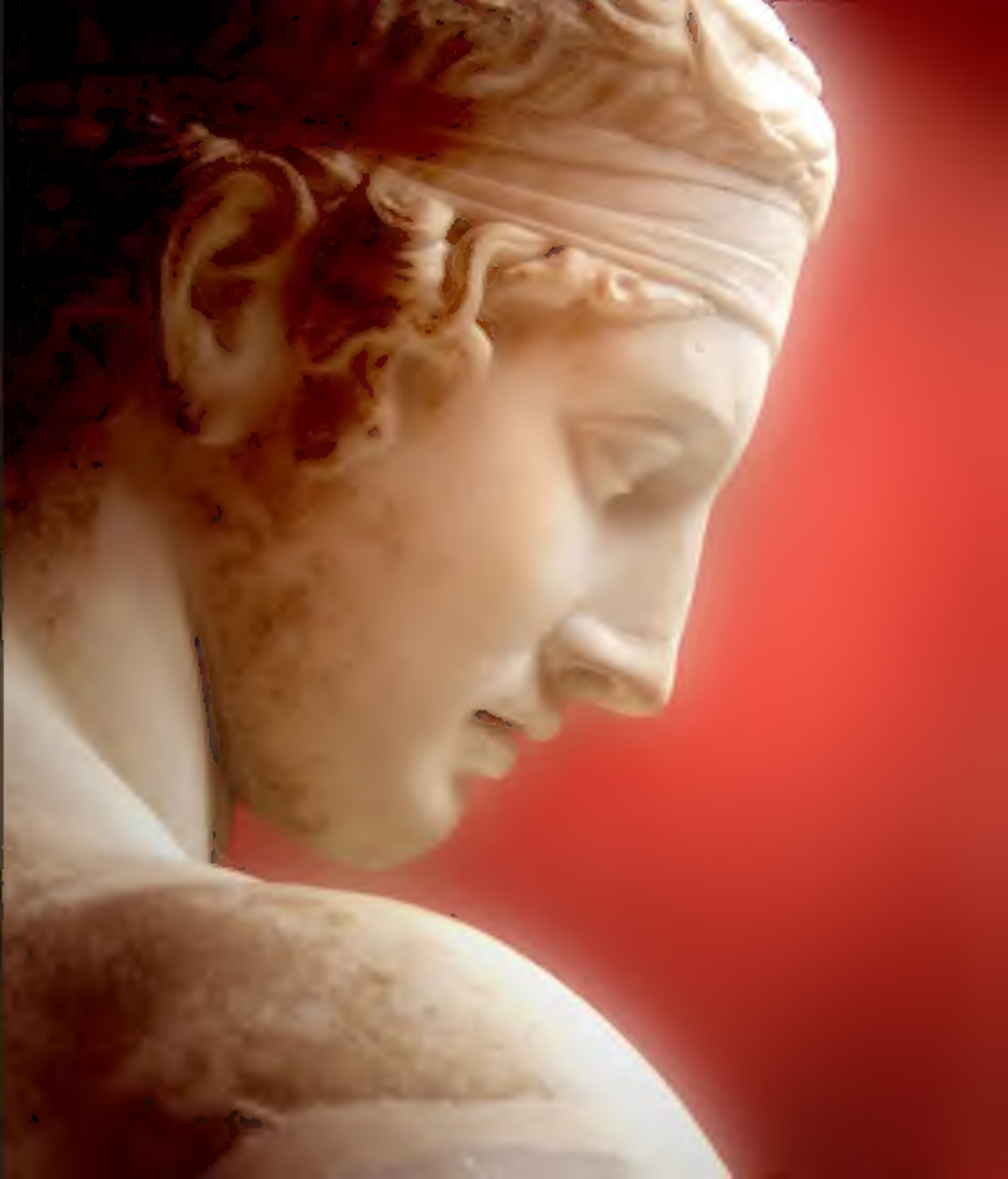

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.

Человек

PICTOCOLLEGE